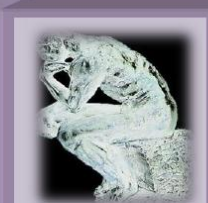
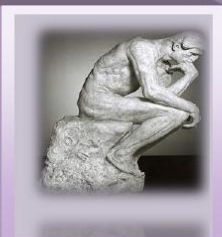

...целое больше, чем сумма его частей.

Аристотель. Метафизика

НОМО HOLOGISTIC

Челябинск, 2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Кафедра философии

Ю 5

X 766

НОМО HOЛIСТIK: ЧЕЛОВЕК ЦЕЛОСТНЫЙ

Сборник научных статей

Выпуск 3

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ

2015

ББК Ю5 + Ю22 + Ю21

X 766

Одобрено

Советом исторического факультета

Рецензенты:

проф. Н.Г. Анухина, проф. Л.Э. Пробст

Homo holistik: человек целостный: сборник научных статей / Отв. редакторы Е.В. Гредновская, А.А. Дыдров. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 205 с.

В сборник включены статьи преподавателей исторического факультета по проблемам, посвященным осмыслению целостности человека в современном мире в контексте процессов глобализации и информатизации постсовременной реальности. Тематические ориентиры размышлений отражены в его постоянных рубриках. Авторы поднимают проблемы неорелигиозного и социального самоосмысления субъекта, влияния научно-технического прогресса на современное мышление человека, проблемы иммортологического и политического пересечения существования человека, специфики театрального искусства в постижении целостности индивида и т.д.

Особенностью предлагаемого 3-го выпуска сборника является то, что он впервые включает работы молодых исследователей: студентов и магистрантов различных факультетов ЮУрГУ, а также других вузов г. Челябинска. Большая часть студенческих публикаций, представленных в рубрике «Проба пера», отражает материалы 68-й научной студенческой конференции «"Философия войны": образы войны в эпоху постмодерна», посвященной 70-летию Победы.

ISBN 978-5-696-04693-8

ББК ЮБ + Ю22 + Ю21

© Издательский центр ЮУрГУ, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Е.В. Гредновская

Третий выпуск сборника научных трудов кафедры философии продолжает реализацию цели ее научно-исследовательской работы, уже обозначенной раньше следующим образом: осмысление фундаментальных проблем, препятствующих реализации *целостного индивида* в современном обществе, поиск возможностей снятия противоречий, вызывающих «расщепленность», «разорванность» современного человека, выявление условий «сборки сознания», внутреннего «воссоединения» человеческого существа XXI-го века, определение «параметров целостности» человека, вынужденного жить в реалиях технизированного, информационного общества.

Именно в рамках этого проекта кафедры философии (а на тот период «кафедры философии и социологии») возникшая идея ежегодного выпуска сборника научных трудов профессорско-преподавательского состава «*Homo holistic: человек целостный*», и затем первый пилотный его выпуск позволили понять круг проблем, волнующих коллег кафедры и оформить структуру сборника.

Квинтэссенция постижения идеи целостности человеческого существа выкристаллизовывается из многих составляющих, о которых уже было сказано прежде, но которые хотелось бы повторить и в этом выпуске: человек *ищет* глубинные основания бытия, *познает* мир и себя, *действует* в разнообразии практик реальности, *переживает кризисы* пограничных состояний, экзистенциальных тупиков, превосходя себя, *виртуализирует* окружающий и собственный внутренний мир. Целостность человека собирается, создается и воссоздается из многомерности и многоуровневости мироздания и его собственного бытия *в новой реальности*. Обо всем этом размышляют наши коллеги, стремясь постичь специфику современности и условия, предлагаемые человеку для его существования. Об этом размышляют и наши студенты, магистранты и аспиранты, также стремясь понять сложный мир, который уже невозможно осмысливать, не отражая многослойную бытийственность его нынешней реальности в особой форме научного познания, как выясняется, наиболее адекватно реализуемой именно в *холистическом подходе*. Поэтому в новый выпуск было решено ввести еще одну его структурную часть: материалы докладов и выступлений молодых авторов из студенческой аудитории.

Таким образом, структура сборника на настоящий момент, как и во втором его выпуске, представлена в предлагаемых постоянных *рубриках*, очерчивающих специфичный круг проблем, объединенных в рамках проекта интенцией *фактора целостности*:

– *человек взыскующий* (проблематика онтологии, новой онтологии,

фундаментальной онтологии, социальной онтологии): проблемы поиска универсальных взаимосвязей мироздания как фундаментальных оснований собственного бытия – религиозных, естественнонаучных, социокультурных, ценностных и т.д.);

– *человек познающий* (проблематика гносеологии, эпистемологии, социальной эпистемологии: проблемы понимания, самопознания, интерпретации, интересубъективности – в классических, неклассических и постнеклассических методологиях философской саморефлексии, в социологическом знании, в образовании);

– *человек практический* (проблематика праксиологии в философских, социологических, экономических и междисциплинарных исследованиях: проблемы реализации деятельности субъекта, взаимодействие индивидов, индивида и коллектива в процессе производства, в философии как социальной практике, в духовно-религиозном практическом опыте реализации человеческих ценностей в реальной жизни, в социокультурных и телесных практиках);

– *человек творческий* (проблематика эстетики, социологии творчества, эвристики: проблемы сущности творчества, творчества как способности и как процесса, творческой деятельности индивида в обществе и в личностном духовном измерении – в искусстве, в социальной реальности, в игре знаково-семиотического измерения, в коммуникации);

– *человек маргинальный* (проблематика социальной философии, социологии, культурологии, междисциплинарных областей знания: проблемы «человеческих» пределов – в духовно-религиозной сфере, в экзистенциальном измерении, в социальной жизни, в кризисных явлениях в разнообразных формах обретения и утраты идентичностей);

– *человек виртуальный* (проблематика философии техники, медиафилософии, социологии, междисциплинарных областей знания: проблемы современного информационно-медийного измерения человеческого бытия, виртуальной и киберреальности, – в философском и социологическом осмыслении мира техники и ее роли в дальнейшей судьбе человека и его сознания, в повседневности, в образовании; трансляция философского и социально-гуманитарного знания в современном культурном пространстве, традиции и инновации, трансформация способов трансляции, проблемы и поиски путей их решения).

– *проба пера* (материалы докладов, тезисов, статей студентов, магистрантов, аспирантов).

В нынешний третий выпуск сборника включены статьи преподавателей исторического факультета по проблемам, посвященным осмыслению целостности человека в современном мире в контексте процессов глобализации и информатизации постсовременной реальности.

Авторы поднимают проблемы неорелигиозного и социального самоосмысления субъекта, влияния научно-технического прогресса на

современное мышление человека, проблемы иммертологического и политического пересечения существования человек, специфики театрального и кинематографического искусства в постижении целостности индивид в современных условиях.

Особенностью предлагаемого выпуска является то, что он органически сочетает уверенный академизм работ преподавательского состава и дебютные научно-исследовательские рефлексии студентов и магистрантов, т.к. он, повторим, впервые включает работы молодых исследователей различных факультетов ЮУрГУ, а также других вузов г. Челябинска. Большая часть студенческих публикаций, представленных в рубрике «Проба пера» отражают материалы 68-й научной студенческой конференции «"Философия войны": образы войны в эпоху постмодерна», посвященной 70-летию Победы, прошедшей в ЮУрГУ 25 апреля 2015 года.

УДК 070.413 + 131.416

**СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ
В СОВРЕМЕННЫХ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ**

*Л.И. Белова, А.А. Бестужева,
Южно-Уральский
государственный университет*

Авторы рассматривают современное проявление религиозно-философской мысли в специализированной периодике. На примере журнала неоязыческой организации Асатру, посвященного Северной Традиции, германоскандинавской мифологии и смежным направлениям авторы проводят содержательный и функциональный анализ материалов.

Ключевые слова: журналистика, религия, философия, неоязычество, неоязыческие журналы, специализированные СМИ, «Северный ветер».

В процессе развития журналистики как профессионального вида творчества менялись не только методы получения и подготовки материалов, но и способы донесения информации до аудитории. Технический прогресс, а так же исторические, социокультурные и экономические изменения во всем мире, привели к расширению потребности аудитории в разнообразии тематики, жанрового своеобразия и форм конечного продукта журналистской деятельности. Такой спрос вызвал сегментирование рынка СМИ и дифференциацию аудитории по множеству различных признаков, в том числе и по интересам. В XXI в. русские и зарубежные исследователи выделили новый феномен – журналистика сообществ, или же «community journalism». Современной наукой еще недостаточно подробно изучены как сам феномен, так и его тематическое разнообразие, направления, технологии и практики. В настоящий момент, российские ученые включают в него функционирование журналистики диаспор, социальных групп, муниципальных образований, групп по интересам, а так же, религиозных групп. Именно СМИ религиозно-философской тематики занимают центральное место в нашем исследовании.

В современной науке существует множество подходов к определению религии. Объединив теологический, философский, социальный и психологический подходы, О.Ф. Лобазова предлагает следующее определение: «религия – это система взглядов и убеждений, на которых строится мировоззрение и мироощущение, а так же соответствующее поведение и специфические действия (культ), и которые основаны на вере в существование Бога или богов, «священного», то есть той или иной разновидности сверхъестественного» [4, с. 13].

Слово «философия» дословно обозначает «любовь к мудрости». Существует множество трактовок, характеризующих данную науку с разных сторон. Имеет место определенная двойственность философии. Философия, являя собой научное знание, изучает не только мир как таковой с позиций науки, но и стремится раскрыть смысловую сторону бытия, показать его значимость для человека, выступая уже в роли мировоззрения [9, с. 8]. Из этого можно сделать вывод, что философия является определенной формой мировоззрения, также как и религия.

По мнению Н.Ф. Бучило, с которым мы полностью согласны, «мировоззрение – это система взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентиры» [2, с. 11].

Как мы видим, и религия, и философия затрагивают проблему мировоззрения. Изначально философия возникла в противовес религии. Если религиозное знание преподносилось в готовой форме (мифы, писания, обычаи) и передавалось от отца к сыну, то философия подразумевала собственные интеллектуальные и духовные изыскания. С точки зрения философского подхода к осмыслению мира, человек не должен опираться на единственный источник, изначально навязывающий ему определенную мировоззренческую позицию, а формировать ее посредством получения разнообразной и разносторонней информации, последующего анализа и размышлений, опираясь на собственные знания и опыт [4, с. 8–12].

Взаимодействие религии и философии является сложным и многоплановым. По мнению Л.Н. Митрохина, «для философа, занимающегося религией, точкой отсчета («абсолютом») является не то иное вероучение, но разум» [5, с. 114]. А значит, к религии человек должен приходить посредством размышлений, основываясь на своем личном мироощущении.

В новых религиозных движениях отношение к философии неоднозначное. Часть таких религий основывается на религиозной философии, в то время как некоторые из них отрицают философию в принципе, как вредящую истинной вере.

Под новыми религиозными движениями С.В. Алексеев предлагает понимать «религиозные (включая оккультно-мистические) организации, группы и сообщества, возникшие на протяжении XIX–XX вв.» [1, с. 3]. Такие движения можно разделить на несколько групп: оккультно-мистические общества и религии оккультного происхождения (Телема, Викка, друидизм, сатанизм), неохристианские религии, неоориенталистские религии и неоязыческие верования.

Оккультно-мистические организации и религии, основанные на оккультизме, в большинстве своем тяготеют к религиозной философии. Как правило, в оккультных сообществах, несмотря на иерархичность и наличие обязательных практик, существует свобода личности.

С.В. Алексеев разделяет оккультизм на «низкий» и «высокий». Если «низкий» оккультизм ограничивается применением оккультных наук для исполнения бытовых нужд, то «высокий» нацелен в первую очередь на совершенствование личности через применения оккультного знания, что подразумевает, в том числе, философские изыскания [1, с. 5].

Представители неохристианских религий относятся к философии позитивной. Если в новопротестантских конфессиях продолжают философскую традицию протестантизма и развивают собственную религиозную философию, то такие организации как Свидетели Иеговы в принципе отрицают какую-либо возможность индивидуального сознания у верующих. К примеру, Церковь Муна, как и Свидетели Иеговы, является строго иерархичной авторитарной организацией. В подобных религиозных обществах принято фанатичное соблюдение догматов и подавление свободы личности. Такие «секты» являются деструктивными и опасны для человека [7, с. 211–221].

Неоязычество – одно из современных направлений духовно-религиозных исканий; возрождение дохристианских форм мировоззрения как основы гармоничного взаимодействия с природой и обществом [8, с. 294]. Несмотря на влияние христианства и мусульманства, язычество существовало всегда. В России оно проявлялось в двоеверии, знахарстве и традиционной медицине, в традиционных праздниках и обрядах. В конце XX – начале XXI вв. обозначились несколько направлений, языческих по своей природе: «Детки» Порфирия Иванова, «Истоки» Ю. Иванова, «Святогор» А. Егорова и А. Белова и др. [8, с. 295–296]. В последнее время особую популярность завоевали «Родноверие» и «Асатру».

«Родноверие» – одно из характерных течений современного неоязычества, члены которого прославляют культ славянских божеств и стремятся возродить дохристианские обряды и верования славян, идентифицируя себя с последними. Родноверы разных общин не имеют единых канонов, считая, что свобода от догматов является преимуществом язычества перед христианством. При этом в «Родноверии» существует философия, представляющая собой трансформированную философию

славянских язычников, которая объединяет всех приверженцев данного религиозного направления [3, с. 9].

«Асатру» или «Трот» – неоязыческая религия, представляющая современную интерпретацию традиционной политеистической религии, в дохристианский период распространенной на территории современной Европы от Франции до северо-запада России. Слово «Асатру» происходит от древнеисландских слов *ass* – «бог» и *tru* – «вера, доверие», и означает «доверие богам». Асатру не имеет священных книг. Авторитетными письменными источниками мифологии и эпоса являются «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», но они не рассматриваются как «боговдохновенные» писания. Другими важными источниками приверженцев данной религии, являются научные данные об истории, культуре, языке и других областях жизни народов, исповадовавших ее в древности (древние германцы и скандинавы).

В настоящее время организации Асатру существуют практически во всех странах мира с преобладающим европейским населением. На территории России первая группа была организована в 2004 г. в Санкт-Петербурге. С тех пор количество приверженцев Асатру, так называемых «асатруа», постоянно растет в различных регионах РФ и Ближнего Зарубежья [6].

Приверженцы Асатру, как и Родноверы, не считают нужным придерживаться четких канонов и догматов. Их религия основана на сложной религиозной философии, которая определяет основанное на вере мировоззрение, со своим миропониманием, моральными нормами, элементами культа и общественным взаимодействием [6].

Боги для приверженцев Асатру – основа философии. В их сущности люди видят доступное отражение сложной системы взаимоотношений человека с природой и себе подобными, построенное на многообразии человеческих чувств, амбиций и устремлений. Каждый из Богов – личность, с собственными особенностями, различными качествами характера, влияющими на их поступки. Божественный пантеон – это совокупность одновременно внешних сил, окружения человека, и особенностей его личности, сил внутреннего мира. Гармоничное взаимодействие с божественными силами позволяет раскрыть соответствующие каждому из Богов аспекты личности во внутреннем мире человека и определить принципы, необходимые в мире внешнем [6].

Специализированный журнал «Северный ветер» – единственный русскоязычный периодический печатный орган неоязыческой организации Асатру. Он посвящен Северной Традиции, германо-скандинавской мифологии и смежным направлениям.

«Северный ветер» является совместным проектом двух годордов (общин Асатру): «Иггдрасиль» (Киев, Украина) и «Веретена Фригг» (Минск, Беларусь). Журнал выходит 4 раза в год с 2013 года. Месяца выхода соответствуют традиционным праздникам Северной традиции: Остара

(весеннее равноденствие), Мидсаммер (летнее солнцестояние), Урожай (осеннее равноденствие) и Йоль (зимнее солнцестояние). На обложке каждого нового номера указывается не месяц выхода, а название праздника.

К настоящему моменту вышло уже 8 номеров. Объем журнала варьируется в зависимости от номера. Так в № 1 – 48 страниц, в № 2 – 64 страницы, в № 3 – 76, в №№ 4 и 5 – 82 страницы.

Целевой аудиторией журнала являются как русскоязычные приверженцы неоязыческой религии Асатру, так и люди, интересующиеся Северной Традицией, германо-скандинавской мифологией, рунической системой и т. д. Журнал направлен не только на информирование, но и на просвещение.

Структура журнала основывается на постоянных рубриках. Основные рубрики: Обращение редакции; Новости; Люди, с которыми нам по пути; Исследования; Ветер странствий; Переводы; Музыка; Сказки; Реконструкция; Видеообзор; Творчество. Рассмотрим коротко каждую из рубрик.

«Обращение редакции» в журнале «Северный ветер» исполняет роль вводного слова. В первом абзаце содержится информация о празднике, соответствующем дате выхода, или о важных для журнала событиях. Второй абзац обращения содержит краткое перечисление наиболее интересных материалов в выпуске. В следующей части (за исключением первого номера, где она отсутствует) сообщается то новое, чем данный выпуск отличается от предыдущих – новые рубрики, необычные статьи. Важно рассмотреть данный абзац в Йольском (четвертом) номере, так как именно здесь редакторы раскрывают цель журнала и выражают личную позицию по отношению к материалам: «Задача нашего журнала – предоставить читателям необходимую базу для самостоятельного изучения и погружения в Северную Традицию. Мы стараемся освещать тему с различных (адекватных) точек зрения, и не по всем вопросам эти точки зрения могут совпадать с мнением редакции. Таковой, например, является статья К. Гундарссона "Тевтонская магия"...». Опираясь на приведенную цитату, можно сделать вывод, что редакторы не навязывают собственную точку зрения, а стремятся дать предельно объективную информацию, тем самым оставляя выбор за читателем.

Обращение к читателю выполняют информационную, коммуникативную и идеологическую функции, обеспечивая лучший контакт с читателем. Обращение в специализированном журнале «Северный ветер» отличается художественностью и ориентированностью на приверженцев Асатру, но при этом отсутствием пропаганды религии. У читателя есть выбор, как воспринимать полученную из журнала информацию: как мифологическую или как реальную.

Такая рубрика, как «Новости», характерна для большинства журналов. В каждом номере эта рубрика занимает различное количество страниц и раскрывает разные направления. Например, в № 1 новостная рубрика

занимает 3 страницы. Все новости представляют собой анонсы со ссылкой на сайт, где можно ознакомиться с данным вопросом подробнее. На первой странице сообщается о выходе трех книг Л. Кораблева: «Книга истории об эльфах», «Графическая магия исландцев» и «Руническая тайнопись: руны эльфов». Также приводится краткий комментарий к каждой книге. На второй странице содержится анонс книги А. Платова «Сакральная символика Нордов», помимо комментария в новости помещено оглавление. Кроме анонса книги, на второй странице содержится объявление и важная информация о выездном семинаре школы Северной традиции «НордХейм». Третья страница полностью посвящена Мидсамер фесту – фестивалю, посвященному празднику летнего солнцестояния. К каждому новостному материалу прилагается фотография.

Новости журнала «Северный ветер» можно разделить по следующим направлениям: анонсы книг; анонсы фестивалей и тематических семинаров, курсов; информация о новых общинах; информация о достижениях Асатру на пути к официальному признанию.

В целом, новости направлены на информирование приверженцев Асатру, на привлечение их к жизни внутри общины. Особенность новостей – в их узкой направленности.

Рубрика «Люди, с которыми нам по пути» представляет собой интервью с людьми, зарекомендовавшими себя среди асатруа, приносящие вклад в деятельность Асатру. Стоит заметить, что асатруа и близкие им по интересам люди часто меняют свои имена на тематические псевдонимы, используя их в повседневной жизни, поэтому имена некоторых героев и журналистов весьма необычны. Материалы построены по схеме «вопрос-ответ».

Например, героем интервью в № 1 стал Хадекен, специалист по исландскому ведовству; в № 2 на вопросы отвечал Сигвальд Годи, альсхерьягоди (председатель) Содружества Асатру; в № 3 – Ольга Маркелова, филолог и действующий член исландской общины Асатру; в № 4 – Юрий Слеповронский (Торольв), годи общины «Идавёлль». Некоторые из героев являются авторами исследовательских статей в журнале.

Вопросы к героям сильно различаются, в большинстве своем, касаются деятельности каждого из интервьюируемых. Так Хадекен рассказывает об исландской магии, геомантии (гадание с помощью земли), изготовлении гальдраставов (рунических символов, обладающих магической силой). Хадекен не принадлежит ни к одной из общин и довольно нейтрально относится к теме религии.

Вопросы к Сигвальду Годи по большей части относятся к его деятельности в Содружестве Асатру. Также он высказывает свое мнение по поводу реконструкции и обрядов, воспитания детей и т. д. Интересно, что Сигвальд Годи – автор письма Патриарху Кириллу, в котором содержалась

просьба принести извинения перед язычниками России за незаслуженные обвинения, высказанные Патриархом во время одной из своих проповедей. Этот вопрос так же обсуждается в интервью. Важно отметить, что Сигвальд Годи не выражает никакой агрессии в адрес РПЦ.

Тема интервью с Ольгой Маркеловой – ее пребывание в исландской общине. Девушка рассказывает об особенностях язычества в Исландии, где оно является официально признано религией.

Юрий Слеповронский в интервью рассказывает о том, как он пришел в Асатру, о деятельности в общине, об отношении к рунам. В ответе на вопрос, стоит ли доверять древним текстам, он высказал важную для нашего исследования мысль: «Для себя я вывел следующую аксиому: плох тот язычник, который не сомневается. Почему? Потому, что сомнение – основа для поиска достоверной информации». Это подтверждает теорию о развитости философского мышления в неоязыческой религии Асатру.

Мнение всех интервьюируемых по вопросам о вере напоминаю скорее философские размышления, нежели догматы. Все герои адекватны, в их ответах не прослеживается фанатизма. Вопросы подталкивают героев к размышлениям и высказыванию своей индивидуальной точки зрения.

Одна из особенностей журнала «Северный ветер» – оригинальная рубрика «Исследования». Она занимает примерно треть каждого номера (от 9 до 26 страниц). Исследования, приведенные в данной рубрике, можно разделить на несколько тематических блоков: исследования рун; сложности переводов; персонажи скандинавской мифологии; символика важных для Северной традиции образов; концепции Северной традиции; основы вероучения; образ жизни древних скандинавов.

Одна из особенностей материалов, приведенных в рубрике «Исследования», это обширная терминологическая база, не доступная людям, далеким от язычества. В текстах используются такие понятия как «годорд» – община, «годи» – глава общины, «футарк» – рунический ряд, «гальдрастав» – рунический символ, обладающий магической силой и другие.

Рубрика «Исследования» отличается информационной насыщенностью и разноплановостью. Многие материалы литературного, философского и научного характера, рассчитаны на читателя с базовыми знаниями не только по неоязычеству, но и по многим другим направлениям.

В рубрике «Ветер странствий» представлены материалы о путешествиях в места, так или иначе связанные с Северной традицией. Рубрика в номере занимает от 4 до 16 страниц и включает в себя 1-2 материала. Стоит отметить, что предложенные статьи, несмотря на то, что рассчитаны на определенную целевую аудиторию, будут доступны и интересны широкой публике.

Рубрика «Переводы» – одна из основных рассматриваемого журнала. В сущности, материалы в ней по теме и форме похожи на материалы,

представленные в рубрике «Исследования». Разница заключается в том, что в рубрике «Исследования» опубликованы работы русскоязычных авторов, а в рубрике «Переводы» – зарубежных.

Рубрика «Переводы» представляет собой переводные исследовательские работы, интервью и художественно-литературные тексты, она имеет сходство с рубрикой «Исследования», которую мы рассматривали выше. Материалы рубрики «Переводы» отличаются друг от друга информационной насыщенностью, тематикой, лексикой, подачей, написаны в разных функциональных стилях. Стоит отметить, что во многих материалах использованы слова на исландском языке без перевода, имена многих авторов и интервьюируемых так же написаны исландским алфавитом. Рубрика рассчитана в большей степени на аудиторию, обладающую базовыми знаниями по культуре и религии Древней Исландии и других стран Скандинавии.

Рубрика «Музыка» характерна для многих журналов. В специализированном журнале «Северный ветер» она занимает от 3 до 13 страниц и в ней представлены три жанра: интервью, статья и научное исследование. Интервью в изученных номерах встречается дважды: в № 2 с солистом украинской группой «Spiritual Seasons», исполняющей фолк, в том числе и скандинавский; и в № 3 с членами краснодарской группы «Fferyllt», играющей скандинавский и кельтский фолк. Оба интервью посвящено творчеству групп и немного затрагивает тему отношения музыкантов к Асатру и Северной традиции.

Статья «Wardruna: музыка рун», представленная в № 1, содержит информацию об истории группы, дискографии и творчестве в целом. Автор статьи дает читателю обзорные сведения о музыкальном коллективе, характеристику творчества. В статье присутствуют цитаты из разных интервью участников группы, опубликованных другими средствами массовой информации. По такому же принципу построена статья «Amon Amarth – викинги современности». Музыкальные статьи в журнале Северный ветер преследуют цель дать первичную информацию о музыкальной группе.

В рубрике представлены как легкие для восприятия тексты, которые будут понятны широкому кругу читателя, так и лексически и синтаксически усложненные материалы, требующие высокого уровня знаний в определенной области.

Рубрика «Сказки» представляет собой публикацию переводов исландских сказок разных периодов. Объем сказок небольшой (от 0,5 до 1,5 страниц), что позволяет поместить в одном номере несколько произведений. В каждом изученном нами номере, начиная с № 2, представлено по 5 сказок, объединенных определенной темой. В № 2 сказки представлены под заголовком «Исландские сказки о троллях», в № 3 – «Исландские сказки об эльфах», в № 4 – «Исландские сказки о колдовстве».

Сказки, опубликованные в журнале «Северный ветер», принадлежат разным историческим периодам Исландии, что доказывает появление символов или деятелей христианства в некоторых текстах. Не смотря на это, все сказки тяготеют к язычеству. Некоторые представленные сказки имеют поучительный характер, некоторые – рекреативный. Лексика и синтаксис переводных текстов соответствуют традиционным принципам построения древнеисландских текстов: простые синтаксические фигуры, использование названий существ и топонимов, принятых в скандинавской культуре, основной функционально-смысловой тип речи – повествование.

Рубрика «Реконструкция» появляется с № 3 и занимает небольшой объем (3 страницы). В рубрике представлены материалы, дающие читателю обзорную информацию о реконструкторских клубах. Лексика и синтаксис материалов рубрики «Реконструкция» простые для восприятия, что делает статьи доступными широкой аудитории.

Рубрика «Видеообзор» занимает по две страницы. Во втором и в третьем номере содержится по одному материалу, представляющему рецензию на произведение кинематографа. Тематика разбираемых кинолент тесно связана с историей, жизнью и мировоззрением народов древней Скандинавии. Так, в № 2 опубликована рецензия на советский фильм «И на камнях растут деревья», снятый при поддержке норвежской киностудии. Фильм повествует об истории славянского юноши, попавшего в плен к викингам. В кинокартине большое внимание уделяется быту и обычаям викингов. Рецензия, представленная в четвертом номере, посвящена фильму «Северная легенда», которые, по мнению автора статьи «один из лучших фильмов об истории Скандинавии, о временах и нравах древних». Тексты рубрики «Видеообзор» будут понятны и интересны любому читателю, благодаря доступной лексике и несложному синтаксису.

Рубрика «Творчество» – завершающий раздел журнала, занимающий от 4 до 7 страниц. Раздел делится на две части: в первой опубликованы стихотворения, во второй напечатаны картины и рисунки. Создателями этого творчества являются сами редакторы, авторы статей журнала и его читатели. Все работы объединяет тематика Северной Традиции, которая проявляется по-разному: некоторые стихи посвящены скандинавской мифологии, природе, старому времени, другие – поднимают проблему отчуждения человека от природы и традиций. Тема рисунков и картин так же отражает особенности мифологии и географии стран Скандинавии. Рубрика будет интересна всем любителям творчества, в не зависимости от их религиозных предпочтений.

Можно сделать вывод, что журнал «Северный ветер» является ярким примером выражения религиозно-философской мысли в специализированной периодике, которая прослеживается как в композиционно-графической модели издания, так и на всех уровнях текста. Соотношение религии и философии в содержании примерно тождественное,

при этом отсутствует пропаганда и агитация, а частое использование научного стиля делает материалы издания более нейтральными с точки зрения религиозной направленности. Несмотря на ярко выраженную религиозную тематику текстов, подача информации позволяет читателю самому сделать выбор, как относиться к материалам. Таким образом, материалы журнала выполняют информационную, просветительскую, культуроформирующую, рекреативную и идеологическую функции, где идеологическая функция проявляется в значительно меньшей степени по сравнению с просветительской.

Библиографический список

1. Алексеев, С.В., Королев, А.А. Новые религиозные движения: учебное пособие [Текст] / С.В. Алексеев, А.А. Королев. – М.: Издательство МГУ, 2011. – 104 с.
2. Бучило, Н.Ф., Чумаков, Н.Ф. Философия: учебное пособие [Текст] / Н.Ф. Бучило, А.Н. Чумаков. – 2-е изд. – М.: Пер Сэ, 2012. – 447 с.
3. Кавыкин, О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России: монография [Текст] / О.И. Кавыкин. – М.: Институт Африки РАН, 2007. – 232 с.
4. Лешкевич, Т.Г. Философия и теория познания: Учеб. пособие [Текст] / Т.Г. Лешкевич. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 408 с.
4. Лобазова, О.Ф. Религиоведение: учебное пособие [Текст] / О.Ф. Лобазова. – 6-е изд. – М.: Дашков и Ко, 2012. – 488 с.
5. Митрохин, Л.Н. Понятие религии [Текст] / Л.Н. Митрохин. – М.: Современный гуманитарный университет, 2003. – 294 с.
6. Основы вероучения Асатру. Официальный сайт содружества Асатру [Электронный ресурс] // URL: <http://асатру.рф/> (дата обращения 07.04.2015).
7. Писманик, М.Г. Религиоведение: учебное пособие [Текст] / М.Г. Писманик. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 279 с.
8. Религии народов современной России: Словарь [Текст] / М.П. Мchedлов, Ю.И. Аверьянов, В.В. Мильков и др. – 2-е изд. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
9. Хмелевская, С.А. Философия: учебное пособие [Текст] / С.А. Хмелевская. – М.: Пер Сэ, 2012. – 223 с.

 ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ

УДК 791.2.01 + 791.4.01
ББК Ю821.41 + Ц370:Ю

ФИЛОСОФИЯ КИНО:

МЕЖДУ МАМАРДАШВИЛИ И СОКУРОВЫМ

*Е.В. Гредновская, Е.О. Первушина,
магистрант кафедры истории,
Южно-Уральский
государственный университет*

В статье рассматривается феномен кино с точки зрения озабоченности философов и ученых тем, что сегодня настоящее искусство утратило свою ценность и обречено на исчезновение. Анализируется развитие кинематографа как разрастание сферы его влияния в массовой культуре в связи с появлением средств технической репродукции, на основе которого отношение публики к художественной культуре в новых видах восприятия искусства претерпело изменения. Предлагается для осмысления аспект пересечения философии и кино в деятельности двух их ярких представителей: М.К. Мамардашвили и А.Н. Сокурова.

Ключевые слова: философия кино, искусство XX в., общество потребления, гедонизм, созерцание, элитарное кино, массовое кино, арт-хаус, авторское кино, «реальная философия», имитация мышления, опыт сознания, структуры сознания, индивидуация, универсализация, преемственность.

Философское осмысление феномена кино формировалось вместе с возникновением и развитием кинематографа. Одним из первых философов, поставивших вопрос о роли кинематографа в трансформации социальных процессов, был Вальтер Беньямин [11]. Именно его эстетическая концепция во многом определила дальнейшее направление философских исследований в области кино. В центр внимания Беньямин помещает вопрос о влиянии современных технологий воспроизводства на природу искусства. Философ полагает, что именно на примере кинематографа, который одновременно является и средством технической репродукции, и самостоятельным видом художественной деятельности, можно наиболее ясно показать, каким образом изменились природа и социальная функция искусства в XX в. [2, 11].

Сегодня многие ученые и философы озабочены тем, что настоящее искусство не просто утратило свою ценность, но даже обречено на исчезновение. Согласно Беньямину, современные способы воспроизведения не способны передать уникальность и очарование подлинного произведения искусства, заключающиеся в его бытии «здесь и сейчас», они позволяют изготовить совершенные и самодостаточные копии, которые обладают рядом полезных свойств, не существующих у оригинала (мобильность,

функциональность, доступность), и тем самым обесценивают последний, подрывают его авторитет [11].

Понятия оригинала и подлинности, без которых, например, нельзя представить существование живописи, оказываются вообще не применимыми к плодам нынешней художественной культуры. Так, развитие технических средств воспроизводства приводит к утрате пространства подлинных вещей. А развитие кинематографа и разрастание сферы его влияния оборачивается масштабным уничтожением культурного наследия прошлого. Именно кино в рамках *массовой культуры* выступает основной разрушительной силой, искореняющей традиционные установки в искусстве [2].

Современное искусство ориентировано на массы, представители которых ищут развлечений и не способны концентрировать внимание на произведениях художественной культуры. Кино как развлекательное искусство в полной мере соответствует такому рассеянному восприятию, сформировавшемуся в первой половине XX в. Если созерцание требует концентрации и погружения в произведение искусства, то в процессе развлечения, наоборот, человек погружает творение внутрь себя.

Немецкий философ выделяет два типа восприятия – оптическое и тактильное. Первое требует от человека собранности, напряженного внимания и осмысления, в сущности, это и есть традиционное для художественной культуры созерцание. Восприятие второго типа осуществляется в расслабленном состоянии, не требует концентрации внимания и реализуется посредством привыкания. Традиционно произведение искусства воспринималось как нечто, находящееся на непреодолимой дистанции от повседневной жизни человека. Такое ощущение отдаленности и возвышенности, получаемое от созерцания предмета искусства, Беньямин объясняет наличием у последнего ауры – особого неуловимого, незримого ореола красоты и очарования. Понятие ауры, ранее применявшееся в древней медицине, а затем в парапсихологии и оккультизме, в рамках эстетической теории немецкого мыслителя приобрело статус полноценного философского концепта, согласно которому современное искусство, ориентированное на массы, ищущие развлечений, полностью ее лишено [2, 11].

Другой философ постмодерна Жан Бодрийяр, развивая в своем творчестве идею о том, что кинематограф, наряду с другими современными средствами коммуникации, является разновидностью тестирования людей на знание определенных социальных кодов, также полагал, что тип восприятия конкретного художественного фильма и соответствующие реакции на него зрителей заранее предопределены. Французский мыслитель указывает, что Беньямин очень точно, «на уровне технического оснащения», проанализировал такую операцию тестирования аудитории, осуществляемую посредством кинематографа, о чем уже шла речь выше [4].

С появлением средств технической репродукции отношение публики к художественной культуре претерпело сильные изменения. Различая два вида установок, касающихся восприятия искусства, – критическую и гедонистическую – В. Беньямин отмечает, что в нынешнем обществе преобладает критический настрой по отношению к традиционным видам искусства, которое утратило свой авторитет, и чрезвычайно возросло социальное значение новых видов художественной культуры.

Если учесть, что традиционные виды искусства, например, такие, как живопись и литература, изначально ориентированы, прежде всего, на индивидуальное, а не коллективное (массовое) восприятие, то причины изменения общественного отношения к ним становятся еще более понятными. Массовый же тип восприятия немецкий философ оценивает как упрощенное, достаточно примитивное постижение произведения искусства, являющееся чистой фиксацией предмета. Этот новый тип восприятия и соответствует современной художественной культуре, заключающейся в бездуховном, механическом воспроизводстве, отражающем нынешнюю реальность, как пустую и лишенную очарования [11].

Но при этом, конечно же, кинематографические методы изображения реальности, подобно психоанализу, позволяют обнаружить и проанализировать то, что глубоко скрыто за поверхностью феноменов и недоступно невооруженному человеческому взгляду. С помощью средств кино, в рамках которого стало возможным точное и подробное воспроизведение разных аспектов и элементов действительности, произошло обогащение и углубление восприятия самых повседневных, обыденных феноменов. Сквозь призму объектива кинокамеры заурядные явления и вещи зачастую предстают под совершенно неожиданным ракурсом. Кино предоставило человеку возможность заново открыть и изучить, казалось бы, абсолютно знакомый мир, т.к. такие кинематографические приемы, как ускоренная или замедленная съемка, крупный план, дальний план, меняют представления о пространстве, времени и движении. Но именно этот эффект кинематографа, и его несомненная притягательность, попадая в контекст массового безвоздушного восприятия обретает особое воздействие на современного зрителя: открывая глубинные слои психики человека, кино способно внести в эту глубину безжизненность технического восприятия, разумеется, если оно осуществляется на основе гедонистического, потребительского, расслабленного тактильного восприятия нерелексующего субъекта.

Именно поэтому мы решили обратиться еще к одному аспекту взаимодействия философии и кино: буквальному, непосредственному пересечению «философии» и «кино» в пространстве культуры и образования, выразившейся в исключительной, выдающейся деятельности их ярчайших представителей – М.К. Мамардашвили и А.Н. Сокурова.

Известен факт того, что во время обучения во ВГИКе, будущий известный режиссер авторского философского русского кинематографа Александр Сокуров посещал лекции по философии Мераба Мамардашвили, которого в конце 70-х по инициативе П.Д. Волковой пригласили в качестве лектора. И Сокурову, как и всякому, кому посчастливилось познакомиться с лекциями Мамардашвили в устном виде (позднее лекции и устные выступления философа издавались по расшифрованным материалам диктофонных записей), было известно это особое мамардашвилевское философствование, сотворяющееся на твоих глазах, здесь и сейчас, таинство мыслетворчества Присутствующего Философа и особое удовольствие, связанное с ним.

Лекции, прочитанные М.К. Мамардашвили в 1979–80 гг. во ВГИКе, представляют собой уникальную попытку гениального философа раскрыть тайну древнегреческой философии, посвященной проблемам бытия, мышления и человека в ее современной проявленности для нас [9]. Философ, как убежденный сторонник такой философии, которую он называл «реальной», наконец, получил возможность осуществить свое давнее желание: читая одновременно разные курсы, рассказать слушателям об истории философии, лишь условно разделяя ее на античную, классическую и современную, рассказать о ней, как о «некоей единой, хотя и растянувшейся во времени, попытке людей философствовать и посредством философии узнавать о себе и о мире то, чего без философии узнать нельзя» [9].

Но встреча Мамардашвили и Сокурова, состоявшаяся в конце 80-х, в ключевых своих идеях обрела дальнейшую самостоятельную форму самовыражения за пределами исторически обусловленного пространственно-временного континуума. Именно на одной из таких идей нам и хотелось бы в данной статье остановиться, предварительно обозначив особенности феномена элитарного кино, а также специфику кинематографического языка А. Сокурова.

Кино, как самое массовое из искусств по мере своего развития, как известно, проходило этапы, где оно, с одной стороны, будучи непонятным для большинства, стихийно элитаризировалось, а с другой, – упрощалось до всем известных клише, этот процесс продолжается и сегодня [12].

Развитие кинематографа устремлялось в коммерческое русло, пока французские авангардисты 20-х годов прошлого века не начали создавать принципиально новые картины. Они противопоставлялись привычному тогда «театральному» кинематографу и фильмам, чьей главной целью было получение прибыли. Теоретические искания авангардистов вылились в тезис о том, что существует два вида кинематографа: массовый и элитарный, где элитарный кинематограф характеризуется (и отличается от массового), прежде всего, тем, что он не нацелен на получение прибыли [13].

Несколько позже, в той же Франции, сформировалась теория авторского кино, согласно которой режиссер – главный творец кинокартины. Подобное суждение подтверждает присущий каждому мастеру (режиссёру) индивидуальный киноязык: зритель никогда не спутает фильмы Чарльза Чаплина, Стэнли Кубрика, Квентина Тарантино с картинами других режиссеров. И французская Новая волна, в рамках которой и была выдвинута теория авторского кино, создала режиссёров-индивидуалистов (Франсуа Трюффо, Жан-Люк Годар и др.), наполнивших свои картины исключительно авторским стилем [13].

В настоящее время среди зрителей популярно разграничение кинематографа на «мэйнстримовое кино» и «арт-хаус». Причем эти два определения чаще употребляют кинокритики и зрители, а не режиссеры, снимающие кино. «Мэйнстрим» (от англ. *mainstream*) – основной поток, главное направление; применительно к кинематографу это наиболее популярная его форма, соответственно имеющая большую часть зрителей. Сегодня это массовое кино, а именно – голливудские фильмы, блокбастеры, то есть фильмы, главной характерной чертой которых является зрелищность [12]. Второе направление «арт-хаус» – отражено в понятии, под которым подразумевают преобладание в картинах художественного начала и где от зрителя требуется большая концентрация внимания на эстетическом и интеллектуальном компонентах фильма. Одной из особенностей арт-хаусных фильмов является бессюжетность, которая помогает прочувствовать именно режиссёрский замысел [12]. Авторские идеи и сценарий, в сочетании с современными технологиями, создает новое поколение авторского кино, востребованного зрителем.

В эпоху постмодернизма, где, по словам кандидата искусствоведения П.Э. Шульцмана [12], неотъемлемой частью культуры и, следовательно, искусства становится зрелищность, работают двойственные принципы постмодернистского искусства: *зрелище* для масс и *интертекст* для элитарного зрителя. Несмотря на то, что арт-хаус и мэйнстрим развиваются параллельно друг другу и, казалось бы, не пересекаются, все же современная ситуация такова, что режиссёры, подчиняясь правилам кинокомпаний, создают кино, интересное не только для массового, но и для элитарного зрителя. Несмотря на все еще низкий спрос авторского кино, на настоящий период фильмы массовой культуры также претерпевают изменения, и режиссеры, подчиняясь правилам кинокомпаний, начинают привлечение элитарного зрителя. Многие такой нынешний кинематографический продукт называют «артстимом»: одной стороны это кино для всех, а с другой – фильмы обладают художественной ценностью, привлекают элитарную аудиторию.

Более того, природа современного киноискусства, тенденции его развития и состояние общества способствуют синтезу элитарного и массового кинематографа, заимствованию элементов киноязыка и

киномышления из артхаусных фильмов в массовые, а элементы массового кино проникают в арт-хаусные фильмы, тем самым формируя в целом новую модель кинематографа. Этот процесс в мире кинематографа обозначен как конвергенция авторского кино и современных технологий. Примерами таких фильмов могут быть ленты Голливуда, «Оскарские лауреаты», вышедшие не так давно на экраны кинотеатров и телевидения.

Если говорить о современном кино в России, то оно также разделено на два типа: арт-хаус и мейнстрим [12]. Несмотря на большой интерес в России к массовому кино, у нас все же существует интерес и к арт-хаусу, однако проблемы восприятия и выпуска фильмов в этом направлении представляют собой в настоящее время достаточно тернистый путь. При этом общепризнанной особенностью русского кинематографа является то, что режиссеры, основываясь на традициях советского времени, меньше думают о деньгах, нежели европейские и американские кинорежиссеры, вынужденные решать главный вопрос: какое кино им нужно – коммерческие, в угоду зрителю, или же другое, не приносящее денег т.п. Поэтому, чтобы понять специфику российского арт-хауса, нельзя не отметить в двух словах общемировой опыт развития этого направления.

Арт-хаус (от англ. «дом искусств») – модель организации кинематографа, в которой главной фигурой, как уже было сказано выше, является режиссёр, выступающий автором произведения, режиссёром, оператором, сценаристом и критиком своей работы. Само понятие «арт-хаус» появилось в США в 40-х годах XX в., когда «арт-хаусом» называли кинотеатры, в которых показывали старые киноленты Голливуда и фильмы на иностранном языке. Сеть подобных кинотеатров существовала не только в США, были кинотеатры и в Европе. Стоит отметить немаловажное событие в истории арт-хауса, произошедшее в 1955 году во Франции, в Париже: в этот год была основана Международная конфедерация арт-хаусных кинотеатров «СИСАЕ», где членами конфедерации являются с 1992 года объединение «Еуропа Сinemas», а также кинотеатры, поддерживающие европейское кино. Несколько кинотеатров России входят в СИСАЕ, через объединение «Еуропа Сinemas» («Пионер», г. Москва; «Родина», г. Санкт-Петербург) [12].

Что касается темы арт-хауса в советском кинематографе, то по оценкам критиков она представлена, в первую очередь в фильмах Леонида Гайдая, Андрея Тарковского и Александра Сокурова. Мировое признание советскому арт-хаусу принес фантастический фильм «Сталкер» Тарковского, снятый на «Мосфильме» в 1979 году по мотивам повести «Пикник на обочине» Бориса и Аркадия Стругацких, «Сталкер» получивший специальную премию экуменического жюри, премии ИНТЕРФИЛЬМ и ОСИК на XXXIII Международном каннском кинофестивале в 1980 году.

В 80-е, 90-е годы фильмы Франсуа Трюффо, Жан-Люка Годара, Клода Шаброля, Альфреда Хичкока, Эмира Кустурицы, Ингмара Бергмана, Педро

Альмодовара, Ким-Ки-Дука, Ларса фон Триера, Федерико Феллини, Джима Джармуша, Стенли Кубрика, Бернардо Бертолуччи, Лукино Висконти и других – «запрещенные во времена СССР шедевры» – стали ключом от секретной двери в узкий круг искушенной и образованной публики, которая отличалась от серых масс, т.к. большинство в те времена с восторгом смотрели в кинотеатрах голливудские фильмы и латиноамериканские сериалы по телевизору. Зарубежный арт-хаус в России полюбился и показал, что его здесь ждали. Главной же «темой» перестроечного и постсоветского «своего», русского арт-хауса были преступно-романтические саги типа «Бандитского Петербурга» и агрессивно-скандальные фильмы, самые яркие из которых «Асса», «Игла», «Мама, не горюй», «Хрусталеv, машину!» [12].

Считается, что активно развиваться российский арт-хаус начал с 1998 года благодаря Сэму Клебанову – гражданину Швеции русского происхождения, кинопрокатчику, продюсеру, режиссеру, телеведущему, кинокритику и президенту компании «Кино без границ», которая занимается прокатом арт-хаусного кино в России. Широкую известность и признание на международных кинофестивалях получили многие российские фильмы, самые яркие из которых: циничная черная комедия Кирилла Серебренникова «Изображая жертву», «Эйфория» Ивана Вырыпаева, семейная драма «Изгнание» Андрея Звягинцева, черно-белая кинокартина Киры Муратовой «Настройщик», очень женская сюрреалистическая драма Ренаты Литвиновой «Богиня: как я полюбила», психологический триллер Дениса Нейманда «Жесть», романтическая мелодрама Анны Меликян «Русалка», современная история о детских страхах и подростковом одиночестве Игоря Ворсклы «Закрытые пространства», психологическая драма о жестокости школьников «Все умрут, а я останусь» Валерии Гай Германики, скандальная и жесткая драма Алексея Балобанова «Груз-200», черная сюрреалистическая драма Ильи Хржановского «Четыре» и многие другие фильмы. В 1998 году появился и первый российский фестиваль арт-хаусного кино – «Чистые грезы».

Несомненной гордостью российского кинематографа является ряд авторских фильмов, отмеченных престижными наградами: «Елена», режиссер Андрей Звягинцев (участник программы «Особый взгляд» Каннского фестиваля, 2011), «Овсянки», режиссер Алексей Федорченко (приз Венецианского фестиваля, 2010), «Счастье мое», режиссер Сергей Лозница (участник Каннского фестиваля от Украины, 2010), «Как я провел этим летом», режиссер Алексей Попогребский (приз Берлинского фестиваля, 2010), «Волчок», режиссер Василий Сигарев (призы фестивалей в Кельне, Цюрихе, Онфлере, 2009), «Сказка про темноту», режиссер Николай Хомерики (участник Каннского фестиваля, 2009), «Бубен, барабан», режиссер Алексей Мизгирев (призы фестивалей в Коттбусе и Локарно, 2009), «Все умрут, а я останусь», режиссер Валерия Гай Германика (особое упоминание на Каннском фестивале, призы фестивалей в

Брюсселе и Мюнхене, 2008), «Эйфория», режиссер Иван Вырыпаев (участник Венецианского фестиваля, 2006), «Возвращение», режиссер Андрей Звягинцев (приз Венецианского фестиваля, 2003), «Коктебель», режиссер Борис Хлебников и Алексей Попогребский (приз фестиваля в Карловых Варах, приз ФИПРЕССИ, 2003).

Что касается общей ситуации, связанной с авторским кино в России, то мнению режиссеров, у нас существует пропасть между мейнстримом и арт-хаусом, обусловленная несколькими причинами. Одна из них – это отсутствие площадок для показа арт-кино. Если бы такие места были, то разрыв между двумя формами кинематографа значительно уменьшился, так как «у каждого кино появилась бы своя ниша, своя группа зрителей» [8]. Кроме того на сегодняшний день, кинотеатры расположены в местах массовой культуры, а это, прежде всего, магазины, развлекательные комплексы, рестораны. Режиссер Андрей Кавун («Детям до 16...») считает это факт серьезным упущением со стороны производителей. «Во всех сферах нашей жизни главным становится не производитель, а продавец» [8].

Также, следует отметить и еще одну причину, это отсутствие государственно политики в области арт-кино. Собственно, эту точку зрения отстаивает известный кинокритик и дистрибьютор, Антон Мазуров. В интервью журналу «Искусство кино» он также говорит «об отсутствии интеллектуальной государственной поддержки» [8]. «Нужно было бы изобрести какие-то культурные, точнее, даже культурологические, принципы, которые предполагали бы помощь арт-кино, системное его производство, продвижение на всех значимых фестивалях. Для этого бюджет не нужен – нужна независимая инициатива, которая даст возможность некоему экспертному сообществу собраться и сформулировать все эти принципы, отточить их и затем объявить. Принципы культурной политики в области кино, инвестиций, производства, проката, продвижения. Это не так уж сложно.», «... если бы эти принципы были сформулированы, осмыслены и приняты сообществом, экономическая составляющая того, что производится, изменилась бы. Соответственно, и производство арт-кино было бы организовано по-другому» [8].

Еще один, пока еще дискуссионный вопрос, касается визуальных эффектов в кино. В силу того, что положение российского кино если не плачевно, то как минимум критично, продюсеры и режиссеры фильмов пытаются укротить стихию зрителя, идут на риск и прибегают к визуальным эффектам, надеясь обрести зрителя и большие кассовые сборы. Поэтому появляется ряд закономерных вопросов: что есть кино сейчас – продукт, выставленный на продажу или же искусство; кем является режиссер: продавцом или же художником? и т.д. Режиссер Светлана Проскурина (автор фильма «Перемирие») отвечает так: «Режиссер – не политик, он не занимается промоушном государственной системы. Он в первую очередь посвящает себя искусству кино. ... Художник никогда не брал на себя

обязательств что-то прославлять. Он занимается своим делом, разрабатывает тему – в первую очередь, в художественном пространстве, в пространстве своего стиля» [8].

Переходя теперь к разговору о творчестве А.Н. Сокурова [14–16], одного из величайших мэтров отечественного авторского кино, в первую очередь следует сказать о его, отмечаемой киноведами «суровой режиссерской честности и правдивости», а также об отсутствии терминов и понятий, применительных для оценки любого из фильмов этого режиссера в жанре искусствоведческой критики. Язык произведений Сокурова невероятно сложен: он не говорит с аудиторией в доступной ей манере, в его фильмах нет проходных тем, внешних эффектов и злободневности – в этом его честность по отношению к Искусству [14].

В целом же, творчество Александра Сокурова характеризуют как еще один магистральный путь развития кинематографа. Его фильмы не несут в себе отпечатка какой-либо школы или традиции. В них не видно диалога с учителем, в них – монологи: цитаты, пародии, повторения, биографические моменты, раздумья и философия, которая, воплотившись на экране, прямого диалога вести не может. Подчеркивая духовный синкретизм творчества этого художника, кинокритики отмечают несколько ключевых тем в фильмах А. Сокурова [14–16].

Во-первых, это тема смерти, которая освещается настолько поразному, что порой даже трудно понять, кем сняты эти фильмы: православным, католиком или буддистом. Режиссер открывает глубокую значимость смерти для живого человека, ее красоту, философскую глубину и непостижимость. Почему именно смерть избрал Сокуров главной темой своего творчества, остается только догадываться, но, возможно, потому, что в ней больше правды и величия, чем в живой и зачастую фальшивой действительности [14].

Еще один значимый персонаж фильмов А. Сокурова – природа, которая кажется играющей свою роль порой естественнее и интереснее, чем актеры. Но здесь отражена особенность сокуровской этики, лежащая в основе его работы с актерами. Она заключается в том, чтобы актеры не играли, а жили в его фильмах, и жили не «красиво», а естественно. Не все способны выполнить такие сложные задачи, поэтому каждый актер в кадре сокуровской камеры уникален. Создается впечатление, что этот человек родился и существовал до определенного времени лишь для того, чтобы в какой-то момент начать жить в фильмах Сокурова.

Есть еще одна характерная черта кинематографа этого режиссера. Несмотря на всю интеллектуальную сложность и бытовую отрешённость, фильмы этого режиссера обращены не к внешнему миру, пленяющему успехом, славой, шумихой и толками, а к внутреннему миру каждого из нас. Здесь даже можно говорить о мире в его втором, церковно-славянском, значении, о мире духовном, как внутреннем спокойствии. Те, кто несёт в

душе этот мир, воспринимают фильмы Сокурова, даже, может быть, не до конца осознавая все их философские смыслы.

Особо представлены также текст и музыка в картинах Сокурова, которые очень точны, но при этом главная идея всегда выражена в них эксплицитно. Она заключена не в словах, не в отдельных эстетических средствах, а в общем настрое фильма, в создаваемой им атмосфере.

Но самое существенное заключено в том, что смотреть фильмы этого режиссера и оставаться равнодушным к ним нельзя. Они либо приведут в восторг, либо ввергнут в тяжёлое состояние, подобно состоянию на грани жизни и смерти. В своих произведениях Александр Сокуров всегда говорит о главном. Перед его зрителем стоит очень сложная задача – отказаться от привычных штампов мышления, сбросить свою маску, отказаться от привычной системы норм и ценностей, чтобы понять то важное, что хотел сказать автор – это оказывается тем мучительным выбором, который необходимо сделать. Киноведы полагают, что Александр Сокуров фактически создал новый тип кинематографа – фильмы, призывающие людей к покаянию, к внутреннему изменению и возрождению. Режиссер словно не снимает фильм, а священнодействует, отчего каждый его произведение – таинство. Таинство же, как известно, не может быть конъюнктурным, современным и обыденным [14].

Поэтому творчество Александра Сокурова оказывает огромное влияние на умы зрителей. Мнение этого режиссера-мыслителя так же важно, как и лекции профессоров, ибо нельзя не слушать человека, у которого есть свой особый и глубокий взгляд на мир. Так как Сокуров – философ от природы, своим творчеством он участвует в формировании мировоззрения, в выработке жизненных позиций, оказывая не только просветительное, но и воспитательное значение. Его фильмы демонстрировались в Публичной библиотеке, на философском факультете, где актер Леонид Мозговой, выступая однажды, назвал А.Н. Сокурова «учителем жизни». И эту точку зрения разделяют многие, полагая, что Александр Сокуров – учитель, который учит не только своим творчеством, но и своей жизнью, при этом, скорей всего, даже не стремясь к этому, и независимо от того, есть ли у него последователи [14–16].

Но нам бы хотелось отметить еще некоторые особенности авторского кино Сокурова. Выше шла речь о негативных особенностях современного массового кино, являющегося детищем научно-технического прогресса и потребительской парадигмы. Речь шла также о стремлении авторов кино арт-хаусными кинематографическими возможностями компенсировать недостатки массового кино.

И, действительно, авторское кино берет на себя сложную задачу заполнить интеллектуальные и духовные лакуны в потребительском пространстве современной культуры. Однако и у современного арт-хауса также есть своя обратная сторона медали: порой чрезмерная вычурность,

оторванность от реальности, «птичий язык», практически не доступный пониманию», стилистическая экзальтированность, претенциозность, а порой и откровенная пустота за внешней манерностью и пафосностью кинематографических идей и «философских» псевдоидей.

Авторское кино Александра Сокурова представляет собой на редкость удачное соединение искусства не-массового, но одновременно, при всей сложности арт-хаусной жанровой стилистики – кино подлинного, живого, доступного пониманию. В его фильмах есть все то, чего нет в массовом кино, и в то же время есть то, что способно дать настоящее, глубокое, авторское кино: уникальность и очарование подлинного произведения искусства, заключающиеся в его бытии «здесь и сейчас», в пространстве подлинных вещей; необходимость созерцания, требующего концентрации и погружения в произведение искусства, так как кино Сокурова попросту невозможно «воспринимать тактильно», а в силу его масштабности, невозможно «разместить это произведение внутри себя»; необходимость собранности, напряженного внимания и осмысления, дающее ощущение отдаленности и возвышенности, так характерные для настоящего произведения искусства [2, 9].

Обращаясь к фильмам А. Сокурова, мы остановимся только на одной его ленте – «Дни затмения» (1988 год, автор сценария Юрий Арабов, по мотивам произведения братьев Стругацких «За миллион лет до конца света», призер Приза СК СССР «Ника» за лучшую работу оператора, Приза СК СССР «Ника» за лучшую работу звукооператора, Приза Европейской киноакадемии «Феликс» композитору Юрию Ханину; Лауреат конкурса на лучший отечественный фильм года; а также фильм, вошедший в 100 лучших фильмов столетия, отобранных европейской киноакадемией).

«...Любители фантастики Стругацких, как и в случае со «Сталкером» Тарковского, должны будут примириться, что увидят не экранизацию повести, а совершенно самостоятельное кинопроизведение, обладающее самостоятельной ценностью» [16], поэтому «... основная идея литературного источника – говорит в своем интервью по радио Борис Стругацкий – идея о том, как трудно творческому человеку в мире тоталитарного мышления, в мире административного невыносимого давления... – вот эта идея взята целиком и перенесена в совершенно новые условия и звучит вполне убедительно и производит даже еще более страшное впечатление, чем испытывает читатель повести, которого отвлекают от чтения какие – то привходящие обстоятельства, проблемы, поставленные автором, загадки. В фильме Сокурова нет никаких загадок, – в нем нарисован странный и страшноватый мир, в котором человек должен жить, работать, творить несмотря ни на что, а это очень непросто» [16].

С точки зрения фабулы, фильм «Дни затмения» – о молодом русском докторе Дмитрие Малянове (Алексей Ананишнов), приехавшем в Среднюю

Азию на практику, где он лечит детей и пытается «что-то писать». Именно в этой настойчивой потребности главного героя «что-то писать», на наш взгляд, и заключен код пересечения двух философов, о которых мы ведем речь («Вот ты все время что-то пишешь, пишешь, пишешь...»), «Что ты там пишешь?...», «Пишу, пишу, пишу...», – приблизительно так повторяются диалоги главного героя со своим окружением по этому поводу).

Приехав в маленький город в туркменской пустыне после распределения с благородной целью – лечить местных детей, помимо лечения, Дмитрий зачем-то занимается написанием научной работы «О ювенальной гипертонии в старообрядческих семьях и влиянии нравственных ценностей на общий уровень заболеваний». И этим он занимается среди чужой культуры, непонимания как душевного, так и языкового, в дикой смеси из невыносимой жары, льющейся отовсюду национальной музыки, облупившихся стен, пыльных улиц, неухоженного быта и советской символики. Быт, сложившийся в этом городе, своеобразен: город вечного солнца, вечной жары и песка с домами из глины, фанеры и ящиков, вроде бы белые на вид, в этой местности кажутся вполне нормальными. Национальные традиции странным и непонятным образом переплетаются с расхожими стереотипами массовой культуры, которые вообще лишены каких-либо национальных признаков, а само население, люди в кадре режиссера, воспринимают эту дисгармонию вполне нормально, даже как нечто привычное, обыденное.

При этом Малянов показан не только как чуткий врач, хороший друг и открытый доброжелательный человек. Его образ не исчерпывается обычными для психологических драм измерениями. Суть образа Димы Малянова в его внутренней напряженности, в том, как он доходит до известной точки житейского отчаяния, не являясь при этом ни неврастеником, ни алкоголиком и не переживая кризис среднего возраста, что не характерно ни для советской, ни для русской литературы [14–16].

Сокуров, таким образом, выводит в фильме нового героя: типичного советского комсомольца и настоящего русского врача, который столкнувшись с явлением, обнаруживает, что постичь его можно, только осознав его масштаб. И весь запредельный уровень реализма, запечатленный блистательной камерой Юризицкого, смущает зрителя именно тем, что сам режиссер вовсе не относится к этому как документально зафиксированному срезу реальности, – отмечают кинокритики [14-16].

Но вряд ли надо ожидать столь просто подхода к проблемам человеческого существования от Сокурова, посещавшего, как мы уже отмечали, еще во время обучения во ВГИКе лекции по философии Мераба Мамардашвили. Вся внутренняя напряженность Малянова и склонная к медитации режиссура, ставит в фильме во главу угла пристальное внимание к сиюминутному на один уровень с вечным.

Именно поэтому крайне важной в этом фильме нам представляется тема безумия. Фильм и начинается с этих кадров: крупные планы раскачивающихся, оголенных в откровенной реалистичности пациентов среднеазиатской психушки, затерянной в жаре и песках, всплывают в изысканности медитативной непрерывности музыкальной фактуры Юрия Ханина (Ханона, композитора фильма), что дает чрезвычайно мощное, пронзительное до слез, переживание трагедии «сломанного» человеческого Разума. И вся дальнейшая логика фильма, раскрывающаяся в сокуровской манере не очевидно, не на поверхности, а через подсознательные слои, требующая своей собственной расшифровки, ложится, на наш взгляд, в эту пронзительность, в это открытие: разум человека хрупок и уязвим – именно в своей мощи и масштабности, выходящей за пределы собственного самосвидетельствования («Вы не ведаете того, что творите...» – произносит один из героев фильма, но только уже из другой точки обзора, из своего посмертного состояния, т.к. это может быть уже понятно именно «оттуда»).

Несмотря на то, что безумие открывается напрямую, образом психиатрички, в фильме оно выходит за пределы его сугубо клинического смысла, ибо, будучи размещенным во всем (в структуре изображенного общества, в эклектике культур, в осколках идеологий, в голосах, дискурсах и просто звуках, в иррациональных встраиваниях природного и метафизического планов бытия и т.д., и т.п.), оно предстает в общем настрое как *без-умие* в смысле его раскола, расщепленности, масштабной расфрагментированности, потери внутренней целостности взаимосвязей в паутине эклектичных, разомкнутых культурных, политических, социальных пластов и даже психотипов героев, механически сосуществующих рядом, самозамыкающихся на себя, словно лейбницовские монады. *Без-умие*, понимаемое как «несохраненность разума», «разума» – в самом широком его понимании – как размещенного не только в пределах черепной коробки, не только внутри человеческой личности, но и за пределами его.

Именно здесь и напрашивается дешифровка из философского дискурса Мераба Мамардашвили, заключенная в его любимой идее единства мыслительного процесса, его целостности. В тексте «Идея преемственности и философская традиция» [10], в беседе с Сенокосовым, он вспоминает роман «1984» Дж. Оруэла, где писатель характеризуя своего героя, пишет следующее: «Он был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. *Духовное наследие человечества* передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому что вы сами *сохранили рассудок*».

«Не потому, что вас кто-то услышал», но еще и «*не потому, что ты услышал кого-то другого*», – добавляет Мамардашвили, где наложение этих смыслов, с его точки зрения, дает очень живое представление о самой внутренней пульсации мысли («философской», говорит Мамардашвили, но

мы здесь, небезосновательно скажем «общечеловеческой мысли»), пульсации, которая захватывает, включает нас в то, что было до нас и будет после, выявляя тем самым некую важную структуру. Философ называет это (проявленную структуру) *существенными, конституирующими актами сознания и нашей духовности*, которые происходят всегда на фоне того, что можно было бы назвать *опытом сознания*. А именно, – поясняет он, – не *сознания о чем-то*, а *опытом самого сознания*, как особого рода сущего, онтологически укорененного, в котором имеют место некие очевидности, некое невербальное или терминологически *неделимое состояние «я есть, я мыслю»*. И важно то, что оно представлено на грани предельной *индивидуации*, – продолжает философ, – (но вместе с тем – и предельной *универсализации*), когда ничто недопустимо еще до того, как я могу это увидеть и испытать, которое и длит наше (твое, мое) несомненное для нас жизненное присутствие в мире. Это как бы некая таинственная точка, – резюмирует Мамардашвили, – в которой осуществляется абсолютный реализм и/или одновременно предельный солипсизм, так он осуществляется *только на мне, через меня* [10].

Фильм А. Сокурова сопровождается уникальным звуковым рядом. Помимо невероятно талантливой во всех смыслах музыки Ю. Ханина, о чем уже шла речь выше, эклектизм и расфрагментированность (но в тоже время многослойность и многоуровневость бытия) «распаковываются» (выражаясь языком М. Мамардашвили) звуковыми слоями голосов, дискурсов, музыкальных цитат, аллюзий, полимпсестов, бытовых и идеологических обрывков, накладывающихся друг на друга и т.д., которые не обязательно свидетельствуют о мышлении в его подлинном смысле. Ибо выполнение логической операции, – обращает внимание Мамардашвили, – еще не означает выполнения акта мысли, это может быть и *псевдоакт, лишь похожий на мысль, имитирующий ее* в виде филологического резюме, механической формулы, штампа, которые можно лишь просто повторять и тиражировать. И в духовном производстве, ставшем массовым, заполненным *мыслеподобными, квазимыслительными образованиями*, упакованность в них структур сознания, распаковываются только, если *я прихожу в точку, где проделываю опыт сознания*. Тогда они распаковываются *через возможности моего мышления и понимания* [10]. Именно в этом и заключается стоический, подвижнический опыт главного героя: держать свой опыт сознания, во что бы то ни стало, в своем уникальном мышлении, одиноком, непризнаваемом, невидимом, непонятном («Ты все пишешь, пишешь...» – «Пишу, пишу, пишу...»), ибо только так можно сохранить целостность (себя и бытия) как основы сохранения разума.

«Видит бог, – говорит Александр Сокуров, размышляя о фильме «Дни затмения», – что все сделано чистыми руками, с великой любовью к нашему отечеству и скорбью о тех бедах, которые у нас есть. Мое глубокое

убеждение, что самые сложные и противоречивые обстоятельства, которые есть в каждой жизни, растворены всегда в повседневности, потому что каждое утро мы начинаем с того, что чистим зубы, а вечером падаем лицом в подушку, не зная, как жить...» [16].

Разум, предстающий у Александра Сокурова как хрупкость и уязвимость в контексте описанной им реальности, может быть силой – но для этого нужны иные условия, и скорее всего именно о таких говорит Мамардашвили: в них есть *«пространство как возможность помыслить то, что я мыслю»*. Потому что только в нем *«воссоздается мыслящий, воссоздается личность, способная самостоятельно думать, принимать решения, воссоздается классическая мужественная душа, способная держать невозможную, над необратимой реальностью невластную, но, тем не менее, мыслимую мысль, держать, не впадая ни в революционерство, ни в теургию»* [10].

Библиографический список

1. Арсланов, В.Г. Миф о смерти искусства [Текст] / В.Г. Арсланов. – М.: Искусство, 1983. – 190 с.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе [Текст] / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996. – 320 с.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 310 с.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 180 с.
5. Ватолина, Ю.В. Наблюдение и описание социально-культурных явлений в работах В. Беньямина [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/nablyudenie-i-opisanie-sotsialno-kulturnykh-yavlenii-v-rabotakh-v-benyamina> (дата обращения 01.06.2015).
6. Ватолина, Ю.В. Коммуникация как проблема существования (На основе опыта М. Виттиг, В. Беньямина, Ж. Бодрийяра) [Текст] // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 1. // URL:
7. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Ж. Диди-Юберман. – СПб.: Наука, 2001. – с. 267.
8. Искусство кино [Электронный ресурс] // URL: <http://kinoart.ru/archive/2010/08/n8-article3> (дата обращения 01.06.2015).
9. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psylib.org.ua/books/mamar01/txt01.htm> (дата обращения 01.06.2015).
10. Мамардашвили, М.К. Идея преемственности и философская традиция / М.К. Мамардашвили // Как я понимаю философию. Беседа

опубликована в: «Историко-философский ежегодник 1989. – М., 1989. – С. 263–269.

11. Философское осмысление феномена кино В. Беньямином [Электронный ресурс] // URL: <http://vphil.ru> (дата обращения 01.06.2015).

12. Артхаусный ликбез или артхаус и окрестности [Электронный ресурс] // URL: <http://www.arthouse.ru> (дата обращения 01.06.2015).

13. Эволюция элитарного и массового кино [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lumiere-mag.ru> (дата обращения 01.06.2015).

14. Александр Сокуров: Одинокий голос режиссера [Электронный ресурс] // URL: <http://www.proficinema.ru> (дата обращения 01.06.2015).

15. Режиссер Александр Сокуров (биография) [Электронный ресурс] // URL: <http://kinomusorka.ru> (дата обращения 01.06.2015).

16. Александр Сокуров: кинематография внутреннего времени [Электронный ресурс] // URL: <http://cineticle.com> (дата обращения 01.06.2015).

ЧЕЛОВЕК ПОЛИСНЫЙ

УДК 316.612 + 101.1:316 + 316.37
ББК Ю95

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В САМОРАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

*В.В. Баркова, У.В. Сидорова,
Южно-Уральский
государственный университет*

В статье анализируются особенности философского постижения социальной реальности и его влияние на целостное бытие человека в мире. Показано, что весь исторический опыт философской мыследеятельности «проецируется» на личный жизненный потенциал и становится детерминантой самостоятельного духовного роста личности.

Ключевые слова: социальная реальность, философская мыследеятельность, личность, социальное, индивидуальное.

Осмысление реалий современного социального бытия находится сегодня в поле напряженного метафизического интереса. Их интерпретация способна вскрыть доминантные компоненты в базисных конструктах социальной реальности, влияющей на целостное бытие человека в мире. К исследованию компонентов целостного бытия человека, пониманию их актуальности «поворачивается» и сама социальная действительность. Информационное общество, «взорвавшее» реальность «экстазом коммуникаций и поиском человеком смыслов своего бытия» (Ж. Бодрийяр), обостряет в условиях социокультурных перемен, лавинообразной информации проблему самодостаточности человека как вида *homo sapiens*. Теоретико-методологические исследования компонентов, из которых складывается социальная реальность, и осознание их роли в гармоничном бытии человека актуально и в свете тех перемен, через которые проходит российское сообщество, его государственность на пути инновационного развития. С движением по такой траектории цивилизационного прогрессирования Россия связывает воплощение в реальность социального бытия новых гуманитарных парадигм и целеполаганий. Они заключаются теперь в том, чтобы по-новому задать меру и смысл человеческому существованию, переосмыслить отношение к истории человечества, его микро и макрокосму, скорректировать структуру и содержание системы ценностных ориентаций человека в современных условиях, разработать механизмы содействия человеку в поисках идентичности.

Философия как социокультурный феномен до сих пор рассматривается многими исследователями как универсальный инструмент обнаружения неких инвариантных смыслов в изменчивых феноменах бытия. Погружая мышление субъекта в таинства состояний социального миробытия, она «обнажает» возможности осмысления его глубин, фокусируя в целостность онтологические и гносеологические вопрошания, познающего мир и «самого себя в нем», сознания, стягивает ответы в знаки и тексты духовно-интеллектуальных культур, направления философствования, конфигурации экзистенциальных состояний бытия. По-видимому, в философской мыследеятельности есть «нечто» настолько глубинное, универсальное, своего рода, рაციовитальное (Х. Ортега-и-Гассет), что придаёт ей особую нужность в объективном постижении человеком пространственно-временного континуума своего и социального бытия внутренним временем сознания.

Философская мыследеятельность не дает конкретных ответов на вопросы, «как надо жить», поскольку философствование по самой своей природе принципиально метафизично: «вне-и-над-природно». Но она дает возможность каждому субъекту не просто с определенной точки зрения, позиции, смысла, войти в мир познания социальной реальности, но и сделать этот вид мыследеятельности способом индивидуального выхода

к свободе, самопознанию, самообъяснению и самооправданию собственных мнений, теорий, действий [1], стать формой утверждения себя самого в качестве человека, старающегося максимально приблизиться к собственной завершенности через реализацию потенциальных способностей и возможностей в условиях конкретной социальной реальности. Платон, например, полагал, что умение ухватить, понять новое, проявившееся здесь и сейчас, «вписывание» его в свою мыследеятельность, отказываясь от сложившихся стереотипов осмысления, становится свидетельством того, что в человеке «просыпается» способность не только видеть типичное в явлениях и событиях, но замечать и понимать в них особенное и индивидуальное.

Смысл философского постижения миробытия, самопознание «самого себя в себе самом», виделся древним философам не в том, чтобы сформулировать или отыскать неизменные и вечные «для всех времен и народов» истины. По мысли Платона, смысл философских рассуждений состоит в том, чтобы указать человеку путь, следуя по которому, он смог бы, «соизмеряя свой жизненный опыт бытия с мнением и опытом других» (Сенека), «обрести себя» и найти собственные ответы на проблемные вопросы в понимании и осмыслении конкретной социальной реальности полиса. Способность к самопознанию, с его точки зрения, присуща каждому человеку, но часто интуитивное самопознание бродит в потемках души. Человек, считал Сократ, должен научиться видеть глубины своего «я» внутренним зрением, побуждая тем самым самого себя к постоянному размышлению о себе самом и о своем внутреннем мире и об окружающей его действительности. Он полагал, что не стоит жить, если не изучать жизнь, не выясняя своего личного отношения к миру. Чем интенсивнее, строже, яснее человеческое самопознание, тем более достоверным становится внешний мир. «Я» выступает как камертон: правильно настроенное «Я» уловит гармонию мира, расстроенное – услышит и усилит хаос.

Знаменитые мастера софистического обучения – Протагор, Горгий, Эмпедокл, Гиппий, Продик (а поначалу этим прозвищем наделяли особо искусных в риторике людей), в публичных лекциях выдавали населению полиса образцы анализа современной им действительности, обозначали новые способы получения знаний и осмысление их. Учили управлять философской рефлексией, направлять эмоций не вовне, а на свой внутренний мир, чтобы слышать и разговаривать со своим «Я». И хотя на любомудров и их слушателей смотрели как на возмутителей интеллектуального спокойствия и социальной лени, они, по сути, становились сейсмографами своих эпох, тонко улавливающими исторические вибрации времени и тенденции развития социума и его познания. Философские процедуры «разыскания истин» социального бытия, путей смысложизненного определения человеком своих стезей развития в

рамках той или иной социальной реальности, культивировали определенные способы видения и взаимодействия с действительностью. Аристотель, развивая «умное зрение» на природу социального бытия, познание смыслов человеческого предназначения «быть» в нем, вооружил «умное зрение» мощным инструментарием логического «схватывания» действительности. Именно тогда всеобъемлющий греческий Логос, диалектично «сливаясь» воедино в слове-речи-языке, превращался в технико-логическое средство, облегчающее путь теоретического «разыскания истин», а «умный разум» позволял открывать типы отношения граждан к социальной действительности, к «другим», к самим себе. При этом философская мыследеятельность становилась способом критики повседневного мира в его повседневности и превращалась в средство, способное указать выход за рамки принятых стереотипов мышления и традиций. Поэтому не зависимо от того, какой бы когнитивный дискомфорт ни довлел над субъектом, какие бы цели и установки по реализации смысложизненных выборов у него не складывались, если человеку нужно было просто помочь их сформировать, философская мыследеятельность, как метод понимания основных типов, форм, способов жизни, становилась той точкой опоры, на которую он обязательно становился [2].

Человеку часто кажется, что он от природы наделен мышлением и правильным взглядом на мир. В действительности это не так, поскольку мыследеятельность формируется в результате житейского опыта, обстоятельств случайного рода, в зависимости от того, в какой сфере человек себя реализует. И только философская мыследеятельность даёт человеку возможность свободы выбора среди «широкого поля» человеческих возможностей, позволяющих «быть и состояться», предотвращая опасность просто плыть по течению жизни.

Осмысление социальной реальности, как механизм рефлексии над «пограничными зонами» человеческого жизненного опыта, всегда исторически было направлено на «снятие» противоречий между восприятием и суждением о действительности. При этом возникали рассуждения о возможности выстраивания правильности бытия в той или иной социальной реальности без опоры на какой-либо опыт её познания, или, как говорят, состоявшегося без всякого залога. Действительно, *самопознание человеком «самого себя», на самом деле, всегда предшествует всякой философской мыследеятельности.* Будучи изначально соединен с миром, человек поначалу не выделяет себя от условий, в которые он, по словам Ж.П. Сартра, оказался «заброшен» по воле судьбы и взаимодействие с которыми для него неотвратимо [8, с. 327]. Однако, проходя через горнило петлистых перипетий социальной реальности, переживая обстоятельства, нарушающие отлаженный ход повседневной бытийности, человек вынужден включаться в процесс оценивания и ориентирования в обрушивающихся на него изменениях и

новых данностях бытия. *Внутренний опыт «самоосмысления человеком самого себя» предстаёт изначально, как кумулятивный результат его жизни, как самоистолкование им ситуаций, которые он переживал, обретая образцы и модели поступков, критерии оценок, как характеристики своей персоналогичности, которую необходимо вывернуть, вытащить из омота мучительно невнятной, нерелексивной иллюзорной объективности, подвести к осмысленному видению реальности и «овозможниванию» в ней собственного бытия в бытие других.*

Таким образом, самоосознание человеком «самого себя» является тем фундаментом, на котором индивидуум начинает осознанно воспринимать и выстраивать свои ценностно-смысловые, деятельные отношения с миром природы, социумом. При этом он вынужден «промысливать» свои индивидуальные шаги в познании новых ситуаций в развивающейся социальной реальности. Субъект поставлен перед необходимостью пытаться открывать приемлемые для себя маршруты реализации жизненных выборов, способы разрешения возникающих экзистенциальных ситуаций, что порождает в нём потребность «практики себя»: чувственной, интеллектуальной, духовной и т.д. Стремясь уловить социальную реальность в сети понимающего слова, он искренне желает озвучить для себя смыслы тех ситуаций, в которых он находится, и подняться, опираясь на них, над горизонтом его обетованного лона социального жизнебытия. *Осознание* актуальности объективных знаний о пространственно-временных характеристиках социальной реальности, перспективах её совершенствования, подвигают человека к деятельному осмыслению базовых конструкторов этого феномена. Ощущая «включённость» в темпоральные ритмы развёртывающейся перед ним социальной реальности, человек улавливает факт того, что последняя фокусирует и «распредмечивает» в своей бытийности онтологические и гносеологические основания исторического бытия социального.

«Втягивая» в себя результаты человеческой деятельности, социальная реальность трансформирует их в знаковые проявления материальной и духовно-интеллектуальной культуры цивилизации, сферы социальной жизнедеятельности, экзистенциальные ситуации. Она позволяет в «приоткрывшихся зазорах бытийности» увидеть дистанцию между тем, что данная социальная реальность представляет собой в своем антропосоциокультурном измерении сейчас, и тем, чем она может и должна стать в будущем. Таким образом, социальная реальность даёт возможности каждому человеку шанс шаг за шагом подниматься вместе с ней на уровень соответствия неким сложившимся общечеловеческим представлениям о сущности социальной реальности, как некой живой социальной конструкции, обеспечивающей условия для развития жизненного пространства социальной системы и личности.

На пути реализации человеком намерений осмыслить социальное бытие и самого себя сущностным в нём должно стать обнаружение им в самом себе способности нечто понять, помыслить, как это делали и делают другие, научиться обосновывать и аргументировать свои суждения, поскольку для человека всегда присуще желание «поставить» свою живую мысль «на ноги», научить её «ходить на помочах» умного зрения – т.е. формально-логических конструкций. Личностно-экзистенциальный мотив в характере осмысления проблем социальной реальности делает познание в форме философской мыследеятельности способом овладения действительностью в ситуациях, в которых момент оказывается человек. Не случайно философская мыследеятельность начинается с вопросов, и там, где кончается внешний опыт сознания, внешний опыт деятельности мышления, начинается внутренний рефлексивный опыт деятельности мышления. Собственно, здесь и начинается философствование как над проблемами миробытия в целом, так и собственной жизнью, в частности.

В процессе овладения навыками философской мыследеятельности человек пытается определить себя посредством своего осуществления в ней, «сбыться» в ней на самом деле. Сама же философская мыследеятельность выступает, при этом, как то, посредством чего человек становится самим собой, в то время, как он становится сопричастным действительности. Но осознанный выбор критико-рефлексивного пути в восприятии и осмыслении социальной действительности с целью «поиска истин бытия» и «разыскания смыслов жизни» вовсе не предполагает готовность и способность человека к конструированию и осмыслению бытия в форме проблемы. Пропуская через сознание опыты философских исканий, индивидуум осуществляет процесс сознательного выбора собственной тропы в мир «возделывания» философской мыследеятельности и овладения философской культурой суждения об этом. Здесь весь исторический опыт философской мыследеятельности как бы «проецируется» на его личный жизненный потенциал и становится детерминантой его духовного роста и самостоятельного развития. Человек «втягивается» в процессы философствования и получает некий импульс к нему, благодаря чему для него становится сущностной сама философская мыследеятельность.

Философская мыследеятельность потенциально несет в себе возможности разноликого, многовеерного «прикосновения» личности к мировоззренческим исканиям мыслителей различных направлений, экзистенциализма, различным логикам и культурам осмысления социальной реальности бытия. Понять многослойность, переплетенного временем калейдоскопа философских идей и парадигм, различных смыслов употребления понятия «социальная реальность» возможно только за счет «парадокса общения»: диалогов взаимообоснования, взаимопереходов различных логик и различных форм всеобщности. В принципе, это и составляет средоточие философских размышлений, даёт суть того

философствования, которое насущно не только для мышления философа, но составляет смысл самого феномена мысли. В. Библер писал в связи с этим, что философствование имеет смысл только в одновременности и во взаимоотношении философских систем, идей, откровений [3, с. 284].

Философская мыследеятельность живет в сопряжении и одновременном взаимопорождении различных форм бесконечно-возможного бытия и различных форм его понимания. В ней также происходит осуществление субъектом «самого себя», которое проявляется в овладении им философской культурой слова и мышления. Только в этом случае становится реальным понятийное воспроизведение его вне понятийного, вне логического ощущения «живого опыта бытия», «вписывание» выстраданных индивидуумом мыслеобразов «живого опыта бытия» в универсальный язык философом. При этом субъективное мышление, голосом которого при определенных обстоятельствах становится философская мыследеятельность, лично и, поэтому другому прямо непередаваемо, т.к. мысль существует только в своем исполнении, как и всякое явление сознания, как и всякое духовное явление. Существовая только в момент и внутри своей собственной «вновь-исполненности», вырастая из индивидуального опыта, и являясь рефлексией над ним, она «обретает» своё онтологическое бытие только в понятии, в слове. Вот почему философскую мыследеятельность можно рассматривать как «вместилище» процесса «вживания» мысли в понятие. В нашем случае это означает «узнать» запечатленный опыт принципиально схожей экзистенции, а затем, осмысливая его, использовать для выстраивания онтологических и эпистемологических конструктов социальной реальности, используя те или иные философские технологии. В этом и состоит ценность философской мыследеятельности: в разъяснении индивидуумом «самому себе» понятий и их смыслов для получения ясности в суждениях, чтобы помочь человеку осознать и высказать собственный «живой опыт бытия» в философских формах.

Г.В.Ф. Гегель писал, что узнавать в чужом свое, осваиваться в нем – есть основное движение духа, смысл которого – только в возвращении к себе самому из небытия [4, с. 67]. От природы человек не является тем, чем он должен быть, поэтому он вынужден обращаться к сознанию других, перемещаясь, по словам Дильтея, в чужую субъективность, где другой наполняет смыслом его существование, а поэтому с необходимостью входит в онтологию его сознания. Это позволяет человеку, отвлекаясь от самого себя, учиться замечать и понимать то общее, которое относительно соразмерно ему и, которое определяет его особенное, ментальное. С точки зрения А.Я. Гуревича, чтобы попасть в это мышление, человек, со своей стороны, должен учиться мыслить, приводить свой образ действия в соответствие с тем, что обращено к нему в данный момент в своей сущности.

История антропосоциокультурогенеза показывает, что «задать» проблему смыслов жизни, осветить путь к их познанию и возможностям реализации в социальной реальности, могут и другие концепты культуры, например, религия, психология, педагогика и т.д. С. Кьеркегор, в частности, в поисках ответов, на мучавшие его вопросы, обращался к феномену религиозной веры. Он считал, что только через веру и ее духовный свет, человек обретает реальную возможность преодолеть трагизм своего присутствия в земном мире и наполнить жизнь социальной реальности позитивным смыслом. Художественная литература, поэзия, и даже живопись несут в себе огромные возможности приобщения человека к чужому опыту социального бытия на основе воображения, вчувствования, эмпатии. Сюжеты литературных произведений, картин, фресок легко интериоризируют воплощенные в них смыслы и становятся как бы частью личного опыта человека. Глубоко «прописывая» тектонику внутренних пластов духовного мира своих персонажей и героев, «обнажая» смыслы их бытия, шедевры искусства «высоких Имен» способны «делать человековедческие открытия». Однако ни религиозные, ни литературные, ни научные, ни искусствоведческие и т.д. исследования, представляющие собой результаты изучения разнообразных, но всегда конкретных сфер природного и социального бытия, как правило, не поднимаются до высот философского осмысления реальности. Философ же, напротив, может размышлять и над религиозными, и литературными, и педагогическими, и математическими, и естественнонаучными сочинениями, давать их интерпретацию и оценку именно с философских позиций, как, например, это делал Л. Шестов в отношении Ф. Достоевского и Л. Толстого, М. Хайдеггер в отношении Ф. Гельдерлина, А. Герцен, Ф. Энгельс, В. Ленин в отношении творчества естествоиспытателей XVIII в. и т.д., проявляя при этом проблемную вьедливость, щепетильность в мелочах и деталях в самом предмете дискурса. Способность философского мыслетворчества рефлексировать над основами научного, художественного, околонучного, религиозного видов познания превратило философскую мыследеятельность в рационально-теоретическую парадигму, атрибутивно присутствующую в любом способе познания мира социальных явлений и толкования их. Таким образом, уникальность философского мыслетворчества является нам уже в том, что это всегда процесс интеллектуального, рационально-теоретического овладения реальностью и различными проблемными ситуациями, имеющим место быть в пространственно-временном континууме социума.

«Пропуская» через мышление «проблемные точки» вопрошаний человека о природе социальной реальности, в лоне изменчивых ликов которой ему приходится строить своё бытие, философствующий разум выводит собственное отношение к этому феномену, порождаемым им ситуациям, возможностям их разрешения. Обретенные при этом схемы

связей и отношений социального бытия, сфер человеческой жизнедеятельности в последующем переносятся, имплицитно переносятся на познание других, нарождающихся предметных областей социальной реальности, уникальные узоры которой выплываются людьми и обстоятельствами их бытия в всегда конкретных пространственно-временных континуумах исторического развития тех или иных народов. В этой связи, очевидно, что философское мыслетворчество разворачивает свое бытие как духовная практика конкретной эпохи, нацеленной как на разрешение дилеммных вопросов, связанных со спецификой человеческого бытия в условиях конкретной социальной реальности, так и познавательных процессов этой реальности как таковой.

Открытость познанию, способность к принятию самостоятельных и ответственных решений в отношении «проблемных полей» социальной реальности человеческого бытия есть не что иное, как обнаружение человеком «в себе самом» философствующего субъекта, готового к духовному саморазвитию, творческой активности и социально ответственным действиям. Это находит свое подтверждение в «особой манере» философствующего разума «схватывать» и реагировать на проблемные ситуации в социальной реальности, истолковывать их, выявляя множество смежных тем и похожих проблем, встававших, и вновь встающих, перед людьми разных поколений и в разные эпохи. «Обнажать» при этом детерминанты ценностно-смысловых исканий индивидуумов, как в глубине, канувших в лету веков, так и в современном мире. Эти путешествия в мир прошлых мыследеятельных опытов переживаются человеком как временная диалектика, решительно проецирующая рефлексивное мышление индивидуума в историю: стадию зеркал. Вместе с тем это есть внутренний мыследеятельный посыл, который стремительно развивается во внутреннем сознании личности. Посыл, который для философствующего субъекта, стремящегося обрести пространственную идентичность, измышляет фантазмы, постепенно переходящие от раздробленного «образа тела» к форме, каковую можно назвать «ортопедической» для поддержания целостности образа, который запечатлевает своё бытие и присутствие в структуре его интеллектуального развития. Исторически, став гранью жизни человечества, его духовными скрижалями, философское мыслетворчество превратилось в никем и ничем не заменимый способ осмысления бытийного и познавательного опыта сознания. Создавая в себе душевным напряжением подлинное переживание социальной реальности бытия, человек вглядывается в сущность внутренне данного содержания переживаний. При этом он осуществляет своеобразное «установление» пережитого с той соразмерностью, которая открывается ему в конкретной социальной реальности бытия, которая побуждает поделиться об этом с другими через диалог, а желание быть услышанной и дополненной другими, выводят такую мыследеятельность за пределы

субъективного самоистолкования ею опыта трансцендирования над собственным сознанием. Таким образом, духовный мир личности становится «эпицентром» философских исканий, в которых неповторимое, экзистенциальное философствование по поводу осмысления социальной реальности действительно обретает возможность «подняться» на уровень всеобщего и вневременного, обрести онтологический статус, высвечивающий в процессе философского осмысления мира вопросы духовности и целостности смыслов человеческого бытия, нравственного выбора, особенно в конфликтных ситуациях, отношение к добру и злу, вере и надежде, успеху и счастью, смерти и бессмертию и т.п.

Библиографический список

1. Баркова, В.В., Сидорова, У.В. Стили философского мыслетворчества как способ «овнешнить» субъектом философствования своего виденья «бытия-в-пути» [Текст] / В.В. Баркова, У.В. Сидорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – №10 (269). – С. 175–179.
2. Баркова, В.В., Сидорова, У.В. Стили философского мыслетворчества как способ существования человека в мире культуры [Текст] / В.В. Баркова, У.В. Сидорова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – №32. – С. 139–142.
3. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в XXI век [Текст] / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971. – 325 с.
5. Грицанов, А.А. Социальная реальность: осмысление основных парадигм / А.А. Грицанов [Электронный ресурс] // URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2008/gritsanov.pdf> (дата обращения 10.05.2015).
6. Здравомыслов, А.Г. Теории социальной реальности в российской социологии [Текст] / А.Г. Здравомыслов // Мир России. – 1999. – Т. VIII. – № 1-2. – С. 3–20.
7. Низовских, Н.А. Человек как автор самого себя: психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности [Текст] / Н.А. Низовских. – М.: Смысл, 2007. – 255 с.
8. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов: общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.

УДК 101.9 + 159.923 + 316.37

ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

*И.Л. Куличков,
Южно-Уральский
государственный университет*

В статье рассматривается всестороннее развитие личности как философская проблема. Указываются имеющиеся историко-философские и современные пути осмысления данного вопроса. Предлагается один из возможных подходов его решения.

Ключевые слова: человек, личность, развитие, деятельность.

В советской педагогике и философии всестороннее развитие личности провозглашалось главной целью коммунистического воспитания молодёжи, а Программа КПСС указывала, что всестороннее развитие личности следует понимать как её духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Современная Россия отказалась от марксистской идеологии как господствующей и государственной, но это не значит, что мысль о всестороннем и гармоничном развитии человека утратила актуальность и перестала интересовать философскую общественность.

Сама по себе она имеет глубокие исторические корни и зародилась ещё у мыслителей Древней Греции. Античные философы называли центральными качествами гармонично развитой личности мудрость, здоровье и благородство. В своих «Диалогах» Платон утверждал, что по настоящему счастливым может быть только человек мудрый. Его ученик

Аристотель говорил о необходимости воспитания у подрастающего поколения таких качеств как мужество, выносливость, умеренность, справедливость, высокую духовную и нравственную чистоту. Данные рассуждения соответствовали сложившейся в то время системе афинского воспитания, которая стремилось на практике сочетать умственное, нравственное и физическое развитие человека. Аналогичные цели были и у спартанского воспитания, требующие формирования физически крепкого, храброго, дисциплинированного воина, законопослушного и преданного государству гражданина.

В период средневековья с его новыми христианскими ценностями и церковной регламентацией всех сфер человеческой деятельности античная идея о всестороннем развитии личности оказалась преданной забвению. Возврат к ней пришёлся на эпоху Возрождения. Здесь вопросы развития личности вновь обрели актуальность и стали трактоваться в контексте освобождения человека от социально-политических и мировоззренческих оков феодализма. Гуманисты связывали совершенство человека с его телесной красотой, стремлением к поэзии, музыке, живописи, литературе. Они подчёркивали творческую природу человека, его право на личное счастье и земную любовь. В дальнейшем внимание мыслителей было привлечено и к производительному труду как важнейшей сфере человеческой деятельности. Соединение умственного и физического труда стало трактоваться как основа для полноценного развития личности. Впервые подобная мысль прозвучала в работах Т. Мора и Т. Кампанеллы, создававших проекты лучшего общественного устройства. Затем её разрабатывали просветители XVIII века К. Гельвеций и Д. Дидро, а также социалисты-утописты Ш. Фурье и Р. Оуэн. Говоря о необходимости совершенствования всех человеческих способностей, они полагали, что умственное и нравственное развитие человека не может состояться вне сферы материального производства. Впрочем, современное им машинное производство давало мало оснований для оптимизма в этом вопросе. Замена ручного труда машинами потребовало разделения фабрично-заводского производственного процесса на отдельные технологические операции, каждая из которых выполнялась специализированными станками. Человек в данной системе становился придатком машины, превращался в часть технического устройства, выполнявшего в свою очередь какую-то одну специфическую функцию. Следовательно, рабочему приходилось быть своеобразной одушевлённой частью работающей машины. На деле это означало, что приобретая профессионализм, он терял универсализм и на долгие годы становился «узким специалистом»: шлифовщиком, фрезеровщиком, токарем и т.д.

Пытаясь разрешить противоречие между эффективностью разделения труда и ограничивающей развитие человека производственной специализацией, Р. Оуэн говорил о необходимости одновременного

развития всех интеллектуальных и физических сил человека. Достичь этого можно было бы путём сочетания учебно-образовательного процесса с производительным трудом. Свои идеи Р. Оуэн попытался осуществить на практике, создав на принадлежащей ему фабрике детский сад, начальную школу для детей рабочих и вечернюю школу для взрослых. Хотя далеко не всё было удачным в его опытах, однако мысль о соединении обучения с производительным трудом получила определённое обоснование.

Из русских мыслителей наиболее близко к идее о всестороннем развитии личности подошли те, кого принято называть революционными демократами. В работах «Подарки под Новый год» и «О детских книгах» В.Г. Белинский писал о всестороннем развитии личности и выделил следующие моменты. Во-первых, это физическое воспитание, включающее в себя правильный образ жизни, выполнение гимнастических упражнений, усвоение естественнонаучных знаний о человеке, соблюдение правил личной гигиены. Во-вторых, это нравственное воспитание, важнейшей задачей которого является формирование общественного деятеля, стремящегося к добру, готового вести борьбу со злом, не боясь никаких трудностей и препятствий. В-третьих, это умственное образование, стержнем которого является систематическое обучение человека основам естественных наук и исключение из школьных программ преподавание религии. Важнейшими предметами, по мысли Белинского, должны стать и гуманитарные науки (литература, родной язык, история) так как они служат благородной цели «очеловечивания людей». Большое внимание всестороннему развитию личности уделял и Н. Г. Чернышевский. Основу такого развития он видел в разнообразной трудовой деятельности человека.

Глубокие мысли о всестороннем развитии личности можно найти в философии марксизма. Для К. Маркса «полное и свободное развитие каждого индивидуума» [1] является основным принципом коммунизма. Определяя содержание всестороннее развитой личности как цели воспитания, К. Маркс писал: «Под воспитанием мы понимаем три вещи: во-первых, умственное воспитание. Во-вторых, физическое воспитание такое, какое даётся в гимнастических школах и военными учреждениями. В-третьих, техническое обучение, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно даёт ребёнку или подростку навыки общения с простейшими орудиями всех производств» [2]. К. Маркс утверждал, что в первую очередь необходимые условия и возможности для всестороннего развития личности создаёт сфера общественного производства. Длительное время логика его формирования отнимала у человека возможность для гармоничного развития. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу вместе с разделением труда разделялся и сам человек [3]. Он становился односторонним, частичным, превращался в орудие выполняемой работы [4]. При этом основоположники марксизма подчёркивали, что разделение материального и духовного, физического и умственного труда,

практической и теоретической, исполнительской и целеполагающей деятельности было закономерным следствием раскола общества на антагонистические классы. Отсюда у них вытекало предположение, что при коммунизме, где будут ликвидированы классовые различия, где во всех отраслях общественного производства человечество достигнет высокого уровня развития, где, наконец, будут преодолены противоречия между умственным и физическим трудом появится возможность постановки цели всестороннего и гармоничного развития человека как практической задачи.

В современных реалиях XXI века вечный идеал всестороннего развития человека оказался не только не забытым, но и вышел на новый виток теоретического осмысления. Многие, размышляющие по этому поводу отечественные исследователи, считают, что основным условием, снимающим односторонность развития личности, может стать перемена труда и ликвидация старого разделения труда, где каждый индивид насильственно закреплялся за каким-либо одним видом деятельности (Э. Струков, Д. Кайдалов, Г. Орлов и др.). Другие, наоборот утверждают, что все разговоры о возможности для конкретного человека участвовать в разных видах деятельности являются не более чем социальным прожектёрством и на практике означает банальное дилетантство (Б. Теплов, Ю. Давыдов, А. Румянцев и др.). Среди высказанных точек зрения теоретически взвешенной и вполне реалистичной является позиция М.С. Кагана, писавшего, что гармонично развитая личность проявляет себя в мире как существо познающее, оценивающее, действующее и общительное [5]. Обладание перечисленными свойствами и позволяет человеку, по мысли М.С. Кагана, участвовать во всех направлениях деятельности, раскрывая и утверждая себя во всей полноте своих личностных человеческих качеств [6]. С высказанными мыслями можно соглашаться или не соглашаться, но сам факт продолжения философских дискуссий о всестороннем и гармоничном развитии личности является выражением интереса к этой тематике. В эпоху интенсивного развития производительных сил и повторяющихся кризисов в экономике всестороннее развитие человека превращается из благого пожелания в насущную потребность. С одной стороны, сегодняшнее производство предъявляет высокие требования к технико-экономическим и личностным качествам человека. С другой стороны, появляется потребность самого человека во всестороннем развитии собственных задатков. Она диктуется необходимостью приспособляться и выживать в мире кардинально изменяющегося материального производства и общественных отношений.

Но что сегодня означает термин «всестороннее развитие личности»? Можно ли его трактовать как безбрежный универсализм и всезнайство? Думается, что более точной является нашедшая отражение в ряде изданий точка зрения, согласно которой всестороннее развитие личности это целостное и полноценное развитие всех сущностных сил человека, всех его

способностей и дарований. К этому можно было бы добавить фразу: «во всех основных видах человеческой деятельности».

В современной литературе зачастую не разделяются понятия «всесторонне развитый человек» и «человек гармонично развитый», что всё-таки не одно и то же. Гармонию в человеке образуют, как известно, три составляющих: тело, чувство, разум. Соответственно о гармоничном развитии можно говорить в тех случаях, когда в человеке сочетаются физическое совершенство, культура нравственных и эстетических чувств, высокий уровень интеллектуального развития. Сложнее обстоит дело с понятием «всесторонне развитая личность». Здесь предполагается развитие человеческих способностей во всех, определяющих жизнь социума сферах деятельности. В таком случае можно допустить несколько типов личности: во-первых, односторонне развитая личность, т.е. обладающая каким-либо одним духовным потенциалом и проявляющая себя в каком-то одном виде деятельности; во-вторых, многосторонне развитая личность, обладающая несколькими духовными потенциалами и успешно выполняющая целый ряд социальных ролей; и в-третьих, всесторонне развитая личность, имеющая развитые способности, позволяющие ей проявлять себя во всех основных сферах жизни общества. Однако следует заметить, что гипотетически возможна и личность всесторонне неразвитая.

Поскольку предметом данной статьи является личность всесторонне развитая, то есть проявляющая себя и свои способности в разных сферах деятельности, в первую очередь следует уточнить эти сферы.

Определяющими среди них являются две: отражательная и преобразовательная. Здесь имеется в виду следующее. С одной стороны, наделённый сознанием человек отражает мир в эмоционально-образных и логико-понятийных формах, другой стороны, он преобразует окружающую действительность в соответствии с имеющимися у него потребностями и интересами. В качестве главных элементов отражательной деятельности можно выделить деятельность научную и художественно-эстетическую.

Первая сводится к процессу отражения закономерностей окружающего человека мира в форме научных абстракций и использование полученного знания в ходе практической деятельности. В современном обществе наука проникает в базисные отношения между людьми, формирует образ жизни и мировоззрение человека. На основе научных знаний рационализируются все формы общественной жизни. Из этого не следует, что буквально каждый человек должен стать профессиональным учёным, такое невозможно, да и не нужно. Однако овладение основами научных знаний, приобщение в той или иной мере к деятельности, развивающей умственные силы и способности человека, под силу каждому. Например, сегодня в производственной сфере многие рабочие и инженерно-технические работники занимаются изобретательством и рационализацией. Тысячи практикующих врачей ведут исследовательскую работу, защищают

диссертации, получают научные степени и звания. Новаторы-учителя разрабатывают новые методики обучения и формы воспитания учащихся и т.д.

В русле той же логики можно рассуждать и о деятельности художественно-эстетической, стремящейся отразить действительность в форме художественных образов. Вряд ли каждому следует заниматься ей профессионально, но приобщение к процессу, развивающему творческую одарённость человека, доступно всем. Миллионы людей занимаются домашним музицированием, поэзией, живописью, танцами, фотографией. Многие принимают участие в работе народных театров, цирков и других творческих коллективов. Можно сказать, что художественная деятельность стала одним из важнейших факторов личностного развития. К сожалению, трансформация социально-экономических отношений в России на рубеже XX и XXI веков негативно сказалась на функционировании народной культуры. Сегодня многие самодеятельные коллективы переживают не лучшие времена. Дома и дворцы культуры переориентировались на коммерческие формы деятельности, сданы в аренду случайным людям, проданы предприятиями как «непрофильные активы». Но, несмотря на это интерес к художественному творчеству остаётся высоким.

Отношение к искусству – показатель степени духовного развития человека. Многие социологические исследования, проводившиеся в нашей стране, в том числе и при участии автора статьи, показывают, что, чем выше духовное развитие человека, тем более он склонен относить искусство к числу наиболее привлекательных форм организации своего досуга. При этом речь идёт не только о пополнении знаний об искусстве, но и о практических занятиях какими-либо видами художественного творчества.

Наряду с отражательной, другой сферой деятельности людей является деятельность преобразовательная, направленная на изменение, как окружающей природы, так и самого человека. Если говорить о преобразовании природы, то оно осуществляется в двух видах деятельности: материально-производственной и экологической.

Материально-производственная деятельность связана с развивающим значением труда, т.к. в трудовом процессе человек осваивает накопленный многими поколениями опыт, получает знания о тех или иных сторонах действительности, что становится важным звеном его мировоззрения. Ориентируясь в наличных условиях труда, человек формулирует цель, контролирует ход деятельности, осваивает сложную систему производственных, нравственных и других отношений. Психологи отмечают важность полученных в трудовом процессе результатов. От них во многом зависит формирование таких мотивов как личностная значимость труда, осознание его общественной ценности, притязание на более высокий уровень достижений в профессиональной деятельности. Велика роль труда и в развитии мыслительных способностей человека. По мере овладения

трудовыми навыками появляются и развиваются новые формы мышления: техническое, практическое, логическое. В трудовом процессе меняется самооценка личности, совершенствуются навыки решения познавательных задач и применение их на практике. Наконец творческий труд определяет готовность человека много и успешно работать.

Производственная деятельность связана с изменением природы, изъятием у неё некоторой части и превращением этой части в предмет труда. Но по мере исторического роста масштабов воздействия человека на природу возникает и другая, вполне объективная необходимость не только присваивать природные богатства, но и сохранять их, возвращать природе то, что было у неё отнято. Необходимость сбережения природной среды, а без чего невозможно само выживание человечества, вызывает к жизни деятельность экологическую. Современные её формы многообразны. Участие в них с учётом угрожающего планете экологического кризиса становится обязательным для каждого разумного человека, осознающего свою персональную ответственность перед окружающей природной средой, и, в конечном счёте, – перед будущим человечества.

Преобразовательная деятельность касается не только природной среды, но и самого человека. Человек – существо биосоциальное и, следовательно, включает две составляющие: биологическую и социальную. Совершенствование биологической природы человека, в свою очередь, связано с медицинской и физкультурной деятельностью.

Речь опять же не идёт о том, чтобы каждого человека сделать медицинским работником, лечение людей – дело профессионалов. Речь не идёт также о самолечении и уж тем более не о противоправном медицинском вмешательстве, наносящем вред здоровью других людей. Однако современному человеку следует всё же иметь определённые представления о причинах распространённых заболеваний, о факторах риска, о домашней аптечке, о первой доврачебной помощи. Каждому под силу научиться профилактике заболеваний и применению мер, направленных на предупреждение причин их возникновения. Например, идеи профилактики зародившись ещё в глубокой древности, стали важнейшим направлением в медицине со времён Гиппократ и Авиценны, основываясь на соблюдении правил личной гигиены и здорового образа жизни. В современном обществе, где в промышленности и сельском хозяйстве используются опасные для человека источники энергии, применяются вредные химические вещества, где идёт интенсификация трудовых процессов и где соответственно возникают тяжёлые заболевания, эти идеи приобретают особую значимость. Поэтому сегодняшняя медико-социальная активность людей должна быть связана с мотивацией на здоровый образ жизни, соблюдением правил личной гигиены, рациональным питанием, правильной организацией режима труда и отдыха.

На совершенствование биологической природы человека направлена и

физкультурная деятельность, связанная с морфологическими и функциональными изменениями организма, укреплением здоровья, расширением границ активного долголетия. Известно, что отсутствие физических упражнений ухудшает здоровье человека, приводит к преждевременному его одряхлению и наоборот разумные физические нагрузки усиливают деятельность центральной нервной системы, улучшают обмен веществ, развивают и укрепляют человеческий организм. Физические упражнения стимулируют рост нейронов в головном мозге. Мышечные движения создают предпосылки для полноценной умственной работы. Интеллектуальный труд также требует большого напряжения физических сил. Отсутствие необходимой закалки и болезненность снижают эффективность умственной деятельности. Здоровый человек лучше проявляет себя и в материально-производственной сфере. Ему легче преодолевать большие нагрузки, он меньше переутомляется. Наконец, участие в массовых физкультурно-спортивных мероприятиях формирует такие важные для человека качества как товарищество, коллективизм, требовательность к себе, укрепление воли и т.д.

Наряду с совершенствованием биологической природы человека не меньшую роль играет развитие у него необходимых для жизни в обществе социальных качеств. Формирование социальной природы человека связано главным образом с двумя видами деятельности: управленческой и педагогической.

Популярные строки Н.А. Некрасова «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» и сегодня не утратили своего значения. Большинство современных Конституций закрепляют такие формы политической активности граждан, как свобода собраний, митингов, демонстраций и т.д., в которых выражается коллективное или индивидуальное мнение людей по вопросам общественной и государственной жизни. И простейшей формой социальной активности является интерес к политике и различным явлениям общественной жизни. Более активные формы предполагают участие в митингах, массовых движениях, политических партиях, голосование на выборах, членство в различных общественных организациях. Сегодня такого рода формы становятся всё более многообразными. Среди них: контроль над деятельностью властных структур, депутатство, участие в общественных палатах субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, антикоррупционная и правозащитная деятельность, оказание помощи отдельным категориям граждан (детям, инвалидам, военнослужащим и т.д.). В нашей стране действуют территориальные объединения, квартальные комитеты, товарищества собственников жилья, созданы объединения «солдатских матерей», «чернобыльцев», воинов «афганцев», представителей мелкого и среднего бизнеса, промышленников и предпринимателей. Всё более популярными становятся инициативные

группы граждан – добровольные объединения, создаваемые ими для защиты своих текущих прав и интересов. Исключительную полезность демонстрирует и распространённая в последнее время волонтерская деятельность, помогающая решать те или иные практические задачи. Таким образом, участие в социально-управленческой деятельности прививает человеку чувство собственного достоинства, уверенности в себе, даёт ему уважение в семье, признание коллег, ощущение своей причастности к делам государства; помогает найти применение своим талантам, подчас невостребованным по месту основной работы; создаёт условия для саморазвития, обретения новых знаний, умений, навыков; учит человека общаться, выражать свои мысли, аргументировать личную позицию, расширяет социальные связи, помогает находить единомышленников.

Завершающей в приведённом перечне видов человеческой деятельности является деятельность воспитательно-педагогическая. Являясь важнейшим элементом общечеловеческой культуры, она направлена на передачу от поколения к поколению накопленного опыта и создание условий, необходимых для личностного развития человека. Такого рода деятельность может быть как профессиональной, так и не профессиональной, касающейся буквально каждого человека. Одним приходится воспитывать своих детей и внуков. Другие за пределами своей семьи становятся участниками процесса приобщения молодёжи к ценностям данного общества, выработки у неё норм и навыков правильного поведения. Третьи могут сочетать должностные обязанности с воспитательными функциями в своём трудовом коллективе. Таким образом, вопрос о всестороннем развитии человека связан с его практической жизнедеятельностью. Ещё Аристотель отмечал, что те или иные свойства человека формируются и проявляются только в реальных социальных действиях. И сегодня высказывание великого мыслителя не вызывает сомнений.

В данной статье выделяются восемь видов человеческой деятельности. На самом деле существует и множество других видов, причём некоторые из них являются производными от вышеперечисленных. Развитие способностей человека для участия в них, как и сам процесс реального участия даёт, на наш взгляд, определённое представление о всесторонне развитой личности.

Безусловно, предлагаемая модель не является завершённой и окончательной. Вряд ли вообще современный уровень науки и практики позволяет создать такую модель. Но само её несовершенство открывает дорогу для новых представлений, где каждый последующий шаг будет вкладом в вечную и всегда актуальную проблему формирования всесторонне развитого человека как главной цели и условия общественного прогресса.

Библиографический список

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 23. Москва: Политиздат, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1978. – С. 605
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 23. Москва: Политиздат, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1978. – Соч. 2-е изд. Т. 16. – С. 198.
3. Маркс, К., Энгельс, Ф. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 23. Москва: Политиздат, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1978. – Соч. Т. 20. С. – 303.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 23. Москва: Политиздат, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1978. – Соч. Т. 23. – С. 373, 660.
5. Каган, М.С. Опыт системного анализа человеческой деятельности [Текст] / М.С. Каган // «Философские науки», 1970. – №5. – С. 51.
6. Каган, М.С. Человеческая деятельность / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – С. 307, 308.

УДК 1(73)(091)
ББК ЮЗ(7США)5-679

У. ДЖЕМС О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО СУБЪЕКТА

*А.А. Устьянцев,
Южно-Уральский
государственный университет*

Статья посвящена становлению мировоззренческой концепции одного из основателей прагматизма У. Джемса. Показано, что Джемс развил идеи другого основателя прагматизма Ч.С. Пирса в виде психологического обоснования понятия заинтересованного субъекта как основной формы человека вообще. Такое понимание стало основой философии прагматизма как философии действия и практических последствий.

Ключевые слова: прагматизм, сознание, познание, субъект, потребности и интересы, деятельность.

У. Джемс (1842–1910) это американский психолог, получивший основательную подготовку в Европе, в частности, в лаборатории В. Вундта. Вернувшись домой, он посещает Метафизический клуб, который в то время являлся эпицентром философских поисков в США. В 1878 г. у Джемса возникает идея интерпретации деятельности сознания с позиций психологии личности. Такой подход дает возможность разрешать доселе неразрешимое – например, основной вопрос философии: «Является ли сокровенная природа мира моральной или мир есть лишь голый факт, простое грубое существование» [2, р. 76]. На возражение позитивистов, что такой вопрос иррационален и не имеет решения «я отвечу, что вопрос имеет значение и изложен ясно тогда, когда в соответствии с тем или иным ответом принимают тот или иной способ поведения» [2, р. 76]. Ответ же зависит от веры, которой человек придерживается – моралистической или материалистической. «С одной стороны, сопротивление злу, принятие бедности, если необходимо, то мученичество, словом, трагическая жизнь; с другой – уступки, компромиссы, сделки с совестью и эпикурейская жизнь, – таково различие между верами» [2, р. 77].

Вопрос психологического пристрастия был важен для Джемса, и он развивает эту идею в статье «Замечания по поводу определения Спенсером духа как соответствия». Основной недостаток теории духа Спенсера Джемс видит в том, что в понятие духа входят лишь явления познания. В дополнение к чисто познавательным суждениям, или суждениям актуального (что вещи существуют), человеческий род имеет огромное количество эмоциональных суждений, суждений идеального. «Дух, каким мы его находим, включает в себя все виды законов – законы логики, фантазии, остроумия, вкуса, этикета, красоты, морали и т.п., а также восприятие факта» [2, р. 45–46].

Отсюда Джемс делает свой основной вывод, что человек вступает в мир не пассивным наблюдателем, а с наличием потребностей и интересов, удовлетворение которых и определяет цель его жизнедеятельности. Причем эти интересы являются априорным элементом сознания, чисто субъективными идеалами, не соответствующими ничему вовне. «Интересы, которые мы привносим с собой и запросто кладем в основание наших доводов, являются той самой мукой, на которой замешано наше духовное тесто... познание не произойдет, если ощущение не объясняет его, не оценивает как более или менее достойное» [2, р. 61].

Рассматривая субъективный интерес в качестве абсолютно нового фактора на сцене жизни, Джемс пытается согласовать этот тезис с положением теории эволюции, что абсолютно нового фактора быть не может. Он допускает, что до своего явного проявления у человека интерес потенциально присутствует в физической среде, где «физические атомы наделены своим собственным сознанием, оценивающим их движения» [2, р. 65]. Говоря об основаниях деятельности человека, Джемс замечает: «Познающий не является простым зеркалом, скользящим по поверхности без твердой опоры под ногами и пассивно созерцающим порядок, который он находит просто существующим. С одной стороны, познающий есть деятель и содействующий фактор истины, тогда как с другой, он регистрирует ту истину, которую помогает создать. Духовные интересы, коль скоро они являются основаниями для действий человека (действий, которые в значительной мере преобразуют мир), помогают делать истину, которую провозглашают» [2, р. 67].

Сам по себе факт признания интересов основной побудительной силой деятельности человека присутствует в философском мышлении со времен Античности. Согласно Джемсу в традиционной гносеологической модели деятельность сознания выступала, прежде всего, как познавательная. Тем самым абсолютизировалось сознание-отражение, обрекая сознание на пассивное созерцание существующего порядка. Джемс, критикуя созерцательность гносеологизма, впадает в другую крайность – абсолютизацию эмоционально-волевой стороны сознания или сознания-отношения.

Первое применение концепции заинтересованного субъекта предпринимается Джемсом к самой философии. Согласно ему, задача философов состоит в более рациональном представлении мира, критерием которого будет «сильное чувство удовлетворения, покоя». Само рациональное представление мира он выводит из некоторой теоретической страсти, присущей человеку. Эта страсть бывает двух видов: страсть к упрощению (генерализация) и страсть к различению (индивидуализация). «Выбор человеком той или иной философии определяется преобладанием в нем той или иной страсти» [3, с. 75]. Однако теоретическая страсть, по Джемсу лишь одна из многих потребностей человека, поэтому на выбор мировоззрения влияет много факторов или активных импульсов, которые «так разнообразны, что философия, отвечающая потребностям Бисмарка, несомненно, не будет годиться для слабонервного поэта» [3, с. 100]. Здесь под философией Джемс понимает ценностную ориентацию личности, в основании которой лежит система устойчивых убеждений, обеспечивающих «чувство удовлетворения, покоя», что равнозначно рациональному представлению мира или философии.

Джемс сетует, что эволюция человека породила количество теоретической активности, превышающее потребности практического поведения. Отсюда теоретическая страсть некоторых людей стала играть ненормально-преобладающую роль, что выражалось в построении «абсолютно-достоверных философских систем». Философы увлеклись «философствованием», поэтому очень немногие люди действительно интересуются философией. Джемс формулирует требование, которому должна отвечать действенная философия: «Для среднего человека очень существенной потребностью является вера, риск, некоторый переход на непосредственную очевидность. Всякое мировоззрение, побуждающее эту потребность, внушающее человеку представление, что он лично помогает создавать и осуществлять истину, в метафизическую реальность которой он охотно верит – всякое такое мировоззрение, наверно, найдет много сторонников» [3, с. 103].

В 80-е годы XIX века Джемс пишет ряд очерков, которые в 1890 г. выходят отдельной книгой под названием «Принципы психологии». Цель всей работы – проследить развитие идеи заинтересованного субъекта, ибо признание значимости интересов в процессе мышления привело Джемса к философским выводам, определяющим идеи поздних работ. Он рассматривает сознание как последовательную смену состояний, образующую единый, непрерывный поток. Главным недостатком предшествующих теорий сознания Джемс считает их пассивно-приспособительный характер, тогда как сознание всегда активно в силу его заинтересованности. Если ранее он называл побудительные силы сознания «априорным элементом», то теперь он конкретизирует это положение. В сознании Джемс различает «парадный ход» и «черный ход». Первый – это

опыт, получаемый от всех пяти органов чувств. Второй – это наследственная психическая структура сознания. Именно здесь коренятся движущие силы активности сознания.

Согласно Джемсу, сознание избирательно выделяет внешние раздражители, идущие «парадным ходом», в соответствии с определенной психической настроенностью. Отсюда само восприятие зависит от набора потребностей, интересов и т.п. «Всякий представляет себе различие между воображением вещи и верой в ее существование, между предположением утверждения и согласием с его истинностью. В случае согласия или веры, объект не просто схватывается сознанием, но и приобретает реальность. Таким образом, вера есть умственное состояние или функция познания реальности. Вера здесь будет означать степень уверенности, включая наиболее возможную определенность и убежденность» [1, vol. 2, p. 283]. В другом месте Джемс утверждает, что вера «есть вид чувствования более чем что-либо связанного с эмоциями», она есть проявление нашей активной природы и к ней подходят такие понятия, как готовность действовать или предрасположенность к действию» [1, vol. 2, p. 287]. Здесь Джемс делает переход от предрасположенности восприятия к предрасположенности действовать. Однако для него это практически одно и то же, так как восприятие это, прежде всего, действие – действие оценки раздражителей, идущих «парадным ходом». В этом смысле предрасположенность восприятия, по сути, является предрасположенностью действовать. От этой психологической установки на восприятие зависит и само существование реальности. Причем реальности не в ее онтологическом значении, которая дана «каждому из нас в порядке столь чуждом нашим субъективным интересам, что мы едва ли можем с помощью самого живого воображения представить себе, какова она в реальности» [3, с.135]. Чтобы обрести реальность, «объект должен не просто появляться, а появляться интересным и значимым. Миры, чьи объекты не интересны и не значимы, мы истолковываем отрицательно и отбрасываем, как нереальные... Реальность означает просто отношение к нашей эмоциональной и активной жизни. Это единственный смысл, который данное слово имеет у практических людей. В этом смысле все, что возбуждает и стимулирует наш интерес, является реальным» [1, vol. 2, p. 295].

Вся реальность, по Джемсу, представляет собой совокупность «под-миров», которые оказываются полем выбора для индивида. «Наиболее важные под-миры, отделяемые друг от друга и признаваемые как существующие своим особым образом, таковы:

- Мир чувств или физических «вещей», как мы инстинктивно понимаем их.
- Мир науки или физических вещей, как мы понимаем их после изучения с вторичными качествами и «силами».

- Мир идеальных отношений или абстрактных истин.
- Мир «идолов рода» – иллюзий и предрассудков, присущих всему роду. Например, движение неба вокруг Земли. Для ряда философов «материя» существует лишь как идол рода.
- Различные сверхъестественные миры: рай и ад христианства, мир индуистской мифологии.
- Различные миры индивидуального мнения, многочисленные, как и люди.
- Миры сумасшедших, также неопределенно многочисленные [1, vol. 2, p. 292–293].

Согласно Джемсу, каждый человек выбирает себе некоторый один из этих миров, веря в него как в мир окончательных реальностей.

Концепцию восприятия реальности, которая фактически оказывается ее деланием, можно представить следующим образом. В основании человеческой природы лежат определенные потребности, и, в первую очередь, это потребности выживания. По мере эволюции человека над этими первичными потребностями надстраиваются вторичные или эстетические потребности, к конкретным формам которых Джемс относит «бескорыстную любовь к познанию, к последовательности в мышлении, верность истине». Весь комплекс потребностей, выступающих для человека в виде интересов, через волю управляет поведением человека в целом и в том числе деятельностью восприятия. Причем в последнем случае воля не требуется, так как интересы играют роль фильтра, который выделяет значимое для субъекта в исходном хаосе чувственного материала. Эмоциональное состояние веры служит условием соответствия выбранного интересам и одновременно является связующим компонентом между теорией и практикой или восприятием и моторным действием.

Джемс подчеркивает тот психологический факт, что оценочная деятельность эмоций не пассивный элемент в жизнедеятельности субъекта, она побуждает его действовать в соответствии с вынесенной оценкой. Причем, чем более значимым оказывается явление, тем выше оценка его истинности, закрепляемая в чувстве уверенности, в правоте своей оценки. При таком подходе истине становится ясным, почему у Джемса познающий выступает «содействующим фактором истины», а интересы «помогают делать истину». Происходит отождествление истинности логических и гносеологических суждений со значимостью оценочных, эмоциональных суждений, а значимость того или иного явления действительно определяется интересами субъекта, взаимодействующего с данным явлением.

Тем самым реальность мира полностью зависит от индивидуальных предпочтений. Подлинно реальным оказывается мир, переведенный на язык оценочных суждений, функционирующих в сознании в форме верований.

Однако встает вопрос реальности мира идеальных образований, например, понятий. Ответ Джемса прост. Коль скоро реальность любого явления зависит от веры в него, а вера является психологическим чувством уверенности и как любое чувство обладает различными степенями, то большая или меньшая степень уверенности является показателем большей или меньшей реальности явления. В случае понятий получается, что они обладают меньшей реальностью, чем ощущения. Поэтому для придания им достаточной реальности их надо свести к каким-либо ощущениям. «Ни в один объект понятия нельзя верить, пока он не имеет для своего понимания постоянного и действительного объекта ощущений. Следовательно, чувственные объекты являются либо нашими реальностями, либо их проверками. Мыслимые объекты должны показать чувственные последствия, либо в них нельзя верить» [1, vol. 2, p. 301]. В другом месте Джемс еще более категоричен: «Только тогда, когда вы выведете для меня возможное ощущение из вашей теории и предоставите его мне тогда и там, когда и где этого требует ваша теория – только тогда я смогу быть уверен, что ваше мышление имеет дело с истиной» [17, vol. 2, p. 7].

Как можно видеть, как Джемс вплотную подошел к тому, чтобы объяснять философские понятия по их практическим результатам. Реальность понятий у него прямо пропорциональна их значимости для заинтересованного субъекта. На это указывает и сам Джемс, когда заявляет, что «ни одно абстрактное понятие не может быть достойным заместителем конкретной реальности, если оно не отвечает какому-нибудь специальному интересу данного лица» [3, с. 79]. Очевидно, что все, предстающее перед человеком – от эмоций и ощущений до понятий и теорий, должно пройти перед судом интересов. Сами же интересы, лежащие в основе реальности в познании, абсолютно лишены всякой объективности, придавая его концепции деятельности сознания субъективистский и волюнтаристический характер.

Постоянно подчеркивая деятельный, активный характер сущности человека, Джемс из четырех возможных типов деятельного отношения – преобразовательная, познавательная, оценочная и коммуникативная деятельности – оставляет первый и последний типы за пределами своего «потока сознания». Вся деятельность человека разворачивается лишь в сфере индивидуального сознания. Однако и к последнему Джемс подходит односторонне. С точки зрения психологии сознание обладает тремя атрибутивными характеристиками:

- познание – акт сознания, проявляющийся в форме отраженных образов;
- отношение – активная сторона сознания, выражающаяся в оценке значимости объекта для субъекта;

– переживание – акт сознания, проявляющийся в форме удовольствия или неудовольствия, возбуждения или успокоения, который является эмоциональным сопровождением двух первых актов.

Отрыв познания от отношения порождает абстракцию «чистого» сознания, являющегося лишь гипостазированием абстрактно взятой функции познания. Отрыв отношения от познания или сведение познания к отношению приводит к абсолютизации оценочной функции сознания. Последнее характерно как для прагматизма в целом, так и для прагматизма Джемса в частности. Специфика прагматизма Джемса состоит в том, что он дает психологическое обоснование утилитарно-оценочной деятельности заинтересованного субъекта, который по своей сути является субъектом частного, ситуативного интереса. Именно такой субъект стал основанием, фундаментом, на котором было воздвигнуто здание прагматизма как философского направления.

Однако в последней четверти XIX века прагматизм еще не вышел за пределы работ Пирса и Джемса, так как идеям и принципам еще не было придано мировоззренческого статуса философской концепции. Пирс в своих статьях касался достаточно частного вопроса психологии исследовательской деятельности «человека лаборатории». Рассматривая психологию сознания вообще, Джемс, с одной стороны, конкретизировал идеи Пирса, развернул психологический аспект последовательного учения о познании, с другой – придал им все более и более всеобъемлющее значение. Однако Джемс в целом оставался в рамках психологического решения. Намеченная Джемсом программа создания нового мировоззрения, которое было бы способно удовлетворить потребности среднего человека в вере, в переходе к непосредственной очевидности, в ранних трудах была реализована в общих чертах и «для себя». За эталон сознания был взят практический интеллект «простого и скромного», а утилитарно-оценочная деятельность такого интеллекта стала рассматриваться в качестве единственно возможной деятельности человека вообще.

Библиографический список

1. James, W. The Principles of Psychology [Text] / W. James. – N.Y., 1890. – Vol. 1, 2.
2. James, W. Collected Essays and Reviews [Text] / W. James. – L., 1920. – 563 p.
3. Джемс, У. Зависимость веры от воли [Текст] / У. Джемс. – СПб., 1904. – 378 с.

ИММОРТОЛОГИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*И.В. Вишев,
Южно-Уральский
государственный университет*

В статье рассматривается политологический аспект иммортологии как науки о бессмертии, имеющей свою историческую традицию, основными вехами которой являются пентология Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» и пьеса К. Чапека «Средство Макропулоса». Кроме того, сюда входят государственные постановления, касающиеся решения проблемы продления жизни, понижения смертности и повышения рождаемости, создание партий и фондов, содействующих увеличению продолжительности жизни людей и межнационального сотрудничества в данной области исследований.

Ключевые слова: иммортология, концепция практического бессмертия человека и его реального воскрешения, политика увеличения продолжительности жизни людей, проблема депопуляции, партия и фонд продления жизни, Китай и проблема развития крионики.

Иммортология как наука о бессмертии, содержание которой раскрывается в контексте концепции достижения практического бессмертия человека и его реального воскрешения, имеет поистине системообразующее значение. Будучи принципиально нетрадиционной, она настоятельно требует такого же нетрадиционного рассмотрения любого другого компонента мировоззренческого и методологического характера, по сути своей и предназначению являясь альтернативой религиозно-мистическим и идеалистическим учениям о трансцендентном посмертном существовании в воображаемом загробном мире.

Ряд крупных блоков проблем был уже освящён с иммортологической точки зрения. Теперь пришло время рассмотреть в настоящей статье политологический аспект иммортологии, хотя естественно, уже не раз приходилось обращаться к рассмотрению такого исходного вопроса темы, как философское основание нетрадиционной постановки и решения проблемы смерти и бессмертия человека. И это, разумеется, не случайно. Если исходить из непрложного характера законов природы, как это делал материализм, из неизбежности старения и смерти, обусловленных этими

законами, то тема бессмертия там заведомо отдавалась в монопольное владение религии, мистике и идеализму, а материализму оставалась призывать к мужественной встрече трагического финала индивидуального бытия и использованию различных приемов утешения и самоутешения. Характерным примером в данном отношении является высказывание одного из известных представителей так называемого «вульгарного» материализма XIX века – Людвига Бюхнера. Он считал: «Не размышление, а лишь упрямство, не наука, а лишь вера могут поддерживать идею личного бессмертия» [1, с. 46].

Казалось бы, неотразим довод, к которому прибегает этот немецкий мыслитель. «Всё живущее, – пишет он, – рождается и умирает и еще ни одно живое существо не составило исключения из этого правила; смерть есть самое верное, на что можно рассчитывать, и неизбежный жребий или конец всего индивидуального бытия: ее руку не удержит ни мольба матери, ни слезы жены, ни отчаяние мужа; она вырывает цветущего ребенка из объятий, охваченной ужасом матери, она отнимает родителей у маленьких детей; она собирает страшные жатвы и непрерывно нагромождает целые гекатомбы уничтоженной жизни, принося горе, заботу и страдания оставшимся в живых» [1, с. 57]. Именно такой была общепринятая точка зрения старого материализма – приверженцев смертнической парадигмы, ибо, действительно, подобного рода исключений не было. Науке, следовательно, в столь мрачном положении вещей отводилось место лишь стороннего наблюдателя, и надо признать – малочетное место.

Но бесконечно мириться с такой ролью философский материализм и наука в целом не хотели и не могли. Первым, кто принципиально иначе сформулировал проблему, был К.Э. Циолковский «Бюхнеровский материализм, – отметил он, – никак нельзя заподозрить в отсутствии честности. Напротив, он рыцарски честен и даже страдает за это отсутствием к нему симпатии. Он только не закончен, также как мой не представляет конца, есть только естественное продолжение Бюхнеровского» [2, с. 13]. Так рождалась новая парадигма – бессмертнического материализма.

Однако, разумеется, слова Циолковского относились не только к взглядам Бюхнера. «Вообще, – считал Циолковский, – материализм остановился на половине дороги в беспомощном и жалком состоянии, так как не дошел до отрадных выводов, о вечной и безначальной жизни всего сущего, всякой частицы живой или мертвой материи он этим оттолкнул от себя всех жаждущих вечности и заставил их искать ее у философов других направлений, где сиял отрадный, хотя и туманный, свет нескончаемой жизни» [3, с. 14].

Однако Циолковский был уверен, что у этой «дороги» есть не только первая, но и вторая ее половина. «Мы, со своей стороны, скажем, – отметил он в это связи, – что естественные науки на верном пути: с их выводами мы

согласны, но они пропели лишь часть своей песенки, и по началу ее нельзя судить о самом конце. Конец же очень хорош и несколько не подтверждает пессимистических выводов» [4, с. 196]. Вместе с тем, Циолковский добавил: «Но, опять повторяю, – современные выводы науки верны, но не закончены... Они подобны песне, первая часть которой говорит о неудачах, несчастьях, а вторая, неизвестная современным умам, все поправляет – неудачи переходят в удачи, а несчастье – в счастье» [4, с. 197]. Но вторая половина этой дороги оказалась далеко не прямолинейной и скорой, поскольку его космическая философия, как представляется, в целом ряде аспектов, например приверженность панпсихизму, является, судя по всему, несостоятельной. Это обстоятельство лишний раз показывает, насколько важна и трудна философская сторона этой проблемы.

Сегодня акцент делается на понимании жизни, как противоречия, которые нужно и можно постоянно поддерживать, чтобы оно продолжало действовать, а значит, продолжалась бы и жизнь; на осмыслении исторического характера законов природы, целенаправленно изменяя условия и действия которых, можно будет заставить их не обрекать людей на старение и смерть, а наоборот, сохранять молодость и бесконечно продолжать жизнь; на понимании живого организма как принципиально открытой системы, позволяющей неограниченно черпать из окружающей среды вещество, энергию и информацию, превратив обмен веществ в их непрерывающийся поток; на признании, согласно Циолковскому, возможности «вечного двигателя» в одном из его видов, например барометра. Он был убежден, что «Все наши моторы, предоставленные самим себе, рано или поздно портятся и перестают работать. Только при участии и наблюдении человека они могут быть вечными» [5, л.1–2]. И действительно, тот же барометр, скажем, из-за ржавчины, поломки какой-то детали или другой причины когда-то остановится, но если его смазать, заменить деталь, то тогда он сможет вечно выполнять свою функцию – измерение изменяющегося атмосферного давления. Такой подход принципиально меняет взгляд и на возможность достижения практического бессмертия.

Нельзя не привести следующие высказывания К. Маркса, имеющие исключительно важное мировоззренческое и методологическое значение научной критики религии, по существу по любому вопросу. «Критика, – особо отметил он, – сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы – не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишённой всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком» [6]. Это высказывание имеет прямое отношение к проблеме личного бессмертия. В самом деле, смерть – это без преувеличения цепи, сковывающие жизнь людей, критика же религиозного верования о посмертном трансцендентном существовании не является самоцелью, а призвана освободить их сознание

от подобного рода иллюзий, чтобы они, став свободными от них, активно включились в реальную борьбу с реальной смертью.

Иммортология уделяет также большое внимание социальным аспектам рассматриваемой проблемы. Она считает достижение практического бессмертия решающим способом устранения всех сложнейших проблем, вызванных старением населения (экономических, нравственных, психологических, политических и др.), сокращением трудоспособного периода человеческой жизни, а также способом предупреждения угрозы недонаселения нашей планеты вследствие опасного изменения демографических тенденций, экономии колоссальных средств, затрачиваемых на становление каждого нового поколения и многих других. При этом естественный рост численности населения нашей планеты и человечества в целом будет продолжаться, но характер его станет принципиально иным, поскольку смерть перестанет уносить людей с их накопленными знаниями и опытом. Это обстоятельство должно стать еще одной мощной движущей силой прогресса.

Особый интерес вызывает иммортологическое рассмотрение нравственно-гуманистических, правовых, ценностных и других аспектов того же рода при рассмотрении этой проблемы. «Дежурными» возражениями против стремления к достижению практического бессмертия стали доводы о «скуке» бессмертия, склонности людей откладывать дела на потом, обретение бессмертия диктаторами, маньяками и другими людьми, опасными для общества и отдельного человека. Однако такого рода соображения убедительно опровергаются тем, что в познании и истории постоянно царит новизна, которая принципиально не может стать скучной, и никто не станет переносить любимое дело, если оно приносит радость, удовлетворение, удовольствие, счастье, или оно обусловлено взаимодействием людей в их общей деятельности, а удачное покушение или смертный приговор может лишить асоциальную личность способности быть практически бессмертным. Здравомыслящий человек в данной ситуации может сделать единственно возможный вывод – ценность способности жить неограниченно долго несоизмеримо ни с чем другим.

И, наконец, существенной частью предмета иммортологии является рассмотрение естественнонаучных и технико-технологических предпосылок решения проблемы достижения реального личного бессмертия и восстановления человеческой жизни. На протяжении последних полутора столетий шёл поиск действенных средств ее продления. Однако настоящий прорыв в этой области произошел на рубеже II-III тысячелетий. Среди важнейших открытий следует отметить расшифровку генома человека, использование регенерации стволовых клеток, успехи крионики, нанотехнологии, синбиологии и ряда других направлений. Однако, по моему убеждению, первое место принадлежит открытию реальной возможности клонирования млекопитающих, а значит, и человека. Оно

способно не только обеспечить организм человека ««запчастями» родными по плоти», биологически не отторжимыми, но и устранить безысходность смерти индивида, повторив его телесное и психическое бытие из такой же, его собственной, клетки, из которой однажды он уже был рожден.

В этой области исследований существует еще немало нерешенных и дискуссионных вопросов, но все они, несомненно, решаемы. Поэтому, как я считаю, введение моратория на клонирование человека, узаконенного Госдумой РФ 10 марта 2010 года, представляется принципиально неоправданным актом. Во-первых, он явно тормозит развитие отечественной науки и обрекает на отставание от других стран, где такие исследования, так или иначе, продолжаются; во-вторых, этот мораторий, будучи как бы временным явлением, на деле оказывается бессрочным, ибо совершенно неоправданно связывается с решением религиозных проблем, т.е., по сути дела, с отказом религии от ее принципиального неприятия такой методики. Подобного рода ревизия религиозных позиций, как известно из истории, нередко требует столетий. Между тем, речь идет в данном случае о самом главном – жизни и смерти.

Вопрос о моратории на клонирование человека особенно наглядно высветил, в конечном счете, политическую подоплеку решение проблемы продления жизни, тем более достижение практического бессмертия человека. Ее политологический аспект стал, как никогда, актуальным и острым.

Следует подчеркнуть, что вопрос о сроках средней продолжительности жизни уже давно оказался в сфере политического внимания. И это не случайно, поскольку продолжительность человеческой жизни, по-своему существу, действительно, является вопросом политическим.

Наиболее ярко и целенаправленно этот вопрос был поставлен знаменитым английским драматургом и писателем Джеймсом Барнабасом Шоу в его пенталогии (пьесе в пяти частях) «Назад к Мафусаилу» около столетия тому назад (1918–1920 гг.), политическая острота которого с тех пор только возрастала. Правда, изначально эта пьеса отличалась существенным недостатком – продолжительностью ее просмотра, на что чаще всего требовалось уделить пять вечеров подряд. Поэтому она заведомо оказалась мало популярной и не смогла оказать должного влияния на общественное мнение.

Между тем, в ней поднимались очень важные вопросы. Одни из главных ее персонажей – братья Конрад и Фрэнклин Барнабас – провозгласили новое Евангелие, в котором, в частности, утверждалось: «Человеческая жизнь должна длиться самое меньшее триста лет» [7, с. 100]. Смысл такой продолжительности жизни заключается в том, чтобы человек имел сто лет учиться, столько же лет управлять, а последние сто лет быть оракулом и пророком. Только при этом условии способности человека могли бы проявиться полностью, принять участие в организации разумного и

достойного существования. Иными словами, данный срок жизни – минимум, который необходим для улучшения человеческого рода. Шоу был убежден, что социальный прогресс невозможен без биологического.

Евангелие братьев Барнабас было призвано быть программой политической партии, а трехсотлетний срок жизни – решающим доводом против своих политических оппонентов. При этом принципиально важно было обеспечить свой приоритет в провозглашении этого лозунга. Его сторонник полагал: «Если мы выдвинем его первыми, общественное мнение прочно отождествит его с нашей партией. Допустим, я вношу в программу требование продлить человеческую жизнь до трехсот лет. Это вынудит Данрина, как лидера соперничающей партии, выступить с возражениями, обозвать меня фантазером и так далее. Тем самым он окажется в положении человека, стремящегося лишить свой народ законных двухсот тридцати лет жизни. Следовательно, унионисты станут партией преждевременной смерти, а мы – партией долголетия» [7, с. 140]. И лозунг, и полемика представляются очень злободневными.

Оппонентом Шоу выступил известный чешский драматург и писатель Карел Чапек, который, правда, в другой связи, ввел понятие «робот». В 1922 году им была опубликована «нормальная» пьеса «Средство Макропулоса», позже она появилась и на экранах телевидения. Пьеса Чапека имела несравненно бóльшую аудиторию, чем «Назад к Мафусаилу», и оказало несравненно большее влияние на общественное мнение, причем сугубо отрицательное. В предисловии к ней он возражал автору «Мафусаила»: «Насколько я понимаю, в возможности жить несколько сот лет г-н Шоу видит идеальное состояние человечества, нечто вроде будущего рая на земле» [8, с. 243]. И так продолжал эту мысль: «наоборот, хотелось сказать людям нечто утешительное, оптимистическое» [8, с. 244]. И в связи с этим Чапек вопрошал: «В самом деле: почему оптимистично утверждать, что жить шестьдесят лет – плохо, а жить триста лет – хорошо? Мне думается, что считать, скажем, шестидесятилетний срок жизни неплохим и достаточно продолжительным – не такой уж злостный пессимизм» [8, с. 244]. Эта точка зрения, судя по всему, понравилась людям больше, и спорить с ней, действительно, очень трудно.

Чапек уловил принципиально важный нюанс, который имеет свой психологический смысл. Казалось бы, с одной стороны, жить триста лет – явно предпочтительнее, чем шестьдесят, однако, с другой – человек понимает, что столько ему не прожить, т.е. он постоянно живет с печальной мыслью об этом, и потому прогоняет ее, так что жизнь в триста лет остается недостижимой и не прельщает его. В то же время большинство людей живет около или чуть больше шестидесяти, так что смерть в этом возрасте воспринимается нормальной и не тревожит человека. Более того, он себя считает удачливее и счастливее, если кто-то, как тот же Чапек, умер раньше него. Иными словами, мысли и чувства, связанные с шестидесятилетним

возрастом, спокойнее и приятнее, чем с трехсотлетним. И все же, по существу, в чем я убежден, Чапек не прав, поскольку жизнь самоценна и потому утратить ее раньше хуже, чем позже, тем более стать практически бессмертным, т.е. сохранить самоценную жизнь на неограниченно долгое время. Главное же заключается в том, что Чапек как бы снимает проблему продления жизни, умаляет значение ее решения и обрекает людей на краткое их существование.

И все же люди, чтобы они по этому поводу не говорили, не могли и не хотели навсегда примириться с чапековской точкой зрения по сути дела, вследствие, ее противоестественности. Поэтому, как только появились мало-мальски обещающие возможности радикального продления жизни и даже достижения реального личного бессмертия, люди, хотя еще далеко не все, загорелись желанием как можно скорее решить эту проблему, и потому критически стали относиться ко всему тому, что тормозит, а тем более препятствует осуществлению этого стремления. Недаром продолжительность жизни превращается в один из важнейших критериев качества жизни и проводимой политики, причем эта проблема рассматривается и решается в общем демографическом контексте.

В этой связи нельзя не коснуться также проблемы депопуляции, которая в нашей стране со значительными размерами ее территории, требующей освоения и защиты, в сложившейся ситуации обретает все более острый характер. Она, разумеется, является не только российской, с ней сталкивались и другие государства и народы. Еще Аристотель в своей «Политике» обсуждал проблему «малолюдства» в древнегреческих государствах-полисах, вызванного падением рождаемости вследствие изменения социального положения и роли женщины в обществе (все более свободный образ жизни женщин и даже определенная их политическая и экономическая гегемонизация, например в Лакедемоне, что стало одной из причин его гибели). Аристотель считал: «...одного вражеского удара государство не могло вынести и погибло именно из-за малолюдства» [9, с. 61]. Подобного рода угроза, как представляется, существует и для современной России, но, естественно, хочется надеяться, что такая возможность не превратится в реальность, и этому будет способствовать, в частности и прежде всего, радикальное продление жизни россиян.

Однако для этого должна проводиться соответствующая политика. Дело в том, что даже для простого воспроизводства населения около половины семей должны иметь по 3–4 детей. Между тем в настоящее время таких семей имеется только 6 процентов (в Западной Европе 12–15 процентов). Введение материнского капитала как раз и призвано стимулировать рост рождаемости, но требуется и принятие других мер. Радикальное продление жизни, должно, кроме всего прочего, затормозить опасный процесс депопуляции, а достижение практического бессмертия – вовсе прекратить его, сочетая этот эффект с естественным ростом населения. Именно в

сочетании этих процессов и наша страна, и планета в целом смогут избежать негативной тенденции к ее недонаселению и преумножить интеллектуальную мощь человечества со всеми вытекающими позитивными последствиями.

Надо признать, что в современных условиях все большее внимание уделяется психологическому состоянию общества, значению и роли в его развитии. В этой связи, говоря о сложившемся положении вещей в нашей стране четверть века тому назад, А.В. Юревич и Д.В.Ушаков особо отметили, что оно, по их словам, «служит очередным опровержением "экономического детерминизма", который был очень характерен для отечественных реформаторов начала 1990-х, убежденных в том, что главное – поднять экономику, а все остальное "приложится"» [10, с. 41]. Вспомним, что именно в это время произошло резкое падение показателей средней продолжительности жизни россиян, особенно мужчин. Эти авторы продолжали: «В последующие годы развития России и опыт других стран убедительно показывают: «Экономический прогресс не сопровождается автоматическим прогрессом социальным, политическим, духовным. Высокий уровень материального благосостояния в обществе часто сопровождается ростом бездуховности, аморализма, нарастанием социальных девиаций. При этом «такие категории, как удовлетворенность жизнью, качество жизни, уровень развития человеческого потенциала, являются многофакторными и не связаны прямой зависимостью с ВВП» [10, с. 41–42]. Изменение ситуации к лучшему, несомненно, должно быть связано, в частности, как раз с существенным ростом средней продолжительности жизни и перспективой достижения реального бессмертия человека.

Отрадным является тот факт, что в самое последнее время проблеме продления жизни и вообще проблемам «третьего возраста» стало уделяться руководством страны специальное внимание. Свидетельством этому может служить заседание президиума Госсовета РФ по вопросам развития системы социальной защиты пожилых людей, которое состоялось в Воронеже 6 августа 2014 года. В своем вступительном слове Президент РФ подчеркнул: «Эта тема крайне важная, очень чувствительная, она касается почти четверти населения нашей страны» [11, с. 2]. Он отметил, что сейчас продолжительность жизни в России составляет, «скромные» по сравнению с некоторыми другими странами, 70,8 года, однако это на 4 года больше чем в 2006 [11, с. 2]. Что касается ближайших перспектив в этой области, то им было сказано: «Сейчас перед нами стоит задача – к 2018 году достичь ожидаемой продолжительности жизни не менее 74 лет, а к 2020 году – 75,7» [11, с. 2]. Под углом зрения темы настоящей статьи особый интерес вызывает следующее его заявление. «К этой работе, – подчеркнул глава государства, – привлекаются структуры гражданского общества, региональные отделения ведущих политических партий» [11, с. 2]. Таким

образом, политический характер данной проблематики оценивается вполне однозначно.

В своем выступлении на том же заседании Госсовета министр здравоохранения В. Скворцова, в частности, обратила внимание на следующий факт: «Демографическая политика государства, реализация социальных проектов, в том числе нацпроекта «Здоровье» и программ модернизации здравоохранения, позволила за последние десять лет снизить смертность более чем на 19 процентов и повысить продолжительность жизни на пять с половиной лет» [12]. Она изложила динамику и перспективы предпринимаемых усилий в этой области, в частности, сообщила о создании федерального центра геронтологии и гериатрии и разработке проекта «Активное долголетие».

Как видно, рассмотрение данного круга вопросов происходит пока только в геронтологическом аспекте, но хочется надеяться, что их рассмотрение в ювенологическом и иммортологическом аспектах – это дело недалекого будущего.

Факторы, которые могут и должны способствовать решению данной задачи, требуют исключительно обстоятельного анализа и осмысления. Хорошим примером для разработки цивилизационной «дорожной» карты развития России может послужить «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)» [13], который был высоко оценен Н.В. Мотрошиловой [14, с. 5–15]. Она, в частности, подчеркнула, что «рассматриваемый «Обзорный доклад» ученых-экспертов АН Китая впечатляет именно тем, что удивительно тщательные, конкретные, в том числе конкретно-исторические, исследования теснейшим образом переплетены с глубоким цивилизационным анализом» [14, с. 6]. В этой связи она как раз особо подчеркивает: «Для нашей страны такая подробная, – но сугубо честная, объективная – карта настоятельно необходима» [14, с. 9]. И добавляет: «Почему хочется обратиться к соответствующим специалистам с, так сказать, социальным и научным заказом – создать подробную цивилизационную карту России и ее регионов» [14, с. 9]. Нельзя не прислушаться к авторитетному мнению Мотрошиловой по данному вопросу.

Другое центральное место в этом документе занимает «модернизация». Мотрошилова отмечает: «"Модернизация" соотнесена в "Обзоре" именно с цивилизационными процессами – от их (теряющегося в глубине истории) "начала" до наших дней» [14, с. 6]. В качестве главных «срезов» модернизации рассматриваются: экономическая, социальная, экологическая, международная и культурная. Такой системный подход является важным достоинством этого китайского документа.

Н.В. Мотрошилова относит Россию к странам «догоняющей модернизации», или иными словами, «догоняющего социального цивилизования» [14, с. 10]. Поэтому нашей стране, как и Китаю, приходится

решать сходные задачи, принимать практически одинаковые вызовы современности. К их числу относятся: «1) повышение качества жизни; 2) использование определенных преимуществ «догоняющего пути» и возможности избежать серьезных ошибок, зигзагов ушедших вперед стран, изучить и применить лучшее в их опыте; 3) в частности, надо по-новому решать (и обязательно придется решать) проблемы урбанизации и миграции сельского населения; 4) акцентировать особое значение – для «цивилизации (модернизации) века знания» – сфер, процессов, многообразных форм и процессов образования, распространения, обновления знаний – снова же не копируя почти рабски (как делают это сейчас в России) весьма противоречивый, во многом неудовлетворительный западноевропейский опыт; 5) то же – относительно систем здравоохранения; 6) необходимо проработать новые аспекты не «социального равенства», как сказано в китайском документе, а социальной справедливости, к которой, добавим мы, население разных стран и регионов сегодня высокочувствительно. Особенно существенны и актуальны, в том числе в России, пункты (8, 9), касающиеся преодоления таких (нетерпимых на современном научно-техническом уровне развития цивилизации и накопления богатств на одном полюсе) феноменов, как «абсолютная нищета» или заведомые ограничения разного рода на пути доступа к знаниям, информации, образованию, культуре» [14, с. 11].

Однако для темы настоящей статьи особое значение имеет как раз первый пункт – «повышение качества жизни». Приходится с удивлением констатировать, что решение данной задачи, как правило, не связывается с проблемой увеличения ее длительности, тем более с достижением реального личного бессмертия. Ничего об этом, к сожалению, не говорится и в китайском документе. Однако на практике Китай, судя по всему, работает над решением этой проблемы. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Китай в числе 34-х стран проголосовал против декларации генеральной Ассамблеи ООН 8 марта 2005 года о запрещении клонирования человека. Еще одним подтверждением стал визит представительной китайской делегации в фирму КривоРус в Москве, пока что единственную на всю Евразию.

В соответствующем сообщении говорится: «С 14 по 16 апреля 2014 года в Москве, приглашенная нашей организацией, находилась делегация китайских ученых и бизнесменов, которые проявили интерес к созданию криофирмы в Китае. Ранее, в октябре 2013 года, директор «КривоРус» Валерия Викторовна Удалова находилась в гостях у китайских крионистов, которые пригласили ее в один из крупнейших криобанков прочитать вводные лекции по крионике. По результатам этого визита между обеими сторонами шла переписка о порядке будущего сотрудничества, китайская сторона выработала и предложила к рассмотрению Соглашение о стратегическом сотрудничестве. Китайских крионистов интересовали,

прежде всего: технология перфузии, устройство криохранилища, устройство и производство дьюаров для хранения криопациентов, бизнес-аспекты организации криофирмы [15]. Побывал с рабочим визитом в Китай и Д.А. Медведев, один из основателей и руководителей фирмы КριοРус. Можно полагать, что этот круг проблем будет решаться китайцами быстрее и успешнее, поскольку они не обременены религиозной догматикой, в отличие от российской ситуации.

Политический характер решения широкого круга вопросов, связанных с пролонгированием индивидуального бытия, наглядно проявила себя в создании политических партий «продления жизни» и международного альянса под тем же названием.

В июле 2012 года сначала в СНГ, а затем в США, Израиле и Нидерландах было объявлено о начале создания политических партий продления жизни. Эти партии нацелены на оказание политической поддержки научно-технической революции, идущей сейчас в сфере продления жизни и обеспечении максимально быстрого и одновременно безболезненного перехода общества на следующий этап своего развития с радикальным увеличением продолжительности человеческой жизни, омоложением и остановкой старения для того, чтобы большинство живущих в настоящее время людей успели воспользоваться достижениями науки и увеличить длительность своей жизни. Такая партия, членом которой стал и автор настоящей статьи, создана и в России [16]. Расширение сферы участия общественности в решении иммертологической проблематики, но особенно переход на государственные основы таких решений могут и должны стать определяющим фактором ускорения и успешности сохранения и преумножения такой самоценности, как человеческая жизнь. Для этого необходима более глубокая осознанность и желательность достижения данной цели и политическая воля государственного руководства, направленной на организацию, финансирование и поощрения усилий в этой трудной и сложной области исследований. Россия, несомненно, и своей историей и вкладом своих ученых вполне заслужила быть правофланговой среди других стран современного мира в борьбе за достижение реального личного бессмертия.

Библиографический список

1. Бюхнер, Л. Сила и материя [Текст] / Л. Бюхнер. – СПб, 1907.
2. Циолковский, К.Э. Причины космоса [Текст] / К.Э. Циолковский. – Калуга: Изд. автора, 1925.
3. Циолковский, К.Э. Этика, или естественные основы нравственности [Текст] / К.Э. Циолковский // Архив АН СССР. – Ф. 555, оп. 2, д. 372.

4. Циолковский, К.Э. Механика в биологии. Подобие организмов и уклонение от него [Текст] / К.Э. Циолковский.– Собр. соч. Т. IV: Естествознание и техника. М.: Наука, 1964.
5. Циолковский, К.Э. Возможен ли вечный двигатель? [Текст] / К.Э. Циолковский // Архив АН СССР. – Ф. 555, оп. 1, д. 344.
6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд. – Т. 1. – С. 414–429.
7. Шоу, Б. Назад к Мафусаилу / Б. Шоу [Текст] // Полное собрание пьес в шести томах. – Т.5.– Л.: Искусство, 1980.
8. Вишев, И.В. На пути к практическому бессмертию [Текст] / И.В. Вишев. – М.: МЗ-Пресс, 2002.
9. Цит. по: Носкова, А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости [Текст] / А.В. Носкова. – Социологические исследования. – 2012. – №8.
10. Юревич, А.В., Ушаков, Д.В., Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981 – 2011 гг. [Текст] // Вопросы психологии. – 2012. – №3.
11. Путин, В.В. Люди третьего возраста [Текст] // Российская газета. – 7 августа 2014. – №176.
12. URL: <http://www.kremlin.ru/news/46397> (дата обращения 20.05.2015).
13. Обзорный доклад 2011 [Текст] // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). – Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. Н.И.Лапин.– М.: Весь мир.– 2011.
14. Мотрошилова, Н.В. Цивилизационный подход в программах модернизационного рывка современного Китая [Текст] / Н.В Мотрошилова // Вопросы философии. – 2012. – №6.
15. URL: <http://transhuman.ru/en/node/1270> (дата обращения 20.05.2015).
16. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Продление_жизни (дата обращения 20.05.2015).

 ЧЕЛОВЕК ТВОРЧЕСКИЙ

УДК 111.1 + 376
ББК Ю66 + Ц33

ОБРАЗ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

*Д. В. Соломко,
Южно-Уральский
государственный университет*

Рассмотрение театрального действия в культурфилософском аспекте связано с использованием ряда подходов: философско-антропологического, искусствоведческого, семиотического, феноменологического, герменевтического и постструктуралистского. Театральное действие рассматривается через призму каждого методологического подхода, в силу чего открывается возможность получить некий образ или снимок, «картину», а не просто схему. Каждое видение – это своеобразное представление феномена театрального действия, в ключе определенного подхода. С позиции полипарадигмального подхода дается многогранное представление о театральном действии, выявляются разные свойства феномена театрального действия как культурной формы и культурного артефакта, где по принципу дополнительности все сводится в одну картину.

Ключевые слова: Культура, культурфилософская рефлексия, театр, театральное действие, целостность жизненного мира человека, дегуманизация, деконструкция, текст, интертекстуальность.

Современное состояние универсума культуры и человека в культуре нередко характеризуют как многомерное и многослойное, предполагающее одновременность существования различных предметных форм, смыслов, концепций, моделей и интерпретаций человеческого бытия. Раздробленность внешнего мира, с одной стороны – объективное явление, объективный результат человеческой творческой деятельности. С другой стороны, человек попадает в своеобразную ситуацию отчуждения, становится заложником созданной им самим многомерности. Идентифицируя себя с этой хаотичной разноликостью, человек зачастую попадает в ситуацию личностной неопределенности, отчуждения и поиска устойчивых культурных форм персональной идентичности.

Как субъект социокультурной деятельности человек должен осваивать и исполнять множество ролей, вступать во множество связей и отношений, в которых его Я всякий раз проявляется как «частичное». Подобное существование свойственно человеку, в особенности современному. Более того, нередко это не осознается, возникает привычка к подобному образу

жизни. Однако потребность в собирании себя рано или поздно возникает. Актуализируется проблема целостного и гармоничного существования, сохранения единства внутреннего мира, экзистенциальная проблема возвращения к самому себе, к своему подлинному Я из множества обособленных сфер бытия, из атомизированного существования.

Ряд форм культуры – миф, религия, философия, искусство – претендуют на то, чтобы выразить с помощью образных и концептуальных средств целостное существование человека и его жизненного мира. Начиная с античности, вся история европейской культуры свидетельствует, что человек всегда стремился к гармонизации, к поиску средств собирания себя, обретения устойчивости в процессе бесконечного становления.

В деле собирания себя человеку необходимо опосредующее звено, которое способно транслировать выработанные ценности, нормы, смыслы, то есть культурную информацию. В ряду таких трансляторов ещё со времён античности своё особое место занимает театр, который способен переводить субъективные состояния индивидуального человека в нечто надындивидуально значащее. Именно в театре синтезируется и собирается в органичное единство множество элементов культуры. В современной культуре театр продолжает выполнять функцию консолидации жизненного мира человека.

Культура в целом, художественная культура, в частности, а значит и театр, выполняют гуманистическую функцию, обладают гуманистическим смыслом и потенциалом, т. к. дают возможность человеку встретиться с собой целостным и уникальным.

Театр является органичной частью культурного пространства, тем местом, где воспроизводится всеобщее отношение человека к миру в целом и универсуму культуры. Эта специфика связана с динамичной природой театральной жизни, постоянным развитием, поиском новых форм, приёмов, выразительных средств и др.

При этом своеобразной константой, сохраняющейся в рамках любых нововведений, остается *театральное действие*, которое, по нашему убеждению, нуждается как в философско-культурологической тематизации, так и в первичной концептуализации. Первичная концептуализация не может не быть опытом осмысления феномена театрального действия в контексте философских парадигм, поскольку в философском дискурсе отсутствует устойчивая традиция обращения к театральному действию. Выбор философских парадигм обусловлен самой спецификой театрального действия, ведь оно представляет собой целостное, многокомпонентное образование, связывающее воедино всех его участников, где все отдельные составляющие находятся в постоянном и непрерывном знаковом взаимодействии. В театральном действии в символической форме представлены реальная жизнь, реальные человеческие взаимоотношения и проблемы: от интимно-личных до общесоциальных.

Рассмотрение театрального действия в культурфилософском аспекте связано с использованием ряда подходов: философско-антропологического, искусствоведческого, семиотического, феноменологического, герменевтического и постструктуралистского. При этом обращение к каждому из них обусловлено потребностью решения конкретных задач, где возможности каждого из этих подходов раскрываются в необходимом объеме.

Используем конкретные идеи, принципы и концепты данных подходов. Например, основные идеи «раннего» и «позднего Гуссерля» [2], идею «герменевтического круга» и герменевтическую концепцию понимания, а так же некоторые идеи Г.-Г. Гадамера [1] и М. Хайдеггера [4]. Из принципов постструктурализма для характеристики театрального действия выделим принципы определения мира как текста и текстуальной природы культуры, а также идею деконструкции. Сразу оговоримся, у нас нет стремления строго соблюдать «букву» этих подходов, использовать всю полноту возможностей перечисленных подходов, строго соблюдать «чистоту» каждого из них в отдельности. Иначе нам пришлось бы использовать, например, их терминологию буквально в том значении и применительно только к тому, что было задано в них изначально, что в значительной мере, по нашему принципиальному убеждению сужает возможности данных подходов при рассмотрении и анализе театрального действия.

При рассмотрении театрального действия через призму каждого методологического подхода, открывается возможность получить некий образ или снимок, «картину», как говорил М. Хайдеггер, не просто схему. И, на наш взгляд, системный подход, который означает, что нужно свести все эти видения в определенным образом организованное целое, здесь не работает. Потому что каждое видение – это своеобразное представление феномена, в ключе определенного подхода. Наша задача с позиции полипарадигмального подхода дать многогранное представление о театральном действии, выявить разные свойства феномена театрального действия как культурной формы и культурного артефакта и по принципу дополнительности свести все это в одну картину.

Театральное действие в качестве феномена художественной культуры может быть представлено как особый объект исследования в философии культуры. При этом множественность и даже конфликт философско-культурологических интерпретаций театрального действия являются не столько недостатком, сколько достоинством понимания, поскольку театральное действие «живёт» в соединении многих смыслов.

Учитывая многообразие театральных жанров, существующих форм театрального действия, а так же специфику жизненного мира современного человека, исследование театрального действия, его философско-культурологические интерпретации имеют перспективу. Она может быть

усмотрена и в философском осмыслении места и роли в панораме современной культурной жизни (в том числе и в России) такого явления как «коммерческий театр» с его стремлением к развлекательным, комедийным формам.

Философско-культурологические интерпретации открывают возможность осознать театральное действие в качестве средства воспроизведения человеческого в человеке, а значит и как способ его открытости культуре и миру вообще. В этом специфическом «открытии» обнаруживается особый гуманистический смысл театрального действия, связанный с основными путями духовного преобразования и гармонизации внутреннего и в целом жизненного мира человека – трансцендированием и экзистированием.

Театральное действие, имея характеристики семиотического пространства – текста или «семиосферы» [3] – не просто транслирует вложенные (режиссёром, актёром и др.) смыслы, но и генерирует новые в деятельностно-коммуникативной ситуации сцены и зрительного зала. Посредством театрального действия зритель способен переосмыслить то, что казалось ему устоявшимся, определившимся в его «горизонте предпониманий». Это новое осмысление человек проецирует затем на реальность своей повседневной жизни, таким образом, действие продолжается уже в последствии. И то, что прежде казалось известным и непосредственно очевидным может предстать совершенно другим – нестабильным, неустойчивым, непонятым. Однако, как бы это не звучало парадоксально, ситуация подобного «непонимания» есть благоприятная среда для человека – начало восстановления или нового конструирования целостности его внутреннего мира.

Феномен театрального действия является многоплановым. С одной стороны, театральное действие можно представить как особую реальность: художественную, знаковую, языковую, символическую. С другой стороны, театральное действие выступает способом подражания действительности и преобразования человеческой жизни специальными средствами театра. И, наконец, театральное действие – синкретичное пространство, в котором активно взаимодействуют компоненты различных языковых систем. Театральное действие есть оптический прибор и специфическое коммуникативное пространство, в котором воспроизводится универсальное отношение человека к миру.

С позиций феноменологической, герменевтической и постструктуралистской философских парадигм театральное действие представляет собой самодостаточный феномен, органично связанный с жизненным миром человека; особое смысловое пространство, обуславливающее множество взаимосвязанных кругов интерпретаций; особую знаковую систему, семиотическое пространство, текст (точнее, интертекст), находящийся в тесной взаимосвязи с другими (не только

театральными) текстами. С позиции постструктуралистской идеи деконструкции театральное действие в современной художественной культуре обладает функцией деконструирования и нового конструирования внутреннего мира человека.

В философии культуры театральное действие может быть представлено как культурная форма в единстве двух аспектов. В структурном аспекте оно есть *единое коммуникативное пространство, обладающее устойчивой структурностью, реализующее и воспроизводящее всеобщее отношение уникального и универсального через взаимодействие сценического и зрительского пространств*; в содержательном аспекте это культурная форма *восстановления и сохранения или нового конструирования внутреннего мира человека*. Театральное действие в качестве культурного артефакта есть *текстуализация его как культурной формы, обладающая феноменальной неповторимостью (вариативностью), осуществляющаяся в сиюминутном и уникальном отношении сценического и зрительского пространств*.

С точки зрения семиотики театральное действие может быть рассмотрено в аспектах синтактики, семантики и прагматики. Знак театрального действия обладает рядом отличительных сущностных характеристик: ситуативность, эмоциональная наполненность, полисемичность, репрезентативность, условность, диалогичность и полилогичность, референциальная иллюзорность, художественность. Театральное действие представляет собой семиосферу, которой присущи основные признаки семиосферы вообще (неоднородность, асинхронность, асимметричность и диалогичность) и ее границы. Театральное действие обладает гуманистическим смыслом, который возникает в результате интерпретации в процессе осуществления сценического действия и восприятия его публикой.

На всех этапах развития европейского театра театральное действие представляется как особая «форма сборки» для человека, однако сам процесс собирания различен (классический этап – собирание как восстановление и сохранение целостности внутреннего мира человека, постнеклассический – собирание как её конструирование). В театральном действии трансцендирование и экзистирование выступают основными путями сохранения целостности внутреннего мира человека. Гуманистическая миссия театрального действия связана с гармонизацией жизненного мира человека. Театральное действие есть пограничная ситуация между преддействием и последствием, попадая в которую человек «расстаётся с самим собой», чтобы прийти к себе другому, совершить экзистенциальный путь от смерти к жизни через катарсис.

Современные формы театрального действия выполняют гуманистическую функцию как через демонстрацию способов собирания человека в его жизненном мире, так и образов деконструирования,

разрушения, абсурдности существования, что косвенно побуждает человека к обретению этой целостности. Театральное действие в современной культуре обладает особым гуманистическим потенциалом, независимо от конкретного способа его реализации.

На сегодняшний день театр продолжает экспериментировать, использовать новые выразительные средства, искать свой новый язык. И может быть, в результате этого поиска театральное действие предстанет в качественно ином виде, приобретет принципиально новые характеристики как культурная форма.

Мир, в котором существует современный человек, настолько многообразен и привлекателен своей множественностью, что это порождает процесс «дробления» персональной идентичности, что и закреплено в основных принципах культуры и философии постмодерна (хаотичность, плюральность, множественность без единства и др.). Однако привлекательность разнообразия, децентрированность может обернуться и бессмысленностью существования, неспособностью определить самого себя для человека. Сохранение целостности есть одна из основных потребностей (осознанных или нет) и реальных жизненных проблем каждого человека. Эту насущную проблему и помогает решать театр.

Библиографический список

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики [Текст] / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 402 с.
2. Гуссерль, Э. Собрание сочинений [Текст] / Эдмунд Гуссерль; Под общ. ред. и со вступ. ст. В. И. Молчанова. – М.: РИГ «Логос»: Гнозис, 1994. – 1041 с.
3. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
4. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии [Текст] / М. Хайдеггер. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.

 ЧЕЛОВЕК ВИРТУАЛЬНЫЙ

УДК 141.32

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СУЩНОСТИ ТЕХНИКИ М. ХАЙДЕГГЕРОМ

Л. М. Григорьева, В.Э. Цейслер

В статье рассматривается экзистенциально-онтологическая концепция техники М. Хайдеггера, обосновывается необходимость онтологического ракурса при рассмотрении философских проблем техники.

Ключевые слова: техника, сущность человека, технэ, постав, добывающее производство, бытие.

Несмотря на все блага, которые техника может принести человеку, она до сих пор остается неосмысленной человечеством настолько, чтобы можно было с уверенностью смотреть в будущее. Наиболее глубокий и сущностный анализ техники был дан крупнейшим мыслителем XX века М. Хайдеггером.

Работ, посвященных проблемам техники у Мартина Хайдеггера немного, но в них представлена попытка анализа самого феномена техники. Среди работ по философии техники особое место занимают работа «Вопрос о технике», в которой он впервые рассматривает проблему техники как онтологическую проблему. Внимание Хайдеггера к проблемам техники обусловлено его вниманием к проблемам бытия. Для него техника – это важнейший способ обнаружения глубинных свойств бытия. Соответственно, развитие техники он связывает со становлением и проявлением высших возможностей бытия. В приходе техники Хайдеггер видит неотвратимый исторический сдвиг. Теперь, считает он, техника становится судьбой человека, т.к. в технике заложен способ конструирования мира и самореализации человека.

В работах Хайдеггера излагается новый подход к технике. Он предоставляет возможность мыслить технику иначе, чем мыслили технику прежде. Хайдеггер занял особую позицию по отношению к традиционному представлению о технике, характерному не только для периода середины XX века, но и для современности. Разговор о технике в работе «Вопрос о технике» начинается с противопоставления позиции Хайдеггера инструментальному подходу к ней. Одним из представителей инструментального подхода тогда был К. Ясперс, имя которого в работе не называется. Для К. Ясперса вопрос о технике является антропологической проблемой, в то время как для Хайдеггера – это проблема онтологическая. Согласно Хайдеггеру концепция К. Ясперса представляет собой серьезное и глубоко продуманное обоснование инструментальной позиции. При этом Хайдеггер уточняет инструментальный подход к технике, разделяемый К. Ясперсом: техника – это средство человеческой деятельности.

Хайдеггер выражает свое несогласие с инструментальным подходом, но не потому, что оно является неверным, а потому что оно является

неполным, т.к. определение техники является недостаточным для характеристики техники. Согласно Хайдеггеру техника есть нечто большее, чем только средство деятельности. Важнейшей задачей, которую ставит перед собой Хайдеггер – дать нетехническое обоснование технике. Он стремится вскрыть природу и сущность техники, а это невозможно сделать в рамках инструментального подхода. Понимание техники только как инструмента не улавливает, согласно Хайдеггеру, самой сути технического, сущности техники. Хайдеггер считает, что понятие техники предполагает более глубокое понимание, чем инструментальное. Инструментальный подход к технике нацеливает на овладение техникой как средством, а всякая попытка управления техникой как средством сама по себе технична. Поэтому инструментальное определение техники Хайдеггер не отбрасывает, а наоборот, рассматривает его как условие раскрытия подлинной сущности техники. Он выступает лишь против понимания техники как нейтрального средства. Хайдеггер утверждает, что не техника есть послушное орудие в руках человека, а, наоборот, сам человек отдан во власть технике, «выдан» ей, «затребован» ею.

Главная опасность по Хайдеггеру заключается в непонимании сущности техники. Ставить вопрос о сущности техники побуждает нас, считает Хайдеггер, именно современная техника. Вопросать о сущности техники, считает Хайдеггер, – это «подготавливать возможность свободного отношения к ней» [1, с. 221]. Пока мы не будем мыслить сущность техники, мы, согласно Хайдеггеру, будем рабски прикованы к ней, лишены свободы. Мы будем не способны ни объяснить современную технику, ни воздействовать на нее для того, чтобы освободиться от ее власти. Для того, чтобы понять сущность техники, по Хайдеггеру, надо проследить за ее становлением, очертить ее современное положение и определить ее перспективу в истории культуры.

Обратимся к этимологии слова «техника». Греческое слово «технэ» – это еще не техника в современном смысле этого слова. Античная техника была связана с искусством ремесленника, считавшимся в Античности чем-то второстепенным. Античная техника еще не связывалась с понятием «артефакт» и не являлась чем-то определяющим в жизни человека, не являлась онтологически значимой сущностью.

Хайдеггер отмечает, что слово «технэ» обозначало не только умение, мастерство, деятельность ремесленника, но также оно обозначало искусство вообще. Слово «технэ» раскрывает не то, что само себя производит, а то, что еще не существует в наличии. Таким образом, технэ относится к про-из-ведению. Вместе с тем, «технэ» раскрывает про-из-водимое, выводит его из потаенности. И, отмечает далее Хайдеггер, в качестве «такого раскрытия, но не в качестве изготовления, технэ и оказывается про-из-ведением» [1, с. 225]. То есть технэ – это один из способов раскрытия потаенного, область, где совершается истина.

Итак, акцент в понятии «технэ» Хайдеггер ставит не на умение что-то делать, изготавливать, а на «обнаружении». Понятие «технэ», по Хайдеггеру, уходит корнями в сферу истины, связано со способом выведения из сокрытости, является одним из видов раскрытия потаенности. Может быть, это относится к особенностям греческой мысли и не распространяется на современную технику? Однако, Хайдеггер, отвечая на вопрос «Что такое современная техника?», констатирует, что она тоже есть раскрытие потаенного, тоже является обнаружением. «Правда, то раскрытие, каким захвачена современная техника, – поясняет Хайдеггер – разворачивается не про-из-ведением в смысле «пойесис». Царящее в современной технике раскрытие потаенного есть производство...» [1, с. 226]. То есть различные исторические этапы в развитии техники различаются способом обнаружения истины. Если раньше обнаружение истины по своему характеру было «выявлением», то теперь оно стало «вытребованием», «затребованием на поверхность». Человек технической эпохи видит перед собой лишь один из способов выведения из сокрытости – путь «затребования». Таким образом, в основе современной технической деятельности Хайдеггер видит уже не стремление к познанию и к обнаружению истины. Человек технической эпохи особым образом втянут в раскрытие потаенности: начиная с Нового времени, науки захвачены истиной вещей, а не истиной бытия.

Техническая эпоха начинается с Нового времени. Именно в Новое время, согласно Хайдеггеру, складывается способ мышления, определяющий судьбу человека. Основу этого способа мышления составляет вера в могущество человеческого разума и в возможность познать истину. Начиная с Нового времени, развитие техники, согласно Хайдеггеру, приобретает уже совсем иной характер. Из поиска истины оно превращается в агрессивное «затребование» природы со всеми ее ресурсами. Во все исторические периоды техника была основана на использовании сил природы. Но только в Новое время природа стала рассматриваться как практически бесконечный источник материалов, сил, энергий. Именно в Новое время человек научился описывать в науке все эти природные феномены и ставить их себе на службу. С этого времени человек захвачен своей властью. Объектом власти становится природа, которая предстает перед человеком в математических описаниях и абстрактных представлениях о ее процессах. Отношение к природе опосредуется приборами, вычислениями и т.д. Место живого переживания занимает деловой технический подход. Отсюда берет начало идея преобразования природы. Подобное мировоззрение и стало причиной того, что человек сам оказался «затребован» техникой.

В современной технике выведение из потаенного носит «характер представления в смысле добывающего производства» [1, с. 227]. Выведение действительности из ее потаенности в процессе добывающего производства

Хайдеггер называет *Gestell* или поставом. В поставе всякая техника рассматривается как функциональный элемент поставляющего производства. «Постав посылает человека на путь раскрытия потаенности способом поставления» [1, с. 233]. Хайдеггер обращает внимание на то, что современная техника захвачена такими видами выведения из потаенности как извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование и т.п. Все, что выходит на свет в процессе добывающего производства, должно быть предоставлено в распоряжение дальнейшего поставляющего производства. Хайдеггер называет это состоянием в наличии. Состояние-в-наличии не противостоит нам как объект и не поступает в распоряжение человека. В технической цивилизации вся природа поставлена на службу добывающему производству. Человек технической эпохи видит перед собой лишь один из способов выведения из сокрытости – путем «затребования». Наряду с природными силами человек сам оказался «затребованным» в это состояние. Человек сам уже готов воспринимать себя как нечто состоящее в наличии. Но, согласно Хайдеггеру, человек никогда не может быть превращен в «состояние-в-наличии», так как раскрытие потаенного не находится в распоряжении человека. Человек участвует в поставляющем производстве как способе раскрытия потаенности, но сама непотаенность не им создана и не находится в его распоряжении.

Хайдеггер считает, что существо техники «покоится в поставе». И человек «будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу постава, все измеряя его мерой» [1, с. 232]. Втянутость человека в непрерывное поставляющее производство толкает человека на риск отказа от своей свободной сущности. Угроза человеку идет, согласно Хайдеггеру, оттого, что человек окажется не в состоянии раскрытия потаенного, раскрытия истины. Это закроет перед человеком другую возможность раскрытия непотаенности. А так как эта возможность связана с принадлежностью самого человека к открытию непотаенности, к открытию истины, человека подстерегает опасность не увидеть и не понять сокрытого, он может проглядеть непотаенное, перетолковать его. Таким образом, от человека может ускользнуть истина. У него может создаться ложное впечатление, что все, что попадает ему на пути, является объектом приложения его могущества, что человек является господином земли, что все, находящееся перед ним, поставлено им, что везде он имеет дело с результатами своей деятельности. Человек все еще пребывает в иллюзии, что техника является средством в его руках. Согласно Хайдеггеру, на самом деле с самим собой, со своим существом сегодня человек нигде не встречается. Человек настолько решительно втянут в постав, что не воспринимает постав как вызов, обращенный к нему. Постав, согласно Хайдеггеру, становится миссией или судьбой человека. И судьба поставила человека, согласно Хайдеггеру на край опасности. Опасность, как считает Хайдеггер, заключается в наступлении эпохи, когда все действительное

приводится к обнаружению в качестве наличного состояния. В системе всеобщей полезности нет уже ничего такого, что имело бы ценность само по себе. Человек отдан во власть технике, заставляющей его наступать на природу [1, с. 228].

С господством постава приходит опасность. Но в опасности постава Хайдеггер видит и спасение. «Человек сбывается только в со-бытии истины как требующейся для него». Здесь человек может увидеть высшее достоинство своего существа и вернуться к нему. Это достоинство в том, чтобы беречь непотаенность, а значит и тайну всякого существа на земле [1, с. 236].

Приход техники Хайдеггером связывается с неотвратимым историческим сдвигом. Без изменения основ современного мышления будущее технической цивилизации Хайдеггеру видится как всеобщий кризис. В докладе «Поворот» (Kehre), прочитанном 1949 году, Хайдеггер считает, что необходим поворот в отношении человека к технике. Философ никогда не находился на позиции враждебного отношения к технике и не вставал на путь ее осуждения. Но он убежден, что высшая опасность угрожает сущности человека и его подлинному бытию, так как, начиная с Нового времени, человек захвачен истиной вещей, а не истиной бытия. Поэтому в современной технической цивилизации человеку угрожает полное «забвение истины бытия», ибо в современном научно-техническом производстве мы имеем дело с отходом от бытия.

Хайдеггер пытается показать, что техника является не чем-то внешним к бытию. В существе техники Хайдеггер видит средство и путь к познанию тайны бытия. «Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент. Мы можем использовать эти приспособления так, как их и нужно использовать, но при этом оставить их в покое как то, что на самом деле не имеет отношения к нашей сущности» [3, с. 109]. Поэтому повлиять на технику в нужном для человека направлении, не меняя само бытие, было бы наивно. «Техника, чье существо есть само бытие, никогда не даст человеку преодолеть себя. Это означало бы, что человек стал господином бытия» [2, с. 253]. Но и без сознательных усилий человека техника не сможет измениться. Необходимым условием осмысленного воздействия на технику, согласно Хайдеггеру является то, что человек должен «открыться существу техники», заново «ощутить широту своего сущностного пространства» [2, с. 254], понять свои высшие ценности. В существе техники Хайдеггер видит средства и путь к познанию тайны бытия.

Сущность человека, согласно Хайдеггеру, в том, что он – мыслящее существо, мышление есть наше самоосуществление, самоконструирование, т.е. самосозидание. Поэтому подлинная жизнь, по Хайдеггеру, состоит в неустанном самосозидании. Но философ считает, что мы теряем нашу

способность мыслить: «Сегодняшний человек спасается бегством от мышления» [3, с. 103]. Как отмечает он далее, есть два вида мышления: вычисляющее и осмысляющее. Осмысляющее мышление есть мышление бытия. «Вычисляющее мышление...не способно подумать о смысле, царящем во все, что есть [3, с. 104]. Конечно, добавляет Хайдеггер, осмысляющее мышление не поможет нам справиться с повседневными делами, оно бесполезно для практической жизни. Но начиная с Нового времени, происходит радикальная революция в мировоззрении. Новое время дало импульс вычисляющему мышлению и превратило отношение к природе из поиска истины в агрессивное затребование природы, человек стал мнить себя господином сущего. Тем самым, согласно Хайдеггеру, человек оказался в ситуации крайней опасности, та как современная техника угрожает сущности человека гораздо больше, чем его существованию. Необходимо изменение основ современного мышления, полагает мыслитель. Человеку необходимо иными глазами взглянуть на значение и смысл техники, на свое место в мире. Поэтому М. Хайдеггер призывает человека к переосмыслению сложившихся представлений о своих связях с миром, переосмыслению своего онтологического статуса.

Вопрос о бытии является делом самого человека. И Хайдеггер считает человека не хозяином, а пастухом бытия, его пастырем. Как пастырь бытия человек слушает зов бытия и ходит за истиной бытия и является хранителем сущности бытия. Свое активное присутствие в бытии человеку необходимо сочетать с тем, чтобы обдуманно оберегать его. Главной задачей человека как пастыря бытия является возвращение к истине бытия.

В своей аргументации Хайдеггер вновь обращается к античному термину технэ, представляющему изначальную сущность техники. Так как термином технэ обозначалось выявление истинного через искусство, а технэ было являющим и выводящим раскрытием потаенности и принадлежало тем самым к пойсису [1, с. 238], то Хайдеггер, не противопоставляя технику искусству, предлагает подумать над поиском для них единой онтологической основы. И уже на базе этой основы, полагает он, нужно попытаться переосмыслить роль и назначение техники. Но «дано ли искусству осуществить эту высшую возможность своего существа среди крайней опасности, никто не в силах знать» [1, с. 238].

Работа Хайдеггера «К вопросу о технике» заканчивается словами: «Чем глубже, однако, задумываемся мы о существе техники, тем таинственнее делается существо искусства» [1, с. 238]. Как соотносятся между собой эти два способа раскрытия непотаенного? Не является ли искусство бытийной альтернативой технике? Эти вопросы остаются открытыми. Философ избегает категоричности. Окончательного ответа на вопрос о сущности техники он не дает, но указывает направление, в котором нужно искать ответ. Согласно Хайдеггеру, человек бытийствует, пока не забывает, что бытие это вопрос. Мыслителя заботят не ответы на вопросы, а постановка

вопросов, поэтому он и пишет, что «вопрошание есть благочестие мысли» [1, с. 238]. Вопрошая бытие, полагает Хайдеггер, можно прийти к истине бытия и существу человека, нельзя только позволять технике проникать в сущность человека и искажать ее.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Вопрос о технике [Текст] / М. Хайдеггер // *Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем.* – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.
2. Хайдеггер, М. Поворот [Текст] / М. Хайдеггер // *Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем.* – М.: Республика, 1993.– С. 253-258.
3. Хайдеггер, М. Отрешенность [Текст] / М. Хайдеггер // *Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова.* – М.: Высшая школа, 1991. – С.102–111.

УДК 141.1 + 141.41
ББК Ю517 + Ю512

МИР WWW: НОВЫЕ ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

*Е.В. Гредновская, А.А. Дыдров,
Южно-Уральский
государственный университет*

В статье рассматриваются современные способы трансляции философского знания. Одним из каналов

трансляции философского знания является Интернет. Философское знание репрезентируется и силами официальных сообществ, профессиональных коллективов в социальных сетях, и силами пользователей-непрофессионалов. Метаморфозы, происходящие с философским знанием, вполне объяснимы с позиций постнеклассической парадигмы и философии второй половины XX в., в частности, Ж. Бодрийера и М. Фуко.

Ключевые слова: трансляция, постнеклассическая парадигма, философское знание, эпистема, постструктурализм.

На современном этапе развития культуры и общества трансляция различных форм знания, в том числе и философского, не может быть задана однозначно. В современном обществе сосуществуют, по крайней мере, три парадигмы, которые складывались исторически: классическая, неклассическая и постнеклассическая [10, с. 142–143]. Позже всех возникла, как известно, постнеклассическая парадигма, формировавшаяся во второй половине XX века. При этом постнеклассическая парадигма не отменяет классическую и неклассическую, в силу чего они сосуществуют, будучи представлены в естественнонаучном и гуманитарном сообществе, в системе образования (где через обучение, воспроизводится, прежде всего, классическая парадигма научного мышления), в медийном пространстве, а также, в частности, в Интернете.

Таким образом, современному состоянию культуры соответствуют все три выделенные парадигмы, формирующие своего рода «межпарадигмальный континуум» постсовременности, в котором существуют помимо этого еще и мифологемы постмодернизма. Более того, философия постмодерна выполняет в современной культуре, как полагают некоторые исследователи, исконно присущие философии функции [3]. В философии постмодерна шлифуются понятийные средства, необходимые для адекватного описания втягивающихся в сферу познания современной культуры неравновесных самоорганизующихся систем. Поэтому конституирующийся в современной культуре новый, нелинейный, способ видения мира нуждается и в новом языке для своего выражения [3]. Кроме того, в 80-е–90-е годы постмодернизм уже создал собственную специфическую традицию социального анализа, которая захватывает все новые и новые сферы научного исследования, все новые и новые научные дисциплины, выступая своего рода «экспортером» идей, настроений, мнений и т. д.

В целом постсовременность может быть охарактеризована следующими чертами: 1) децентрацией, плюрализмом и фрагментарностью культуры (рассеянность и спутанность ценностей), что приводит к нарушению

иерархической организации культуры, равноправному сосуществованию элитарного и массового; 2) вытеснением реальности симулякрами, стирающими различие реального и воображаемого, замыкающимися на копиях без оригиналов; 3) поиском новых форм достижения социальной и культурной идентичности (идеи «культурного номадизма», или культурного кочевничества); 4) неопределенностью, незавершенностью, стиранием пространственных и временных границ, где новизна здесь в той же мере означает движение вперед, сколь и возврат к тому, что было, казалось бы, безвозвратно утрачено модерном, в силу чего неактуальной становится идея непрерывности исторического процесса, а культура приобретает мозаично-цитатный облик, она охотно прибегает к практике сопоставления различных исторических эпох и традиций мышления.

На наш взгляд, методологические основания анализа современных форм трансляции и репрезентации философского знания являются наиболее адекватными современным исследовательским стратегиям. Нам также представляется вполне уместным использовать для предпринятого анализа в качестве некой понятийной сетки теоретический ресурс эпистемологии М. Фуко и радикальной критики современного массового общества Ж. Бодрийера. Мы имеем в виду основные установки работы Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», где Фуко исследуя те исторически изменяющиеся структуры (по его выражению, «исторические априори»), которые определяют условия возможности мнений, теорий или даже наук в каждый исторический период, называет их «эпистемами». Важно то, что Фуко противопоставляя «археологию», вычленяющую эти структуры (эпистемы), историческому знанию кумулятивистского типа, которое описывает те или иные мнения, не выясняя условий их возможности, кладет в основу упорядочивающий принцип внутри каждой эпистемы – это соотношение «слов» и «вещей». Соответственно различию в этом отношении М. Фуко выявляет в европейской культуре нового времени три «эпистемы»: ренессансную (XVI век), классическую (рационализм XVII–XVIII веков) и современную (с конца XVIII – начала XIX века и по настоящее время) [1, с. 12].

Если в ренессансной эпистеме, согласно Фуко, слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ), то в эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно – в «пространстве» представления (слово-образ). В современной же эпистеме слова и вещи уже опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшими за рамки «пространства» представления (слов-знак в системе знаков) [1, с. 12]. Наконец, в новейшей литературе мы видим, как язык, чем дальше, тем больше, замыкается на самом себе, обнаруживает свое самостоятельное бытие, слово-знак, слово, замкнутое на само себя.

Однако с помощью средств информации, согласно идеям Ж. Бодрийяра, неоднократно обращавшемся к философскому наследию М. Фуко, мы уже вступили в мир псевдособытий, псевдоистории, псевдокультуры. И если следовать терминологии Фуко, этот мир также обладает своей эпистемой – «эпистемой постсовременности» в которой фальсифицируются не только события, но само содержание посланий, так как события устраняются, и действительность (вещи) заменяется псевдореальностью (знаками), целиком произведенной, исходя из кода медиума, и имеющей свой ритм жизни, свои цели и функции.

Если бы Ж. Бодрийяр напрямую использовал фукианскую терминологию, можно было бы сказать, что он понимал «эпистему постсовременности» как разрыв между знаком и его объектом, когда знак превращается в самостоятельный объект, который посредством длинного ряда самокопирований полностью отрывается от реальности, которую он призван обозначать и образует виртуальную реальность, не имеющую ничего общего с подлинной реальностью. Личность постепенно теряет свою уникальность, «свое лицо», становясь унифицированным элементом бессмысленного калейдоскопа масок, становится объектом среди объектов [3]. Когда вещи и знаки освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, то они вступают на путь самовоспроизводства [2, с. 64]. Сущее функционирует при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс заключается в том, что такое функционирование ничуть не страдает от этого, напротив, становится все совершеннее.

Итак, в XX в. философское знание транслировалось самыми различными способами, при этом традиционные каналы его трансляции, в общем, известны (печатная продукция, телевидение и др.). В 90-х гг. XX столетия, в прочной связи с ростом популярности персональных компьютеров, возросло значение Всемирной паутины, или, по выражению М. Кастельса, «галактики Интернет». Философия обживает электронный мир, но, являясь сверхсложным образованием с непрочными связями, рассеивается в Сети. Это рассеяние, в частности, выражается многообразием форм репрезентации философского знания. Во Всемирной паутине – сложной структуре семиосферы – философия ретерриториализуется в социальных сетях, блогах, live journals, на различных сайтах.

Одна из трудностей исследования способов репрезентации философского знания в Сети заключается в поиске наиболее устойчивых форм трансляции философии среди богатства и многообразия Интернет-ресурсов. И в данной статье нам хотелось бы сосредоточиться на способах репрезентации философского знания в Интернете, принципиально важных для понимания метаморфоз, происходящих с философским знанием в XXI веке.

Результат обзорного мониторинга репрезентации и трансляции

философского знания в интернет-пространстве (отметим, что мы анализировали только русскоязычные тексты), осуществленного нами в апреле-мае 2015 г., на первый взгляд, вполне согласуется с вышеизложенными установками, сводимым, напомним еще раз, к трем положениям: 1) межпарадигмальный континуум (сосуществование) классической, неклассической и постнеклассической парадигм; 2) парадигмальный статус философского постмодерна, выражающийся в мифологемах постмодернизма; 3) «эпистема постсовременности».

В безграничных пространствах Интернета трансляция философского знания, действительно, реализуется в межпарадигмально-постмодернистском формате. В хаосе разнородных репрезентаций философского знания можно увидеть сравнительно устойчивые способы трансляции, которые мы условно разделили на «нормативные» (основанные на классической парадигме) и «маргинальные» (основанные на неклассической и постнеклассической парадигмах, однако мы полностью исключили из нашего мониторинга «Дно интернета», исследование которого требует совершенно специфичного «интеллектуального дайвинга» и иных задач, не входивших на данный момент в наши научные планы).

Источниками философских сообщений так называемой «нормативной» семиотической зоны являются, во-первых, «Википедия», представляющая собой «свободную общедоступную мультязычную универсальную интернет-энциклопедию», которая пишется и редактируется добровольцами – пользователями всемирной сети Интернет на 276 мировых языках, причем без какой бы то ни было премодерации и соответственно, состоит из 276 языковых разделов. Но при этом «Википедия» – это именно энциклопедия, а не толковый словарь, и не файловый архив, и не место для первичной публикации чьих бы то ни было собственных идей, теорий, исследований, изобретений, личных мнений, оценок чего бы то ни было, искусствоведческой критики, она не имеет интернет-форума, интернет-блоггов и т. д. «Википедия» – это и не социальная сеть. Именно в силу этого равновесия, достигнутого с помощью определенных информационных технологий, и реализуется, на наш взгляд, «нормативное ядро» данного канала трансляции.

Второй канал (он же семотическая зона) представлен учебно-теоретическими порталами; блогами, форумами, сообществами, группами и пабликами философов-профессионалов (как практикующих преподавателей, так и «свободных художников», но обязательно, насколько мы поняли, имеющих философское образование). Это, например, такие философские порталы, как «Философский штурм» (г. Санкт-Петербург), «Новый апокриф» (г. Челябинск), «Симпозион» (г. Самара). «Нормативность» данной группы обусловлена дискурсом и дискурсивными практиками профессиональной деятельности, образующей ее.

То, что мы очень условно обозначили «маргинальной группой» (с целью отразить окраинный, периферийный, ненормативный ее статус репрезентации, который очевиден именно для философов-профессионалов, но отнюдь не для носителя массового сознания) представлено на порталах, реализующих радикальные культурные постмодернистские установки.

В первую очередь сюда можно включить «Луркоморье». Это неформатная, фривольная и юмористическая интернет-энциклопедия на «движке» MediaWiki. Сюда мы также отнесли еще один канал постмодернистской репрезентации философского знания, условно обозначенный нами как «просто о сложном», где размещаются тексты, информация и реклама изданий книг по философии под рубрикой «Философия за 90 минут», в частности, П. Стретерна (Paul Strathern, р. 1940) – автора книг и лекций по философии и математике.

В «варваризированное» философское знание попадает и сайт «Любовь и ненависть», представляющий собой форум-опросник, организованный по дихотомическому признаку, где сложность излияния симпатий и антипатий в отношении философии нивелируется именно организующим ее принципом дихотомии.

В этом же разделе оказывается то, что мы обозначили «практическая» философия, представленная форумами и пабликами, наполненными прагматичными советами «как сдать философию», как прояснить экзаменационный вопрос «Философская герменевтика» и т.п., где советы и рекомендации их авторов выполнены в духе подчеркнутого здравого смысла и практической пользы, исключаяющей напрочь дух «имманенции и трансценденции».

Здесь же оказываются и «Записки Гангстера» с «уматовым чернокожим ведущим», вещающим «просто о сложном». Он «выявляет» скрытую суть глубоких известных литературных произведений, для него лежащую на поверхности, и в которых он обязательно ссылается то на С. Кьеркегора, то на М. Хайдеггера («моего кореша») и т.д.

На пересечении этих двух зон размещен сайт Самарской гуманитарной академии (знакомой нам уже по «Симпозиону») «Философия простых вещей», представляющих собой философствование о перчатке, кирпиче, канцелярской кнопке и т.д., впрочем, вполне возможно – в духе хайдеггеровской «Вещи» [9].

Для полноты картины следует еще указать такие семиотические зоны устойчиво структурированных репрезентаций философского знания, как художественная литература и кинематограф, отраженные в интернет-пространстве. Однако в данной статье мы не ставили цель давать даже самый поверхностный анализ этих способов трансляции, в силу необъятности указанной тематики. Это тема отнюдь не одного исследования.

Но еще одна, крайне любопытная область представленности темы нашего исследования, сфера эклектики, невменяемости, обезличенности и «цитации цитаций», которой мы уделили внимание, – это паутина соцсетей.

Вначале XXI столетия большой популярностью стали пользоваться социальные сети и блоги. Они не только структуры Всемирной паутины, но и, в свою очередь, сложные комплексы знаков, каналы трансляции, посредники информационного обмена, генераторы новых сообщений и пространства репрезентации накопленных человечеством знаний. «ВКонтакте», «Одноклассники», «Твиттер» и т. д. – не только известные слова, но и места времяпрепровождения миллионов людей. То же касается и блогов – интернет-журналов, в которых пользователи пишут на любые интересующие их темы, делятся впечатлениями, публикуют фотографии, аудиозаписи и видеоматериалы.

Если говорить именно о философском знании, то его трансляция зависит от многих факторов. В их числе уровень образованности коммуникантов, цель и задачи самой трансляции, правила, установленные администраторами и др. Пользователь может как процитировать источник (труд того или иного мыслителя), так и намеренно исказить авторскую мысль. Блоггеры или пользователи социальной сети могут вообще не разбираться в какой-либо проблеме, однако это далеко не всегда препятствует выражению заблуждений. Например, в одном из «живых журналов» мы столкнулись с ошибочным употреблением понятия денотации, прочно связанного с философией языка. Автор заметки определил денотацию как утрату словом своего «исходного» значения с последующим возникновением нового смысла. В этом примере не сложно увидеть подмену понятий: автор «живого журнала» называет денотацией семантический процесс, заключающийся в расширении значения слова и увеличении объема понятия. Таким образом, с одной стороны, наблюдается «снижение качества» философского знания, что является закономерным результатом дисперсии философии, ее оседания в недрах интернет-сообществ. С другой стороны, философия как сверхсложная знаковая система всегда имела и имеет связи с «нефилософским», необходимым для ее существования. Любая культура имеет связи, по выражению Ю. М. Лотмана, с «не культурой», с еще не возделанной человеком почвой [4, с. 55].

Итак, «философствование в соцсетях», по результатам осуществленного нами мониторинга, представлено несколькими семиотическими зонами.

Во-первых, интернет-сообществами, прочно связанными с тем или иным учебным заведением (академией, университетом и т. д.), формирующимися и функционирующими при его поддержке. Среди них можно выделить академические философские клубы (например, академический философский клуб Челябинской государственной академии культуры и искусств), философские факультеты (группы философского факультета МГУ, СПбГУ,

КФУ и др.).

Во-вторых, сообществами, участники которых интересуются какими-либо произведениями («Camera lucida», «Так говорил Заратустра» и др.), личностью того или иного мыслителя («Ролан Барт», «Зигмунд Фрейд и другие великие психологи», «Цитатник Фридриха Ницше», «Gilles Deleuze» и др.), философским учением («Конфуцианство», «Марксизм» и т. д.), течением («Экзистенциализм», «Экзистенциализм, феноменология, герменевтика»), направлением («Идеализм», «Философия материализма», «Спекулятивный реализм»). Обозначенные сообщества, конечно, не обладают исключительными правами на трансляцию философского знания. Эти сообщества, если так можно выразиться, являются «флагманами» репрезентации философии и «философского». Как правило, организаторами групп являются аспиранты и преподаватели, но за этими явными способами репрезентации философского знания скрываются иные, менее очевидные.

В-третьих, философия проникает почти всюду, наполняя содержанием «болванки» интернет-культуры – «мемы» и «демотиваторы». «Мемы» и «демотиваторы», как правило, рождаются в результате соединения словесного и иконического, неотделимых друг от друга без ущерба для целого. «Мемы» узнаваемы и оригинальны благодаря репродуцированию портрета (фотографии) той или иной известной личности. Но гигантский и сложный механизм интернет-культуры направлен на воспроизводство иконического в «меме», где изображение теряет прежний «блеск» и тиражируется. Несравнимо большую ценность в «мемах» имеют словесные сообщения. Многие из них являются фальсификатами («Кто ценит жизнь, тот бабу бросил. Сократ»; «Расставашки – всегда пичалька. Сократик»; «Не суди человека по его поступкам, суди по пабликам, на которые он подписан» (при этом на фотографии запечатлено лицо актера, исполнившего роль Конфуция в китайском фильме 2010 г.)).

В связи с созданием и тиражированием фальсификатов ценность «мемов» как трансляторов философского знания снижается. Словесное сообщение «мема», как правило, лаконично. Кроме того, оно находится в тесной связи с современной культурой, в том числе, с молодежным сленгом и жаргонами, но из этого ни в коем случае не следует, что «мем» всегда примитивен. Даже умудренный опытом ученый (в том числе лингвист) может иногда не понять смысл сообщения того или иного «мема», а некоторые «мемы» требуют определенной подготовки читателя, багажа знаний. Так, например, на одном из «мемов» изображен Ф. Ницше (репродукция известной фотографии), надпись же под картинкой гласит: «Был во френдзоне, до того, как ...». Небольшой текст, таким образом, является фрагментом биографии немецкого философа. В тексте говорится о том, что Лу Саломе отвергла предложение Ф. Ницше выйти за него замуж, т.к. возлюбленная философа желала дружеских отношений. Здесь «френдзона» – слово из молодежного лексикона, означающее дисбаланс в

отношениях мужчины и женщины, несет сообщение о женщине, считающей мужчину другом или, имеющей корыстные цели, желание удерживать мужчину около себя. Мужчина, в свою очередь, хочет интимных отношений, брака, совместного быта. Эти сложные отношения между мужчиной и женщиной и обозначаются в текстах обиходно-разговорного стиля англо-американизмом «френдзона».

Философия, как уже говорилось, транслируется в Интернете самыми различными способами. Обозначенные формы трансляции философского знания могут дифференцироваться и в соответствии с их ценностью как источников информации. Естественно, сообщества типов 1 и 2 имеют несравнимо большую ценность. Фальсификация информации здесь скорее исключение, чем правило. Авторы «мемов» и «демотиваторов» нередко умышленно искажают информацию, приписывая тому или иному философу собственные мысли. Трансляция философского знания посредством «мемов» и «демотиваторов», несмотря на ее существенные недостатки, тем не менее, нуждается в исследовании. «Мемы» и «демотиваторы» дискредитированы как проводники философского знания, однако они встраиваются, по выражению Ю. М. Лотмана, в сложные механизмы памяти культуры [5, с. 20], а точнее, сами являются механизмами сохранения памяти. Воспроизводство изображений скульптурных портретов Сократа и Платона, репродуцирование фотографий, на которых запечатлены К. Маркс, З. Фрейд, Ф. Ницше и другие мыслители – функционирование современных феноменов культуры.

В силу того, что Интернет, во-первых, является элементом семиосферы, а во-вторых, представляет собой место взаимодействия различных семиотических образований, он может быть уподоблен территории, разделенной на неравные друг другу семиотические поля, в которых наглядно предстает еще одно из них – заполненное анонимными сообщениями. Масса этих анонимных сообщений разрастается, крайне редко давая прирост нового философского знания. Тем не менее, анонимные сообщения – наиболее точный индикатор настроений современной молодежи, отношения к философии, транслируемой, прежде всего в учебных заведениях.

Исследуя так называемую «маргинальную» зону философского знания в Интернете, мы обнаружили, что она вполне адекватно описывается понятийно-категориальным инструментарием именно постнеклассической философии, в частности, как уже упоминалось выше, идеями М. Фуко и Ж. Бодрийяра. Так, например, Ж. Бодрийяр, анализируя современное искусство, полагал, что в постсовременной культуре происходит столкновение искусства и серийности. Повседневность состоит в серийности, но, изображая предмет, художник наделяет предмет уникальностью, искусство не может ни раствориться в повседневном, ни ухватить повседневное как таковое. [2, с. 140–141]. Поп-арт хочет быть

искусством банального, превращаясь в серийность, а серийность же неразрывна с потреблением. И идеи Ж. Бодрийера о промышленном росте, о повседневности и потреблении, о равенстве и неравенстве в развитых индустриальных (постиндустриальных) обществах подводят его к мыслям о роли «знака» в названных обществах.

Знак – это объект потребления, объект-знак. Он выступает как знак счастья (люди ищут счастья в обладании объектами), или как знак престижа, обладающий различительной ценностью, или, наконец, как знак реальности. Но во всех случаях знак заменяет собой реальность: реальную жизнь, реальные отношения. Объекты вытесняют из жизни человека других людей, а сам он исчезает как субъект, превращаясь в человека-объект, который, подобно вещи, выполняя определенную функцию, фигурирует в межчеловеческих отношениях. Знаковое потребление охватывает всю жизнь людей, начиная от потребления вещей и до потребления среды человеческой жизни, куда входят труд, досуг, культура, социальная сфера, природа. Все названное входит в человеческую жизнь в виде потребляемых знаков, «симулякров», превращая всю ее в симуляцию, в манипуляцию знаками. Знак, «симулякр», как бы помогает человеку овладеть реальностью, но одновременно он уничтожает реальное, заменяя его собой [6]. Но самое существенное в бодрийеровской трактовке знака раскрывается в ходе анализа им «образов» действительности, конструируемых средствами массовой информации (радио, телевидением, газетами), в которых, согласно Бодрийеру, дается даже не «образ» действительности, а ее «знак», нагруженный совсем другими коннотациями, не выражаемыми понятиями «смысла», «истины» и т. д.

Ж. Бодрийер, делая сферу повседневности, потребления отправным пунктом своих размышлений, приходи к выводу, что, являясь новой сферой общественно-производственной рационализации, потребление одновременно предстает как утрата смыслов и игра знаков, как жизнь во вселенной знаков. Отметим, что предметом его рассмотрения выступает исключительно знаковое потребление (а не удовлетворение нужд и потребностей людей), ставшее своего рода кодом, языком общения между людьми [7]. При этом потребление у Ж. Бодрийера распространяется не только на вещи, но и на время, пространство, природу, на все окружение человеческой жизни, на зрительные, звуковые образы, создаваемые средствами массовой информации, на политические, культурные отношения людей и т. д. Таким образом, в гедонистическом мире потребления сам человек становится имманентен объектам-знакам, и все человеческие отношения и идеи превращаются в знаки статусной дифференциации [7].

Важно то, что потребление включает в свою сферу все: не только вещи, но и отношения, историю, природу, даже науку и культуру и, следовательно, философию. И во всех случаях феномены, попавшие в сферу потребления, приобретают свойства потребляемой вещи: они служат

знаками престижа и средствами иерархии, они испытывают на себе цикл моды, короче, они представляют собой, например, не науку, а знак науки, не культуру, а знак культуры и, соответственно, – делаем вывод мы – не философию, а знак философии.

Так Ж. Бодрийяр приводит пример частой в наши дни профессиональной переподготовки и доказывает, что только отчасти она диктуется прогрессом знаний; в ней явственно проступает и другой потребительский аспект: она удовлетворяет потребность быть «в курсе», чтобы достичь успеха в профессиональной деятельности, она подчиняется своеобразным велениям моды в области знаний. Как пишет Ж. Бодрийяр, «ценности науки, техники, квалификации и компетенции отступают перед переподготовкой, то есть перед давлением мобильности, статуса и профиля карьеры» [2].

Та же потребность быть в «курсе», следовать моде в интересах конкуренции, управляет сегодня отношением к культуре. Последняя, в таком случае, «составляет абсолютную противоположность культуре», понятой как наследие мыслей, традиций. Дело не в том, что, став объектом потребления многих, культура приобретает какое-то специфическое содержание, что она «вульгаризируется», а в том, что она становится «эфимерным знаком» и производится, как и все материальные блага, с определенной цикличностью и с заранее предусмотренной целью последующей переработки; произведения культуры подчинены определенной системе «следования, чередования, комбинаторной модуляции, каковой подвержены и длина юбок или телевизионные передачи» [2, с. 135].

Превращение культуры в объект потребления, которое Ж. Бодрийяр показывает на примере поп-арта, где его деятели ставят целью создавать произведения, которые бы могли *интегрироваться в мир объектов потребления* в равной степени можно отнести, на наш взгляд, к состоянию дел в современном философском знании. Ибо «потребительская парадигма» стремясь уничтожить дистанцию между миром искусства, науки, и философии (добавляем мы), с одной стороны, и миром объектов, с другой, низводит их произведения на уровень *объектов потребления*.

Итак, осуществленный нами первоначальный анализ способов репрезентации устойчивых форм трансляции философского знания в Сети, поставил как минимум три принципиальных вопроса методологического характера, требующих своего прояснения. Во-первых, это используемые нами категории «*трансляции*» и «*репрезентации*» философского знания, в отношении которых необходимо ясно определить их смысловое наполнение, коннотационную нагрузку в постсовременном культурном пространстве каждого в отдельности, а также проблемное поле их взаимодействия. Во-вторых, в подобного рода терминологическом прояснении нуждаются и предлагаемые нами понятия «*нормативное ядро*» и «*маргиналии*» в отношении устойчивых форм философского знания в

пространстве интернета (их критерии различия, параметры формирования, специфика и эффекты воздействия каждого в отдельности, особенности сосуществования и т.д.). В-третьих, это необходимость определения *конкретных методологий* дальнейших исследований *эмпирического* материала, которые, в силу существующей нынешней эпистемологической междисциплинарности, должны охватывать самый широкий их спектр: качественных и количественных исследований, семиотических и герменевтических рефлексий, дискурсивных и культурологических аналитических обработок. И в дальнейшей нашей исследовательской деятельности нам хотелось бы сосредоточиться именно на этих обозначенных формах и методах исследования, принципиально важных, подчеркнем это еще раз, для понимания метаморфоз, происходящих с философским знанием в XXI веке.

Библиографический список

1. Автономова, Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» [Текст] // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1997. – 406 с.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
3. Емельянова, М.А. Стратегия искусства по Бодрийяру [Электронный ресурс] // URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/010-08.pdf> (дата обращения 27.05.2015).
4. Лотман, Ю.М. Асимметрия и диалог [Текст] // Статьи по семиотике и топологии культуры [в 3 т.] / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – С. 46-58.
5. Лотман, Ю.М. О семиосфере [Текст] // Статьи по семиотике и топологии культуры [в 3 т.] / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – С. 11-25.
6. Пигулевский, В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму [Электронный ресурс] // URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/2.html> (дата обращения 27.05.2015).
7. Самарская, Е.А. Жан Бодрийяр и его вселенная знаков [Электронный ресурс] / URL: <http://www.novsu.ru/file/987012> (дата обращения 27.05.2015).
8. Фуко, М. Слова и вещи [Электронный ресурс] / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_Slova/ (дата обращения 27.05.2015).
9. Хайдеггер, М. Вещь [Электронный ресурс] / URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/th.html> (дата обращения 27.05.2015).
10. Черникова, И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Известия ТПУ. – 2004. – №4. – С. 142-146.

УДК 141.32 + 128
ББК Ю1 + Ю151

ПОИСК ЦЕЛОСТНОСТИ В ИЛЛЮЗОРНОМ МИРЕ

А. А. Вейс
Южно-Уральский
государственный университет,
ВМИ-201

В статье рассматриваются проблемы «раскола» субъекта, как противоположности его целостности, и появления человека абсурда в результате этого раскола. Описываются различные подходы к восприятию абсурда, выдвигается предположение о наиболее конструктивном способе выбрать гармоничный миру путь, не отрекаясь от абсурда.

Ключевые слова: целостность, абсурд, раскол, смысл жизни, экзистенциализм, самоубийство.

Договоримся о том, что на самом деле мира в привычном повседневном понимании не существует. Существует его описание на разных уровнях

сознания: личности, социума, человечества в целом, а мы хорошо умеем принимать это описание как само собой разумеющееся. Что в такой системе есть «целостность»? Обратимся к терминам кантовской традиции в философии и назовем «целостностью» состояние гармонии между следующими двумя элементами:

1. Трансцендентальное нечто, организовывающее мир из хаоса, то, что мы можем описать, то, о чем мы можем иметь знание. Это и наша социальная маска, и все придуманные нами дуальности, такие как идея и материя, свет и тьма и т.д.

2. Трансцендентное нечто, для которого у нас нет описаний или ощущений, в отношении которого мы можем только чувствовать, что оно существует.

Человек рождается с ощущением существования обоих элементов, но в самом начале его жизни присутствует только второй элемент как бессознательная связь с миром при отсутствии впоследствии приобретаемого «словаря» определений сущностей вещей, также детерминирующего возможное и невозможное в мире. Затем первый элемент начинает развиваться и становится необходимым для существования человека, затмевая второй, порождая чувство неполноты, расщепленности, которое преследует нас на протяжении всей жизни. При столкновении иррациональности и безмолвности мира с жадной ясности, осмысленности и желанием значимости и появляется абсурд [1]. Из-за ощущения этого столкновения, раскола, отсутствия целостности появляется «человек абсурда», наилучшим образом описанный А. Камю.

Альбер Камю – один из крупнейших философов XX века, автор множества работ, получивший имя «Совесть Запада», и ныне остается очень популярным автором, его идеи не теряют актуальности, а философские труды волнуют умы, зачастую влияя на мировоззрение читателя. В эссе «Миф о Сизифе» А. Камю определяет человека абсурда как ощутившего себя чужаком во вселенной, избавленной от наших иллюзий и попыток пролить свет на нее [1], умеющего жить без зова свыше и довольствующегося тем, что у него есть, знающего о поставленных ему пределах. Более того – усугубляющего абсурд, старающегося исчерпать себя до конца, не верящего в глубокий смысл вещей, в вечную жизнь души, понимающего, что действие само по себе бессмысленно [1].

Осознание существования второго элемента и невозможность его освоить, за пределами описания первого трансцендентального элемента, Камю выражает так: «Мы заметим, ... с какой силой природа ... может нас отрицать... мы перестаем понимать этот мир по той простой причине, что на протяжении веков нам были понятны в нем лишь образы и рисунки, которые мы сами же предварительно в него и вложили, однако с некоторых пор нам не хватает больше духу прибегать к этой противоестественной уловке» [1, с. 20]. Справедливости ради следует отметить, что как бы

человеку не хотелось, хозяином природы он не является, его разуму не подвластны законы существования мира, по крайней мере, на сегодняшнем этапе развития науки даже первый элемент объяснен далеко не полностью. Вполне естественно, что когда человек пытается сделать себя главным в системе существующего, подчинить его себе, то *само существующее* «не одобряет» его намерение, отсюда и враждебность, которую провоцирует сам человек. С каждым веком человечество все больше теряет гармонию с природой, все больше хочет переделать мир под себя, поэтому и становится все более ему чужеродным. Это стремление лежит в основе разума, возможно, оттого человечество движется к гибели, хотя, у него есть возможность спастись, и есть тому два пути. Первый путь – уход в сферу духа в эзотерическом его понимании, и мы все дальше от него, второй – виртуализация с помощью технического прогресса. Для обоих вариантов необходимо уменьшать энтропию собственного сознания, что каждому следующему поколению сделать все сложнее и сложнее из-за обилия гипнотического информационного мусора.

Перед увидевшим раскол человеком, вероятно, встанет вопрос о самоубийстве, являющийся главным философским вопросом, по мнению Камю. А стоит ли жизнь труда быть прожитой? После длительных рассуждений Камю приходит к выводу, что самоубийство совершенно бессмысленно, ибо является противоречием бунту.

К похожему выводу приходит Антуан Рокантен, персонаж романа Ж.-П. Сартра «Тошнота». Рокантен пишет в своём дневнике: «Я смутно думал о том, что надо бы покончить счеты с жизнью, чтобы истребить хотя бы одно из этих никчемных существований. Но смерть моя тоже была бы лишней. Лишним был бы мой труп, моя кровь на камнях, среди этих растений ... я был лишним во веки веков» [3, с. 230]. Однако самоубийство лишь более противно Антуану, чем продолжение жизни, в то время как Камю находит намеренное прекращение собственной жизни однозначно более бессмысленным.

Воспримем абсурд как разрыв между духом и миром, не оправдывающим надежд духа. Есть несколько вариантов отношения к этому: доверие, игнорирование, бунт. Не ищущий целостности не живет здесь и сейчас, игнорирует абсурд, затмевая иллюзиями ясность, приписывая миру человеческие черты [4], не пытается исчерпать доступное, чем совершает *неосознанное пассивное самоубийство*, придумывая себе смысл жизни, тем самым ограничивая её. «Жизнь – маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет», – писал, например, К. Кастанеда [2, с. 70]. И Воин Кастанеды доверяет миру, абсурду и даже умудряется использовать его в своих целях, примером чего являются техники сталкинга, описанные Кастанедой как техники постоянного и полного контроля над собой, достигаемого «выслеживанием своих чувств и эмоций» [2].

Человек абсурда же склонен к бунту. Камю тоже приходит к идее предпочтительности отсутствия смысла жизни: «Прежде речь шла о том, чтобы выяснить, должна ли жизнь иметь смысл, чтобы быть прожитой. Сейчас же, наоборот, обнаруживается, что она будет прожита тем лучше, чем полнее в ней будет отсутствовать смысл» [1, с. 64]. Однако он не соглашается с ней, считая, что отпустить одну из сторон противостояния означает от него убежать, а это его совершенно не устраивает. Камю нравится надрыв, получающийся в результате непреодолимой пропасти между субъективным миром человека внутри его сознания и отчасти непознанным, а отчасти непознаваемым миром снаружи. Камю утверждает, что именно бунтом человек подтверждает своё присутствие [1]. Человек абсурда осознает свои пределы, свою ограниченность, но не хочет их признавать, бунтует, желая быть хозяином этого мира и осознавая невозможность этого. «Человеку абсурда свойственно не верить в глубокий смысл вещей» [1, с. 86], – пишет Камю, он настаивает на том, что человек всегда должен поддерживать ироничную дистанцию между изобретенным смыслом жизни и знанием об абсурде, чтобы выдуманный смысл не занял место абсурда. И этот принцип напоминает принцип контролируемой глупости: человек должен знать, что его действия бесполезны, но также должен их продолжать, как если бы этого не знал.

Камю уверен, что целостность недостижима. Все пути ведут в никуда, но разве нельзя выбрать дорогу, дарующую ощущение путешествия туда, где человек был, или же только будет гармоничен и целостен, выбрать, зная, что она никогда не будет пройдена до конца? Сизиф знает, что его труд совершенно бесполезен и бесконечен, но Камю не видит Сизифа несчастным, он считает, что надо представлять себе Сизифа счастливым, каковым делают его сознательность и ясность ума. Человек абсурда – дитя раскола. Дитя отчаявшееся, покончившее с надеждой, выбравшее свой путь, который сложно назвать конструктивным. Вечный бунт бесполезен как для самого бунтующего, так и для окружающего его. Но абсурдностью мира, богатством его проявлений, не вмещающимися в обыденное сознание человека, можно наслаждаться и дышать. Если не делать вид, что мир тебе принадлежит или должен принадлежать, можно почувствовать себя элементом совершенного вселенского джаза.

Так стоит ли жизнь труда быть прожитой? Навязываемая Вавилоном, наполненная ментальным мусором, не дающим увидеть и услышать первозданные пустоту и тишину – нет. Но жизнь, наполненная осознанными действиями, а не пустыми разговорами, жизнь, проживаемая здесь и сейчас, а не вчера или завтра, не ограниченная каким-либо надуманным смыслом, появившимся из-за боязни являющейся основой пустоты – да. Набравшись смелости и взяв в собственные руки ответственность за свою жизнь, человек может выбрать дорогу осознанно. Бесконечную дорогу к недостижимой целостности.

Библиографический список

1. Камю, А. Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение [Текст] / А. Камю. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 317 с.
2. Кастанеда, К. Сказки о силе [Текст] / К. Кастанеда. – М.: София, 2008. – 384 с.
3. Сартр, Ж.-П. Тошнота [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 317с.
4. Река, Е.В. Абсурдность мира и человеческого существования в концепции Альбера Камю [Текст] / Е. В. Река // Молодой ученый. – 2013. – №9. – С. 484–487.

УДК 101.1

НЕОБХОДИМОСТЬ «ЭТИЧНОЙ ЭКОНОМИКИ» В РОССИИ: ВНЕДРЕНИЕ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ «ЭКО-ЭКО»

*А.В. Чадченко,
Южно-Уральский
государственный университет,
ЭиУ-216*

Данная статья посвящена новому экономическому направлению «Эко-Эко» и необходимости его внедрения в России. Направление «Эко-Эко» является решением многих глобальных проблем, его внедрение в экономику позволит избежать экологической катастрофы и взрастить здоровую, крепкую и сильную духом нацию, которая обеспечит светлое будущее нашей стране.

Ключевые слова: экология, современность, проект «Венера», этика, ресурсы.

Современный человек считает себя царем природы и наивно полагает, что планета Земля – это лишь кладовая ресурсов, которые можно черпать бесконечно и без последствий, что является глубочайшим заблуждением. Еще М. Хайдеггер в речи памяти К. Крейцера определил отношение современного человека к природе как к «гигантской бензоколонке» [3], т.к. произошло, согласно мысли философа, «научно-техническое опредмечивание природы» [2, с. 149]. И действительно, на сегодняшний день ресурсы планеты истощены до предела, но люди стараются этого не замечать, и продолжают жить, будто не осознавая всю трагичность ситуации.

В жизни современного человека можно увидеть поразительный парадокс: человек, являясь частью природы, уничтожает ее саму. Нравственный аспект человечества отошел на задний план, люди, в погоне за деньгами, славой, властью и прочими «идеалами» нынешней жизни, готовы уничтожить все на своем пути, и это касается в первую очередь животного и растительного мира. Человек разумный (*homo sapiens*) появился около 200 тысяч лет назад и, для того, чтобы выжить, ел мясные продукты и носил вместо одежды шкуры убитых зверей. Однако люди XXI века, имеющие на своем счету множество различных научных разработок, позволяющих полностью обходиться без меха и мяса, до сих пор продолжают жить как наши пещерные предшественники, изо дня в день уничтожая сотни тысяч животных. Человек носит меховые и кожаные изделия, которые обработаны химией, останавливающей процесс разложения и гниения, и не считает это аморальным. Люди поставили смерть на конвейер, начав опасную борьбу с природой. Скорее всего, только до конца истощив все дары природы, человечество, оглянувшись, однажды увидит лес без зверей и растительности, небо без птиц, океаны и моря без рыб и других морских жителей. Это и станет концом света, о котором мы так много говорим и к которому уверенно идем сами семимильными шагами. Именно поэтому, человечеству не нужно оставаться на уровне пещерных людей, а необходимо как можно скорее найти новые пути развития экономики и общества, позволяющие избежать экологической катастрофы.

В 1995 году появился проект «Венера» (англ. *The Venus Project*) – международная организация, созданная Жаком Фреско вместе с Роксаной Медоуз и занимающаяся реализацией технократического проекта, направленного на достижение мирной, устойчивой, постоянно и стабильно развивающейся глобальной цивилизации, через переход к всемирной ресурсоориентированной экономике, всеобщей автоматизации, внедрению всех последних научных достижений во все области жизни человека и применению научной методологии принятия решений [1]. Главный минус этого проекта – отсутствие конкретики, четкого плана действия, что крайне затрудняет его реализацию. И к российской действительности данный проект не совсем адаптирован. Поэтому инициативные представители патристически и экологически настроенной молодежи России предлагают совершенно новое экономическое направление, которое носит название «Эко-Эко», что означает «Экономика в пользу экологии»¹.

Это направление включает в себя пять частей:

¹ Данная статья представляет собой изложение идеи авторского проекта инициативной группы студенческой молодежи ЮУрГУ с целью привлечения внимания к острым проблемам экологически-нравственного характера, поиск возможностей решения которых и является целью предлагаемого проекта.

1. Национализация промышленности.
2. Развитие науки и техники.
3. Развитие сельского хозяйства и новых отраслей промышленности.
4. Контроль СМИ.
5. Работа с населением.

Национализация промышленности, с точки зрения авторов этого проекта, поможет государству контролировать работу всех промышленных предприятий на территории РФ, что благотворно повлияет на экологию. Ведь именно предоставление промышленных предприятий в частные руки и повлекло за собой такое значительное ухудшение экологии, т.к. каждое частное лицо, как известно, нацелено, в первую очередь на получение прибыли и сокращение издержек, которые осуществляются в первую очередь по такой статье расходов как «Утилизация отходов производства». Именно поэтому вода в озерах и, конечно же, воздух Челябинска и Челябинской области превышает все показатели загрязнения. Если же такие предприятия будут в руках государства, то такого произвола можно будет не допустить.

Нацеленность ученых на развитие экотехники и развитие новых научных направлений, которые в дальнейшем помогут вести промышленность без использования природных ресурсов предполагает улучшение финансирования на развитие научной деятельности и проведение ряда мероприятий:

1. Привлечение молодежи к научной деятельности.
2. Организацию конкурсов на получение грантов на развитие выдвинутых научных проектов.
3. Сокращение оттока ученых за границу.
4. Проведение различных акций и мероприятий по привлечению молодежи к научной деятельности.
5. Проведение Всероссийских конференций и форумов среди школьников, студентов, учителей и преподавателей, заинтересованных научной деятельностью (обеспечение участников жильем, питанием, экскурсионной программой, билетами до места проведения конференции, возможностью сотрудничества с различными НИИ).
6. Организацию различных туристических слетов среди ученых.

Еще один аспект связан с сельским хозяйством. Имея множество земель и различных других возможностей для успешного его ведения, наша страна, тем не менее, в данной проблеме обходит эту отрасль стороной. Но если принять во внимание и эту отрасль, то это принесет большую пользу как экономике страны, так и его народу. Здесь открывается возможность выращивать экологически чистые фрукты и овощи, возрождать заново потерянные культуры и создавать новые, выводить специальные сорта, устойчивые к нашему суровому климату. Также эта часть проекта «Эко-

«Эко» включает в себя создание новых отраслей в промышленности, ориентированных на следующие виды деятельности:

1. Выпуск экологически чистой растительной косметики и бытовой химии, которая бы не тестировалась на животных. Создание своего российского бренда косметических средств и бытовой химии, который бы ничем не уступал иностранным компаниям, таким как Yves Rocher, Oriflame и т.п. На основе проведенных социологических опросов было выяснено, что люди с радостью бы предпочли использовать косметику и бытовую химию российского производства, не тестируемую на животных, наши химики в силах разработать подобную косметическую линию. Косметика российского производителя может быть вполне конкурентноспособной, ведь у нее может быть много плюсов, которых нет у иностранных фирм, а именно: бесплатная доставка по России, точка розничной торговли почти в каждом городе России, низкая цена и одновременно высокое качество, возможность наблюдения за производством, экологически чистое сырье собственного производства, поставка в каждую сеть магазинов розничной торговли.

2. Выпуск вегетарианских продуктов. На основе социологического опросов выяснилось, что большинство респондентов хотели бы стать вегетарианцами, но им очень трудно находить заменители мяса. Если мы будем развивать сельское хозяйство, то сможем запустить производство вегетарианской пищи, что принесет пользу экономике и народу. Люди, которые смогут получать качественную, экологически чистую вегетарианскую продукцию, станут здоровее. Открытие сети магазинов розничной торговли вегетарианской пищей повысит совокупный спрос в десятки раз, а в конечном итоге наш ВВП просто полетит вверх с космической скоростью! Мы получим возможность отказаться от закупки иностранных товаров, что в разы сократит наши расходы.

Усиление контроля над СМИ – это неотъемлемая часть нового направления «Эко-Эко». На сегодняшний день с экранов телевизоров, сайтов Интернета, страниц газет и журналов гражданам нашей страны навязывается западная модель поведения, которая совершенно противоречит нашим российским ценностям. По телевидению открыто ведется пропаганда насилия и безнаказанности за совершенные преступления, что провоцирует молодежь на жестокие поступки по отношению к сверстникам, родителям, животным. Поэтому в рамках проекта хотелось бы реализовать прекращение проекта «Дом-2» на телеканале ТНТ, т.к., на наш взгляд, он является одним из самых аморальных проектов на телевидении разрушающим ценности главного института государства – семьи. Ситуация на телевидении в целом требует серьезных изменений: совсем исчезли с экранов телевизоров передачи для детей (конечно же, появились детские каналы, на которых показывают мультфильмы, но герои их «произведений» демонстрируют не примеры

доброты и, например, патриотизма, а процесс «селфи»); исчезли с телеэкранов фильмы, снятые по произведениям литературных классиков, а т.к. современная молодежь – малочитающая, то экранизации произведений помогли бы вернуть интерес к книгам и т.д.

Каждый из нас замечает, что в современном мире, так или иначе, перевернулись ценности людей. Если раньше добро считалось достойным поступком, то сейчас добро – это проявление душевной слабости, и оно считается позором, российские звезды шоу-бизнеса с телеэкранов открыто заявляют это. С институтом семьи ситуация совсем трагичная: парни и девушки позабыли о том, что такое любовь, в XXI веке «любви нет, есть только секс», а большинство нынешних семей создается по причине незапланированной беременности.

Сейчас работу с населением в основном ведут некоммерческие организации (НКО), а не государство, но ведущую роль должно играть именно государство, а НКО – это лишь хорошее подспорье. В целом же необходимо проводить, на наш взгляд, следующую работу с нашими молодыми соотечественниками, а именно:

1. Проведение лекций и семинаров, открытых уроков на темы: «Любовь, семья и дети», «Родина», «Защита природы», «Вернем патриотизм!», «О России».

2. Поощрение НКО (проведение форумов всероссийских и региональных НКО, туристические слеты НКО для обмена опытом, посещение лекций о льготах для НКО, конкурс на получение грантов).

3. Организация благотворительных концертов художественной самодеятельности.

4. Организация коллективов художественной самодеятельности на каждом предприятии.

5. Трудовое воспитание молодежи (субботники, митинги).

6. Культурное образование молодежи (создание молодежных и детских хоров, танцевальных коллективов, организация конкурсов, творческие туристические слеты).

7. Проведение акций в каждом городе России против наркотиков, курения, употребления алкоголя.

8. Проведение молодежных творческих конкурсов, сориентированных на получение грантов на бесплатное обучение в ведущих ВУЗах страны.

9. Возвращение ценностных ориентиров, таких как семья, патриотизм.

Таким образом, включившись в деятельность, предлагаемую инициаторами нового направления «Эко-Эко», мы сможем не только вырастить здоровую и самую крепкую нацию, но и уберечь всю планету от неминуемой экологической катастрофы.

Библиографический список

1. Фреско, Ж. Будущее и за его пределами [Электронный ресурс] // URL.: http://www.tvpactivism.ru/files/Buduschee_i_za_ego_predelami_Jacque_Fresco.pdf (дата обращения: 12.0.2015).
2. Хайдеггер, М. Исток художественного творения // Исток художественного творения: избранные работы разных лет / М. Хайдеггер. – М.: Академический проект, 2008. – 528 с. – (Философские технологии: философия).
3. Хайдеггер, М. Отрешенность [Электронный ресурс] // URL.: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 30.05.2015).

УДК 94(38)

**ПЕРЕМЕНЫ ГЛАЗАМИ ЭЛЛИНА:
К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ КРИЗИСА
АФИНСКОГО ПОЛИСА IV в. до н.э.**

*Р.А. Кондрашук,
Челябинский государственный университет,
магистрант кафедры всеобщей истории*

Статья посвящена вопросу кризиса полиса, которая, по мнению автора, во многом вытекает из методологической неразберихи и модернизации истории многими антиковедами. Решением подобной проблемы видится нам обращение взора исследователя непосредственно к свидетельствам современников событий, которые дошли до нас в немногочисленных, но разнообразных источниках. Сам кризис следует рассматривать как ментальное понятие, категориальное определение событий, которые сами по себе не могут быть кризисными. Подобными свойствами их наделят сам человек. Задача исследователя определить, как воспринимали исторические процессы их современники, не перенося нынешние понятия кризиса на прошлое и не модернизируя историю. Таким образом, именно мнение самих эллинов должно выйти для нас на первый план в решении проблемы кризиса полиса.

Ключевые слова: античный полис, кризис, восприятие кризиса.

Антропологический поворот, произошедший совсем недавно в исторической науке, позволил нам обратить свой взор на человека и его

оценку окружающей действительности. Подобный переворот, однако, не стал до сих пор всеохватывающим, в истории ещё остаются сюжеты, которые не нашли своего решения, и подобный подход мог бы дать новый импульс в их решении.

Тема кризиса полиса является одной из важнейших в антиковедении. В то же время в историографии до сих пор ведутся споры относительно этого периода в греческой истории. Высказано множество точек зрения относительно этого вопроса. Их можно условно классифицировать на три основных направления: кризис затронул все сферы жизни общества [1], кризис затронул только одну из сфер (экономическую, ментальную, социальную, политическую и т.д.) [2], наконец, есть мнение, что кризиса не было вовсе [3].

На одном и том же, пусть и довольно скудном материале источников исследователи приходят к таким разным, а порой и даже взаимоисключающим выводам. Представляется, что причины подобного разнообразия мнений следует искать, прежде всего, в самом подходе к истории Древней Греции. Ставя проблему кризиса, многие исследователи, не поясняют, что они подразумевают под этим термином. Подобный подход к вопросу приводит нас к дилемме «жука в коробке», сформулированной Л. Витгенштейном, в которой каждый говорящий подразумевает под словом «жук» своё, и разговоры о незримом жуке заменяют в конечном итоге самого жука. Споры относительно периода кризиса полиса ведутся преимущественно об их интерпретации и классификации и не касаются происходивших в то время процессов и их сущности, что уводит нас от самих событий.

Способом решения подобной проблемы может стать использование дуалистического подхода. Другими словами, необходимо чётко разделить сами события и их оценку исследователями, которые часто склонны модернизировать историю, перенося тенденции своей эпохи на прошлое. Однако описание самих событий вовсе не подразумевает под собой пресловутое «писать историю, какой она есть», но может означать попытку проследить основные веяния эпохи и процессы, которые в ней происходили. После этого необходимо рассмотреть, как эти события оценивали современники, как они интерпретировали свершившиеся перемены. Среди памятников того времени до нас дошёл, пусть небольшой, но разнообразный комплекс источников. Нарративные произведения Ксенофонта, философские труды Платона, комедии Аристофана и речи знаменитых ораторов: Лисия и Исократ.

Подходя к вопросу о том, был ли кризис полиса или нет, мы должны, прежде всего, узнать мнение самих эллинов. Однако некоторые учёные используют источники, подстраивая их под свои теории как костыли для априорных построений. В таких концепциях произошедшие события, как

правило, оцениваются с точки зрения самого исследователя и модернизируют историю.

Рассмотрим, например, популярный тезис, о том, что политические права – результат деятельности свободного рынка. На материале афинского полиса такое предположение не находит своего подтверждения. Торговые пошлины, государственные магистратуры по контролю над ценами и неравное налогообложение через институт литургий вряд ли можно назвать элементами свободного рынка. Хотя большинство современных либералов и стремились представить Афины как недемократическое государство. Так, например, Френсис Фукуяма в своём знаменитом труде «Конец истории и последний человек» отказывает Афинам в демократии из-за суда над Сократом, что, по его мнению, свидетельствует о том, что в полисе не было свободы слова [4]. Подобные суждения, однако, опять же, оценивают Античность с современных позиций. Для своего времени этот полис был примером беспрецедентных гражданских и политических свобод, а V-IV века до н.э. в историографии традиционно называют временем радикализации демократии, то есть, расширением права избирать и возможности быть избранным. При этом нужно учитывать, что экономика в это время шла не по пути либерализации, а по пути ужесточения контроля и увеличения вмешательства в дела граждан.

Подход противоположного политического лагеря, в частности, марксизма, кажется также неправомерным. Нет смысла снова останавливаться на этом течении и его критике, об этом подробно и всесторонне написано множество трудов [5]. Цель подобной критики сводится не столько к пресловутому марксизму, сколько направлена против сугубо материалистического подхода. На наш взгляд, он не является универсальным ключом к решению подобных проблем. Найдя некоторые тенденции в новой истории, К. Маркс и Ф. Энгельс экстраполировали их на прошлое, не учитывая, что античность – феномен со своей спецификой и нюансами, не свойственными ни другим временам, ни другим обществам. Материалист видят сущность любого кризиса, а в том числе и полисного, в переменах экономических. Однако, как справедливо было замечено, экономика в Древней Греции в целом не играла такой определяющей роли, как в Новое время. Такого взгляда в отечественной историографии придерживается, например, В.Н. Андреев, в зарубежной – Морис Финли, а в антиковедении подобный взгляд получил название примитивизм.

Хотя в данной статье не ставилась задача отрицать важность материальных и экономических перемен и их первостепенной важности, однако, природа кризиса видится нам как исключительно ментальная. Как писал М. Фуко, «кризис стал своего рода теоретической приправкой, которой потчуют друг друга политики, экономисты, философы и все прочие, для того, чтобы придать хоть какой-то статус настоящему, для анализа которого у них нет иных инструментов» [6]. Французский философ

справедливо отмечает, что не было в западной истории такого периода, когда люди не переживали кризиса и не осознавали тяжести своего положения. Но именно это осознание себя в положении кризиса человеком прошлого, и должно стать для нас в конечном итоге главным предметом исследования, потому как объектом гуманитарных наук должен быть человек. На наш взгляд, лучше всего это выражено у А. Ренд, которая писала, что «только с изучения индивида, а не того рыхлого целого, которое зовется «сообществом людей», должна начинаться любая гуманитарная наука» [7].

Библиографический список

1. См.: Кошеленко, Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики [Текст] / Г.А. Кошеленко // Античная Греция. – М., 1983. – Т. 1. – С. 217–246; Фролов, Э.Д. Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах» [Текст] / Э.Д. Фролов // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сборник памяти А.И. Тюменева. – М., 1963. – С. 204–221; Глускина, Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. [Текст] / Л.М. Глускина. – Л., 1975. – 178 с.; Mosse, C. La fin de la democratie anthenienne. Aspects sociaux et politiques du decline de la cite grecque au IVe siècle avant J.C. [Text] / Mosse, C. – Paris, 1962. – p. 495.
2. См.: Суриков, И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц [Текст] / И.Е. Суриков. – М., 2011.– с. 9–66; Versnel, H. Religion and Democracy [Text] / H. Versnel // AD. – S. 367–387.
3. См.: French A. Economic Conditions in Fourth-Century Athens [Text] // Greece & Rome. Second Series. – Vol. 38. – No. 1 – Apr. – 1991.– pp. 24–40; Ober, J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton [Text] / J. Ober.–1999. – P. 29–31.
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Электронный ресурс] // URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt (дата обращения 10.05.2015).
5. См.: Поппер, К. Р. Нищета историцизма [Электронный ресурс] / К. Р. Поппер // URL: – <http://mreadz.com/new/index.php?id=78783> [дата обращения 10.05.2015]; Мизес, Л. фон Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции [Текст] / Л. Мизес. – М., 2001. – 295 с.
6. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью [Текст] / М. Фуко // Часть 1. – М., 2002. – с. 148.
7. Рэнд, А. Апология капитализма [Электронный ресурс] / А. Рэнд // URL: <http://www.e-reading.link/> (дата обращения 10.05.2015).

УДК 141.2 + 140.91.2

ГЕРАКЛИТ ЭФЕССКИЙ. ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ ЧЕРЕЗПРИЗМУ ДИАЛЕКТИКИ

*Д.Ю. Никишина, С.В. Изергина,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-271*

В работе рассматривается понимание войны выдающегося античного мыслителя Гераклита, сущность диалектического метода и его применение Гераклитом к анализу войны.

Ключевые слова: война-борьба, диалектическое изменение, логос, теория огня, гармония, природа, человек.

Среди великих мыслителей много тех, кто осуждал и проклинал войну. Среди них вы найдете крупнейших представителей интеллектуальной элиты человечества, таких как Аристофан и Платон, Монтень и Паскаль, Руссо и Кант, В. Гюго и Лев Толстой. Однако существует многочисленная группа мыслителей, кто не только защищал, но и благословлял войну. Среди ее апологетов вам попадутся такие имена, как Аристотель, Маккиавелли, Гегель, Прудон, Клаузевиц, Лассаль, Ницше, Мольтке, но исторически первым среди них был древнегреческий философ Гераклит. Именно к философии войны Гераклита мы и обратимся.

В годы греко-персидских войн в городе Эфесе жил философ Гераклит, сын Блосона. Его «акме» (расцвет – возраст около 40 лет) приходится на 69-ю Олимпиаду (504–501 гг. до н. э.). Этот период характеризуется крайней нестабильностью как внешней, так и внутренней обстановки древнегреческого общества. Гераклит видел взлет и падение государств и политических коалиций, смену властных режимов в родном Эфесе, власть тиранов, власть знати и власть народа, благодаря всему происходящему философ осознал изменчивость мира и задался вопросом: «Что это за жизнь,

в которой нет ни мгновения покоя, устойчивости и ясности? Как может быть вечен мир, в котором ничто не вечно?»

По мнению Гераклита, все в мире состоит из огня. Не удивительно, что Гераклит остановился именно на огне как на первовеществе, ведь основная характеристика гераклитовского бытия – его подвижность, и именно огонь – наиболее подвижное, изменчивое из всех наблюдаемых в природе явлений [6, с. 124].

Сохранился фрагмент, в котором он пишет: «Этот космос, один и тот же для всего сущего, не создал никто из богов и никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим». В другом фрагменте он пишет об изменениях этого вечно живого огня: «Все обменивается на огонь и огонь на все, как золото на товары и товары на золото». Те изменения, которые происходят в направлении: земля – вода – воздух – огонь, Гераклит назвал «путем вверх, а те, которые идут в обратном порядке, – путем вниз» [1, с. 203].

По мысли Гераклита, человек – часть природы, которая представляет собой вечно живой огонь, и которая вечна, бессмертна, божественна. Человек должен согласовывать себя с этой природой, с ее живой «душой» – вечно живым огнем-логосом, то есть с ее активной материально-идеальной основой, сущностью, он должен ему следовать. Но хотя логос всеобщ, вечен и все происходит по логосу, большинство не понимает его, люди живут по личному пониманию, и в этом они уподобляются невеждам. Гераклит взялся разъяснить сложившееся положение, поскольку, как он считает, от остальных людей скрыто то, что они делают, подобно тому, как бодрствующим разъясняют их сны, которые они забывают [2, с. 103].

Всякое явление для Гераклита составлено из противоположных начал. Эти противоположности находятся в состоянии борьбы [4, с. 35]. Он провозгласил изменчивость мира, сказав, что в мире все течет, все меняется: в одну реку нельзя войти дважды, потому что та вода, в которую мы входили, уже далеко утекла. Меняемся и мы сами: в детстве мы были не те, что теперь, и в старости будем не те, что теперь. Нет бытия – есть только вечное становление [1, с. 91].

Гераклит создал учение, которое было подобно ионийскому; он, как и представители Милетской школы, искал «архе» – первооснову мира и нашел его в таком виде материи как огонь. По его мнению, огонь, переходя в другие состояния, вновь возвращается к самому себе. Изменения идут двумя путями – нижним и верхним. Распространяясь с верхних своих вместилищ, огонь превращается в воздух, опускаясь ниже, превращается в воду, а вода, падая на землю, впитывается в нее. В свою очередь, земля парит, создавая влагу, которая превращается в тучи и, возвращаясь к исходным вершинам, вновь принимает вид огня. Это два направления движения, но при этом «путь вверх и путь вниз един» [5, с. 98]. Так таинственно звучит эта простая мысль, выраженная во фрагментах

Гераклита. Таким образом, огонь в истолковании Гераклита есть нечто вроде судьбы, которая несет с собой какое-то воздаяние, пусть и не устанавливая космическую справедливость.

Его теория огня не выходит за пределы философских представлений ионийцев, однако на основе их взглядов он формулирует свою диалектическую доктрину взаимодействия явлений и процессов в материальном мире.

Гераклит борьбу трактует предельно диалектически, у него это не просто раздор, это борьба противоположностей, которая, по мнению философа, составляет суть жизненного процесса и является стержнем любого существования. Ключевой концепт диалектики Гераклита – гармония, на которой держится целое, в том смысле, что противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию, и все создается через распрю. Причем одно возникает за счет уничтожения другого и существует как напряженная гармоническая взаимосвязь различных противоположностей. В мире все меняется, но главное, что это не просто перемена, а изменение к противоположному [2, с. 54].

В непререкаемо-жреческом тоне эфесец провозглашает: «Следует знать, что война всеобща, и что правда – борьба, и что все происходит через борьбу и по необходимости» [2, с. 89]. Может показаться, что Гераклит, проповедуя войну, является апологетом всеобщей вражды и раздоров. Но это только на первый взгляд. На деле же он употребляет слово «война» в смысле борьбы вообще, а не только в смысле сражения или битвы [2, с. 95]. Таким образом, Гераклит, бросая вызов общепринятым представлениям о «войне» («борьбе», «вражде») как исключительно разрушительном и губительном явлении, выдвигает тезис, согласно которому «война» – нормальное и вполне оправданное состояние жизни мира в целом.

Возможно, тезис Гераклита «справедливость есть борьба» направлен против Анаксимандра, который, признавал борьбу противоположностей, но рассматривал ее как серию актов несправедливости, совершаемых вещами друг по отношению к другу, как неизбежное «возмездие» за эту несправедливость. По Гераклиту же, борьба присуща природе вещей, она – всеобщий закон их существования, мера всего. Борьба – источник жизни, ее постоянного обновления. Разрушая старое, она создает новое – единство (гармонию) противоположностей, которое есть вместе с тем возобновляющаяся борьба. Борьба вечна, вечна и смена вещей. Процесс постоянного и непрерывного обновления (круговорот всего) – состояние вековое, а сама вековечность (мира-космоса) есть юность, царство юности [2, с. 176].

Война (борьба), о которой говорит Гераклит, – один из его важнейших образов-понятий, смыслообразов. Войну он называет «отцом» и «царем» всего сущего. Такое определение войны сходно с гомеровским представлением о Зевсе как об «отце богов и людей». Надо полагать, что

эфесец использовал это представление для выражения своей идеи войны (борьбы) как всеуправляющем начале. Во всяком случае, со свойственной ему непреложностью и торжественностью он заявляет: «Война – отец всего, царь всего; одних она явила богами, других – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными» [2, с. 154].

Некоторые исследователи (Гигон, Руссос и др.) полагают, что у Гераклита речь идет о войне, во время которой одни воины, погибая на поле боя, тем самым становятся богами, а другие, оставшиеся в живых, так и останутся теми, кем были, – людьми. В свою очередь война делит людей на свободных (победивших) и на рабов (побежденных). Но можно ли с уверенностью сказать, что, по Гераклиту, все погибшие на поле битвы воины становятся богами? Обычная ссылка на героев Гомера и поколение героев Гесиода, как отмечают исследователи, в этом случае не совсем корректна, ибо гомеровские и гесиодовские герои (кстати, далеко не все становившиеся богами после смерти) – полубоги, а во фрагменте Гераклита говорится о простых смертных [2, с. 24]. С уверенностью можно сказать лишь то, что Гераклит высоко оценивал воинскую доблесть и считал особой добродетелью смерть в бою, и не обязательно даже героическую смерть.

Необходимо подчеркнуть, что для Гераклита сама «война», или «борьба», – это и борьба противоположностей и их единство. Чем больше противоположности расходятся, тем больше они сходятся для борьбы, и из этой борьбы возникает «прекраснейшая гармония».

Не смотря на то, что Гераклит говорил о скрытой гармонии «вечного хаоса бурлящих противоположностей», утверждать, что главное у Гераклита – только диалектика противоположностей, – было бы совершенно неверным. Хотя Гераклит и говорил об изменчивости и взаимном переходе явлений, но гораздо чаще все-таки подчеркивал единство, тождество и вечность, лежащие в основе всех изменений и «само не изменяющееся»: «Мало кому приходит в голову та несомненная истина, – отмечает, например, Кессиди, – что безразличная текучесть противоположностей трактуется Гераклитом именно как нетекущий Логос, как бы он ни понимался. «Противоположности существуют в одном и том же», – говорится в изречении Гераклита, учение об изменении и становлении у Гераклита играет не главную роль в его философии, но на первом плане – учение о тождестве и постоянстве [2, с. 37].

Подводя итоги, хотелось бы привести мнение А.Ф. Лосева, который справедливо указывает на выдающийся вклад Гераклита в изучение мироздания человечеством: «В досократике не было философии более глубокой и яркой, чем философия Гераклита, и, вероятно, никто больше Гераклита не понимал трагической и величественной красоты периодически вспыхивающего космоса».

Но Гераклит не осознавал, что его философия являлась началом перехода «от мифоса к логосу». Однако он в своей «скорбной, трагической»

эстетике прозревал то, что мир возник от недостатка, от умаления Огня: «Когда же мир гибнет в мировом пожаре, то первый огонь насыщается, восстанавливается и возвращается к своей полной и бесконечной силе. Это величественно и красиво. И это – мировая трагедия». Так Гераклитов пессимизм оборачивается «беспечальной и наивной бодростью философского самочувствия, с каким-то никогда не убывающим и торжественно-спокойным жизнеутверждением» [3, с. 135]. Ничего из этого не осталось уже у прямых последователей Гераклита: Псевдо-Гиппократ, Кратил и Эпихарм исказили учение Гераклита, подменив его объективную поэзию субъективной прозой, натурализмом, релятивизмом и скептицизмом.

Библиографический список

1. Гаспаров, М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре [Текст] / М. Л. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
2. Кессиди, Ф. Х. Гераклит [Текст] / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
3. Лосев А. Ф. История античной философии [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.; Наука, 1977. – 210 с.
4. Мусский, И. А. 100 великих мыслителей [Текст] / И. А. Мусский. – М.: Вече, 2008. – 437 с.
5. Татаркевич, В. Античная и средневековая философия [Текст] / В. Татаркевич. – Издательство Пермского университета. – 482 с.
6. Асмус, В. Ф. Всё об Античной философии [Текст] / В. Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 1976. – 544 с.

КОНФУЦИЙ: ТВОРЧЕСТВО, ПОСВЯЩЕННОЕ ВОЙНЕ

*Е.В. Понятенко, Д.А. Семенова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-271*

В статье рассматривается учение Конфуция, жившего в эпоху внутренних и внешних, социальных и военных конфликтов. Анализируется отношение древнего мыслителя к данному социальному явлению и его видение решения наболевших вопросов эпохи.

Ключевые слова: учение Конфуция, хаос, всеобщая гармония, противоборство, этика.

Современный мир переживает серьезные и динамичные перемены. Наряду с позитивными процессами по стабилизации миропорядка возникли серьезные вызовы и угрозы миру, также возникли новые точки конфликтов и новые региональные войны. На сегодняшний день трудно предсказать и спрогнозировать со стопроцентной точностью, в каком направлении пойдет человечество дальше: по пути постоянных конфликтов и войн, или же на Земле наступит время без кровопролитий. Но человечество издревле интересовала идея войны. И в данной статье мы обратимся к древней истории и рассмотрим, что думал о войне философ древности – Конфуций.

С самого начала развития человеческой цивилизации взгляды и учение о мире формировались с точки зрения разрешения ключевого вопроса – отношения к войнам и возможности их ведения. Осознавая факт роли войны в судьбах людей, народы Древнего мира обожествляли их силу. В религии даже самых цивилизованных культур того времени – Древней Греции и Древнего Рима имелись боги войны: Арей – у греков и Марс – у римлян. Их почитали и с ними считались.

Из известных сегодня материалов рассматриваемого вопроса древнейшие исследования относятся к VII–VI вв. до н. э. Все мы знаем, что конфликт лежит в основе построения философской системы Китая, в которой провозглашается постоянное противоборство присущих материи

положительных (ян) и отрицательных (инь) сторон, приводящее, в свою очередь, к конфронтации их носителей. Но гораздо раньше – в древнейших законах хеттского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) содержатся уже десятки способов разрешения конфликтных ситуаций.

Великий китайский философ Конфуций в своих высказываниях и поэтических одах выражал глубокую озабоченность войнами. В те времена, когда жил Конфуций, Китай был раздроблен на множество крупных и мелких княжеств, которые враждовали между собой. От войн страдали и знатные люди, и бедняки [9, с. 78]. Во многих высказываниях великого китайского философа мир ассоциируется с благородством людей, красотой природы, мудростью правителей. В мирной жизни Конфуций видел истину, напротив, война воспринималась как трагедия и бедствие, стихия, противоестественная жизни человека. Ужасы и боль войны Конфуций образно показал на примере походов на Китай северных варваров – гуннов, обитавших, в частности, в IV–III вв. до н.э. у северо-западных границ Китая. Именно для защиты от гуннов в III в. до н.э. императором Цинь Ши Хуанди была начата постройка Великой Китайской стены.

В своих одах «О походах на гуннов», «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов», «В ожидании мужа, ушедшего в поход» Конфуций образно показывает весь ужас войн для простого человека, для семьи, для человечества в целом. При этом он считает ужасными для людей как захватнические, так и оборонительные войны. В частности, в оде «О походах на гуннов» Конфуций раскрывает обреченность жизни людей во время войны:

«Собирали мы папоротник по лесам,
И ростки его чуть поднимались тогда,
А когда нам прикажут идти по домам,
Дней в году завершится уже черед.
Ни семьи и ни дома нет больше... Беда –
Это гуннская вторглась орда» [7, с. 246].

В другой своей оде «О походе воеводы Нань Чжуна против гуннов» великий китайский философ ярко показывает разрушительное начало войны, противопоставляет беспокойную жизнь людей во время войны гармонии, царящей в природе. С помощью сравнения он еще больше подчеркивает безобразие и некрасивость войн:

«Когда выступали мы в этот поход.
Цвело еще просо в полях, колосясь,
А ныне, когда мы уходим домой, –
Снег падает хлопьями в липкую грязь» [7, с. 247].

Собственные взгляды Конфуция на войну были изложены в книге «Беседы и суждения» («Лунь юй»), которая была опубликована учениками и последователями на основании его высказываний и поучений. Конфуций является создателем оригинального этико-политического учения, некоторые

положения которого не утратили своего значения и в наши дни.

На вопрос о том, как нужно управлять людьми и как заставить простолюдинов повиноваться, не прибегая к применению военной силы, Конфуций отвечает: «Если наставлять людей с помощью законоположений, если ограничивать и сдерживать их с помощью наказаний и казней, то хотя они не будут совершать преступлений, но в сердцах своих не будут испытывать отвращения к дурным поступкам. Если же наставлять людей с помощью нравственных требований и установить правило поведения сообразно нормам общественной жизни, то люди не только будут стыдиться плохих дел, но и искренне возвратятся на праведный путь» [8, с. 189].

Конфуций считает, что два самых важных шага, которые должен принимать правитель по отношению к своим подданным – это кормление и воспитание народа. Если он будет использовать своё время на войны, то народ не будет пахать землю, бросает ремёсла, да и просто уходит в другие царства. И Конфуцию подчеркивает: «В государствах, где царит хаос, люди не живут». А там где нет народа - нет мира и процветания [8, с. 176].

Итогом же стало то, что постепенно, в течение многих веков учения Конфуция проникли в сердца всех китайцев. Они стали основой для законов, своего рода примитивной юриспруденцией, продиктованной мастером для всех китайцев, пользующимися ею на протяжении тысячелетий для принятия решений по судебным и военным делам. Некоторые императоры увидели преимущества его учений и приняли их за руководство к деятельности правительства, и они все чаще обращаются к поддержке конфуцианских экспертов, приглашая их на ответственные должности. Так, в 605 году во время правления династии Суй, император решил, что любой человек, кто стремится к должности в правительстве, должен сдать экзамен, основанный на классических текстах, начиная с учений Конфуция. Не только на должность учителя, на любую должность в имперской администрации, кандидаты должны были сдать императорский экзамен.

Ученики Конфуция были озабочены тем, как обуздать распри в обществе и привести общественную и частную жизнь людей в состояние гармонии. Они подчеркивали основополагающее значение древности для гармонической жизни общества: господства справедливости, отсутствия междоусобных войн, притеснения большинством меньшинства, разбоя.

Высказывания Конфуция учат людей терпимому и доброму отношению друг к другу, в них заложено стремление к всеобщей гармонии. Правитель, начальник, воспитатель, по мнению Конфуция, должен показывать подчиненным и воспитанникам образец поведения. На вопрос правителя: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» мудрец ответил: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа подобна ветру. Мораль

простолюдина подобна траве. Трава клонится туда, куда дует ветер» [8, с. 190].

На сегодняшний день, когда на Планете непрерывно обостряются различные конфликты и кризисы, в учении конфуцианства нуждается не только Китай, но и весь мир. К такому единому мнению пришли ученые из многих стран и регионов, собравшиеся в родном городе древнекитайского мудреца Конфуция Цюйфу, находящемся в Восточный Китае, для участия во Всемирном конгрессе конфуцианства.

Библиографический список

1. Алексеев, В.М. Китайская литература [Текст] / В.М. Алексеев. – М.: «Наука», 1978.
2. Алексеев, В.М. Наука о Китае [Текст] / В.М. Алексеев. – М.: «Наука», 1982.
3. Головачева, Л.И. Беседы и суждения Конфуция [Текст] / Л.И. Головачева // Рубеж. –1992. – № 1.
4. Кривцов, В.А. / В.А. Кривцов; (пер.) Лунь юй [Текст] // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, Т. 1, 1972.
5. Маслов, А.А. Укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз в Китае [Текст] / А.А. Маслов. – М.: «Алетейя», 2003.
6. Маслов, А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы [Текст] / А.А. Маслов. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2005.
7. Переломов, Л.С. Конфуций. Лунь юй [Текст] / Л.С. Переломов. – М.: «Восточная литература», 1998.– С. 246 –247.
8. Попов, П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц [Текст] / П.С. Попов. Перевод с китайского с комментариями. – СПб, 1910.– С. 186–190.
9. Попов, П.С. Китайский философ Мэн-цзы [Текст] / П.С. Попов. Перевод с китайского, снабженный примечаниями. – СПб, 1904. – С. 78.
10. Конфликтология как наука [Электронный ресурс] // URL: <http://conflictology.ru/>.
11. Сыма, Цянь. Ши цзи (Исторические записки) [Текст] / Цянь Сыма. – Шанхай, 1993.
12. Цзочжуань чушу («Хроники Цзо с комментариями») [Текст]. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1998.
13. Цзочуань чу шу («Хроники Цзо с комментариями») [Текст]. – Шанхай, 1998.
14. Чжу, Си. Сы шу чжан цзюй цзичжу («Четверокнижие» с собранием комментариев Чжу Си) [Текст] / Си Чжу. – Т. 2. Пекин, 1989.

МЫСЛИ О ВОЙНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. МАКИАВЕЛИ

*А.В. Мякишева, А.Е. Сухих,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-271*

В предлагаемой работе исследуется феномен войны в работах итальянского мыслителя Н. Макиавелли. Обозначаются направления, по которым рассматривается данный феномен, анализируются трактаты мыслителя в контексте XV-XVI веков и современной истории. Анализируются позиции оппонентов Макиавелли.

Ключевые слова: философия войны, государь, Н. Макиавелли, Фридрих Великий, Савонарола.

За всю историю своего существования человечество не придумало новых способов отстаивания своих интересов, с каждым периодом изменяя, усложняя, доводя до чудовищного цинизма методы ведения войны: кажущееся сейчас примитивным холодное оружие, огнестрельное оружие, оружие массового поражения, бактериологическое, психотропное, а теперь и информационное. Неистощимая научная фантазия его создателей становится частью той страшной машины, которая приводится в действие неким идеологом, возможно, таким, как Николло Макиавелли.

Никколо Макиавелли родился в 1469 году близ Флоренции в семье адвоката Бернардо Макиавелли. Мальчик получил прекрасное образование, живо интересовался трудами древнегреческих и древнеримских философов. Макиавелли жил в беспокойную эпоху: постоянно менялись военно-политические союзы, наемники переходили от одного хозяина к другому, власть нового правителя порой не способна была просуществовать больше двух недель. В течение года Макиавелли находился на службе у Чезаре Борджиа, который оказал на него сильное влияние. Философ, наблюдавший безуспешные попытки многих военачальников захватить власть, был поражен жесткими, но эффективными методами Борджиа.

Макиавелли был восхищен умением Борджиа управлять при помощи жестоких методов, не вызывая при этом людского гнева. Философ писал: «...тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, устранять людей, которые могут или должны повредить; являть суровость и

милость, великодушие и щедрость и, наконец, вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они с учтивостью оказывали услуги либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога» [4, с. 15].

Время, проведенное Макиавелли рядом с Борджиа и Лоренцо Медичи, вдохновило первого на создание трактата «Государь», описывающего методологию захвата власти, методы правления и умения, необходимые для идеального правителя. Захват власти в те времена был непременно связан с войной. Если не с теми, кто не согласен уступить власть, так с теми, кто против установления новой власти.

Никколо Макиавелли по своей сути больше теоретик, чем практик, но теоретик блестящий. Все его умозаключения опираются на конкретные исторические события, причем не на одно случайно выбранное, а на несколько имеющих нечто общее. Наблюдая за Борджиа и Медичи, Макиавелли выводил закономерности, анализировал просчеты или наоборот удачные действия обоих. Так рождалась его философия войны.

Квинтэссенцией всех его наблюдений стал труд «Государь», в котором даны советы желающим добиться власти и упрочить ее. В одной из глав (XII) Макиавелли касается вопроса структуры войска и целесообразности наемных солдат: хорошее войско, по его мнению, – половина успеха. Но как собрать под своим знаменем большое количество людей, как убедить их воевать за тебя, что должно мотивировать их на уничтожение других солдат? – на все эти вопросы Макиавелли и дает ответы в своем труде.

«Начну с того, что войско, которым государь защищает свою страну, бывает либо собственным, либо союзническим, либо наемным, либо смешанным», – пишет Макиавелли. Философ справедливо замечает, что наемное войско верно своему предводителю только тогда, когда получает за это деньги. Свои рассуждения Макиавелли продолжает в трактате «О военном искусстве», призывая к тому, чтобы заменить наемную армию набираемой по призыву из граждан государства. Он критикует тех государей, которые соглашаются принять помощь от союзников, утверждая, что, как правило, свою помощь предлагают более сильные государства, которые преследуют свои интересы: «Сами по себе такие войска могут отлично и с пользой послужить своему государю, но для того, кто их призывает на помощь, они почти всегда опасны, ибо поражение их грозит государю гибелью, а победа – зависимостью» [5, с. 44].

Никколо Макиавелли говорил о том, что единственное достойное государя дело – война и изучение военного искусства. По большому счету, война, согласно Макиавелли, это единственно возможное средство для государя удержать власть. Философ придерживался отнюдь не гуманистической точки зрения: нужно любыми способами, подчас самыми подлыми и жестокими, расширять свои территории и непрерывно упражняться в военном искусстве, чтобы при необходимости суметь

отстоять свои земли [4, с. 25]. Государь – это тот, кто никогда не будет в безопасности, ибо вокруг всегда много желающих отнять власть, жизнь, территории.

Чтобы преуспеть в ведении войны, нужно поставить себя так, чтобы люди были готовы идти и умирать за тебя. Государь должен быть покровителем дарований, ведь давно известно, что мыслящие, приближенные к правителю, способны «программировать» граждан той или иной страны на революции, научно-технический прогресс, почитание или слепое подчинение государю. Человеку, стоящему во главе страны, следует поощрять стремление к процветанию своих подданных, но он должен помнить, что в таком случае ему придется выступить гарантом их безопасности (защищать их от разорения войсками других государств и разбойников).

Одним из крупнейших произведений, в котором критикуются его взгляды относительно линии поведения государя, является «Антимакиавелли», написанный Фридрихом Великим. Труд этот примечателен тем, что действующий правитель примеряет на себя советы Макиавелли, подтверждая их полезность или решительно отвергая. Например, говоря о смешанном войске, Фридрих замечает, что, во-первых, храбрость солдат своей страны бывает намного сильнее, в них просыпаются способность и желание сражаться, а во-вторых, если не привлекать граждан своей страны к войне, то они станут слабыми, словно женщины. Однако возможна ситуация, когда государство не имеет достаточно мужчин, чтобы противостоять угрозе. В таком случае, у государя нет иного выхода, кроме как принимать на военную службу наемников. Истинная мудрость правителя в вопросе состава армии, по мнению Фридриха, состоит в том, чтобы умело поддерживать боеспособность своего народа: отправлять войска для помощи своим союзникам и часто устраивать смотры и марши [8, с. 264].

Что касается вопроса ведения войны, то тут взгляды короля Пруссии и Макиавелли сходятся: государю следует самому командовать своим войском. Это избавит армию от беспорядков, связанных отчасти и с разногласиями генералов, и внушит бодрость и веру в себя и победу, так как в таком случае он будет примером для своих солдат. Из этого утверждения выводится весьма интересная мысль: если случилось так, что государь слабо ориентируется в вопросах военного дела, то, несомненно, в его окружении должно быть множество талантливых генералов, к которым правителю надо прислушиваться, ибо только такими действиями он сможет снискать себе славу победителя [8, с. 266]. Хитростью, обманом следовало добиваться власти, ведь ни Макиавелли, ни Фридрих Великий не только не видели ничего дурного в подобных методах, но и поощряли их. В то же время король Пруссии яростно критикует Макиавелли за призыв не доверять никому, особенно вспомогательному (наемному) войску. Фридрих

с удивлением и долей иронии относится к этому убеждению, опровергая его весьма остроумно: если ты тонешь, то тебе все равно, за чей канат хвататься, но, следуя логике Макиавелли, ты должен отпустить канат чужака и утонуть (не изменив, однако, своим принципам) [8, с. 268]. Король цитирует правило Макиавелли: «Ты должен находиться в таком состоянии, чтобы ни приятеля, ни врага своего не имел причины бояться». С удивлением замечаем, что это простое и логичное правило противоречит сказанному выше, но в этом вся прелесть рассуждений Макиавелли. Как истинный политик и дипломат, он лавирует в вопросах, связанных с понятием «чести», негласно признавая, что они весьма условны. Это видно в том, как Макиавелли формулирует второе негласное правило: «...если кто единожды вошел уже с кем в союз, то его следует хранить с верностью» [4, с. 38].

Взгляды короля и философа расходятся и в вопросе того, какой образ жизни должен вести государь. Никколо Макиавелли признает лишь одно занятие, достойное государя – война (в мирное время его должна заменять охота). Фридрих яростно критикует Макиавелли, строя свои обвинения на том, что правитель, всецело увлеченный войной, просто маскирует этим свои корыстолюбие, страсть к власти и насилию. То, что, по мнению Макиавелли, приемлемо для малых государств, где подчас война – один из наиболее действенных способов получения желаемого, совершенно не подходит для государств крупных, развитых, имеющих своей целью не только отобрать силой, без подчинения закону, но и развить отвоеванные территории.

Фридрих Великий замечает, что Макиавелли призывает государей поощрять и наказывать более явно. Как говорил сам Макиавелли: «Обиды нужно наносить разом: чем меньше их распробуют, тем меньше от них вреда; благодеяния же полезно оказывать мало-помалу, чтобы их распробовали как можно лучше» [4, с. 16].

Король Пруссии одобряет высказанную философом мысль о том, что правителю нецелесообразно вступать в военные союзы с более сильными государствами, ведь вместо помощи они могут подчинить себе и эти земли. Нейтралитет, соблюдаемый государем, неминуемо приведет его к гибели, ведь он ничего не выигрывает, но очень много теряет. Единственным способом возвышения для государя у Макиавелли является война (сила оружия), Фридрих же настаивает на том, что благодаря развитию искусства и науки любая держава способна стать могущественной и благонравной. И здесь король Пруссии снова критикует Макиавелли. Фридрих справедливо полагает, что для создания могущественной и развитой страны государь должен знать каждый уголок в своем государстве и понимать, в каких отраслях его держава может преуспеть. В противном случае, война почти неизбежна, ибо пружинами, запускающими этот механизм, являются, как правило, голод и стремление улучшить свою жизнь.

Особенный и нетипичный для своего времени взгляд на мир Макиавелли проявляется в его критике Савонаролы, итальянского священника и диктатора Флоренции с 1494 по 1498 годы, который превыше всего ставил нравственность и духовность. Савонарола был сторонником равенства, умеренности во всем. Именно в этом взгляды священника и философа расходились: Макиавелли признавал только крайнюю степень чего-либо, что заметно по его высказываниям («Людей следует либо ласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести», «..люди избирают некие средние пути, являющиеся самыми губительными, ибо они не умеют быть ни совсем дурными, ни совсем хорошими») [4, с. 8].

Область интересов Никколо Макиавелли выходила далеко за пределы его времени. Так он живо интересовался трудами и жизнью Тита Ливия, что впоследствии побудило его создать произведение «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». Здесь Макиавелли в полной мере проявляет свою жестокость, так как твердому убеждению философа война – это способ построить новый, усовершенствованный мир. Захвативший власть должен стремиться переделать абсолютно всё: уничтожить различия между сословиями, иными словами, не должно быть ни бедных, ни богатых.

Никколо Макиавелли считал себя искусным стратегом, подкованным в вопросах военного дела. Философ взял на себя смелость создать трактат «О военном искусстве». Именно в этом произведении Макиавелли формулирует собственное определение войны: «Война – это такого рода ремесло, которым частные люди честно жить не могут, и она должна быть делом только республики или королевства» [5, с. 30].

Война, при всей ее привлекательности, с точки зрения Макиавелли, ремесло ненадежное. Ни один здравомыслящий государь не позволит своим подданным сделать войну своим основным ремеслом. Однако дело тут вовсе не в гуманистических воззрениях Макиавелли и не в его «высокой морали», а в том, что в противном случае, мир либо не должен заключаться вовсе, либо войны должны быть опустошительными, чтобы обеспечить людей на время мира. Философу все равно, что станет с бывшими солдатами после войны, он просто констатирует факт, что они непригодны для мирной жизни. Их судьбы изломаны, но вину за это Макиавелли возлагает только на них самих – это был их выбор, они сами сделали войну своим основным ремеслом.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь под ред. академика Прохорова А.М. [Текст] – М.: Большая Российская энциклопедия, 1991. – 564 с.

2. Викторов, С. Слуга «Государя» [Текст] / Сергей Викторов. – Гала Биография.– 2010.– №10.– Стр. 70–81.
3. Каппони, Н. Макиавелли [Текст] / Пер. с англ. М.: Вече, 2012. – 352 с.
4. Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Никколо Макиавелли. – М.: АСТ, 1982. – 58 с.
5. Макиавелли, Н. О военном искусстве [Текст] / Никколо Макиавелли. – М.: Воениздат, 1939. – 223 с.
6. Макиавелли, Н. Сочинения и письма [Текст] / Никколо Макиавелли.– М.: АСТ, 2004. – 820 с.
7. Мошкина, Л. Д. Психология политического лидерства / Л.Д. Мошкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» – 2013. – Вып. 13 - №1 (26) – С. 132–134.
8. Фридрих Великий. Антимакиавелли [Текст] / Фридрих Великий. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с.
9. Хвощёв, В.Е. Влияние шоковых состояний на политическое сознание субъектов [Текст] / В. Е. Хвощёв // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» – 2009. – №32 (165) – С. 104–108.

УДК 141.2 + 355.02

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ВОЙНЕ

*А.А. Никифорова, А.Х. Валлиулина,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-251*

В предлагаемой работе анализируется трактовка войны в учении Гегеля, который рассматривает феномен войны через призму понятий государство, право, индивид.

Ключевые слова: государство, право, война, диалектический метод Гегеля.

Говоря о философской традиции рассмотрения войны, нельзя обойти вниманием выдающегося мыслителя эпохи классической немецкой философии – Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Его достижения представляют собой заметную веху в истории философской и политико-правовой мысли. Теория войны Гегелем рассмотрена диалектически, потому она стала резким диссонансом среди взглядов других мыслителей своего времени. Для понимания теории Гегеля о войне, важно выявить, как мыслитель понимал государство и право.

Государство Гегелем рассматривается на различных этапах своего развития. Во-первых, это внутреннее государственное право, когда государство может существовать как государство для себя. Во-вторых, это внешнее государственное право, когда государство изучается во взаимоотношениях с другими государствами. Наконец, синтез этих двух взаимоисключающих положений представляет собой всемирную историю в совокупности этапов – возникновения государства, его развития от одной государственной формы к другой и, наконец, становление системы государств [4, с. 32].

В едином государстве существуют различные виды (ветви) власти, они являются элементами единого феномена, но, разделяясь в политической сфере, они не расчленяют это единое понятие. Законодательная власть, по Гегелю, представляет собой всеобщность, исполнительная – особенность, а судебная власть – единичность. По диалектике единичного, всеобщего и особенного эти три власти существуют в единстве.

Во внешнем государственном праве государство, будучи целостным и самостоятельным образованием, существует не только в себе и для себя, но и для других – государства вступают в некоторые взаимодействия друг с другом. Так что война есть лишь некий диалектический момент отношений между государствами [7, с. 2].

Гегель считал, если суверенные воли государств не приходят к обоюдному согласию, то спор между ними может быть решен только войной. С этой точки зрения мыслитель подвергал критике кантовскую идею вечного мира, поддерживаемого союзом государств. Гегель был уверен, что даже в войне, как состоянии бесправия и насилия, всегда действуют такие принципы, как взаимное признание государств, разнообразный характер войны и возможность становления мира. Война ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц [8, с. 5].

Согласно Гегелю, конфликты государств могут быть разрешены только войной. Отношения между государствами, пребывающими в естественном состоянии, не являются правовыми или нравственными. Их права имеют свою реальность в их частных волях, и интерес каждого государства есть его собственный наивысший закон [6, с. 62]. По мнению мыслителя не существует противопоставления морали и политики, поскольку государства не подчинены обыкновённым моральным законам. Получается, что в данном случае учение Гегеля дает повод для оправдания внутренней тирании и внешней агрессии, которые возможны.

Гегель указывает, что война с ее состоянием, в котором воспринимается всерьез суетность временных благ и вещей – это момент, в котором идеальность особенного добивается своего права и становится действительностью [2, с. 45]. Он рассматривает войну через категорию «полезности», считает, что войны – полезная вещь, поскольку они есть

средство самоочищения человечества. Философ уверен в огромном значении войны, поскольку благодаря ей «сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира» [1, с. 360].

XIX веку принадлежит честь выработки ясного взгляда на войну, которая трактуется отныне не как временное удовлетворение каприза властелина, а неизбежный в развитии идеи кризис [6, с. 87]. Необходимая, настоящая, законная война – война из-за идеи, война, служащая разуму – составляет, по мнению Гегеля, особенность современного ему XIX в. Это не значит, что в древности и в средние века не сражались из-за идей, но тогда ещё не было сознания моральной сущности войны. Идеи сталкивались прежде, подобно слепым силам, а современное человечество осознает причину, за которую оно проливает кровь. Прежде воевали животные страсти, теперь борются ясно сформулированные начала [2, с. 25].

Гегеля не смущает, что война разрушает все устоявшиеся традиции и обычаи, подвергает испытанию фундаментальные ценности человеческой жизни. Он положительно отзывался о стремлении политических лидеров вести войны, высоко ценил Александра Македонского, Цезаря, Наполеона [1, с. 357]. Герои для него немыслимы без реализации в военном противоборстве. Возможно, что и Гитлер мог быть для философа героем, если бы жил с ним в одну эпоху.

Гегель, анализируя внутреннее состояние воюющего государства, подчеркивал, что удачные завоевательные войны не дают развиваться смутам. Укрепляя государство изнутри, войны способствуют большему миру.

По предположению Гегеля, война, как и смертная казнь, в перспективе видоизменится. Военное искусство и цивилизация вместе работают над смягчением её варварских приемов. И в будущем война будет продолжать существовать, но в смягченном и измененном виде, как одно из необходимых средств развития политической идеи.

По Гегелю оружие создается людьми, потому война имеет историю и должна пониматься исторически, как объективная необходимость. Еще, начиная с философии природы, Гегель выдвигает мысль о том, что «сущность должна проявляться», жизнь несет в себе огромную силу отрицания, жизнь отбирает жизнь. История общества противостоит естественной истории, требует, чтобы человек освободился от естественной стороны жизни. Борьба субъекта с самим собой приводит к истории и войне. Человек должен преодолеть естественный страх смерти, чтобы стать очеловеченным. Борьба за признание – борьба на смерть [3, с. 69].

Борьба за признание также порождает «право героев» и войну как дуэль, в которой огромную роль играют личное мужество и правила чести, «культура доблести», религиозно-нравственные ценности. Однако «право героев» заканчивается с началом использования артиллерии. С возникновением пороха подвиги людей становятся невозможными, а в индивидууме больше не ценят его силу и мужество [5, с. 2].

Гегель все-таки признает, что война частично является злом или чем-то таким, что должно пытаться уничтожить; и в этом не просто сохранение жизни и собственности граждан. Однако война необходима потому, что благодаря ей происходит развитие общества. Этот факт дает моральное оправдание войне, которая не должна быть рассмотрена как абсолютное зло, или случайность, или иметь причину в том, чего не должно быть [10, с.26].

Гегель подразумевает не только то, что нация не имеет права избегать войны, он имеет в виду нечто большее. Мыслитель выступает против создания мирового правительства, которое предупреждало бы о возникновении войн потому, что для Гегеля возникновение войн является благим делом.

По словам Гегеля, война – это условие, при котором люди серьезно осознают суету преходящих благ и вещей (этот взгляд противоположен теории, что все войны имеют экономические причины). Положительное нравственное значение войны в том, что благодаря ей, моральное состояние народов пребывает в безразличии по отношению к устойчивости конечных определений [9, с. 488].

Согласно Гегелю, государство имеет абсолютное право на самоутверждение, требуя войны, оно жертвует жизнями граждан без их согласия. В этом случае государство не создает условий для личности, пренебрегает «судьбой единичности», частными интересами, в то время как оно должно удовлетворять «системе нужд», предотвращать столкновение интересов, создавать условия для производственных циклов, основанных на внешнем, машинном, абстрактном, механическом труде. Отсюда возникает механический вид войны, логическая кульминация которого достигается в абстрактности количества трупов.

Философ справедливо замечает, что средства производства не производят человека, а только работу и рабочую силу. Так же и средства войны направлены не против человека, а физических человеческих тел. Отчуждение в процессе труда оборачивается энтузиазмом на войне. Движущими силами, как в производстве, так и на войне являются не человеческие факторы, а капиталы, товары, бюрократические правила. Гегель отмечает гуманистическую динамику военных столкновений, выдвигает мысль, что новейшие войны ведутся более человечно, чем в прежние времена. Он также приходит к выводу о правомерности войн,

ведущихся ради утверждения «естественных границ государства», а не только во имя достижения национальной независимости.

Таким образом, Гегель рассматривал войну исторически и диалектически, на межгосударственном и на внутригосударственном уровне, а также в контексте взаимоотношений государства и человека. Но его взгляды ограничены культурными нормами и практиками своего времени. Трагую войну как явление вечное, необходимое для жизни общества, Гегель видел в ней способ самоочищения человечества, что по современным демократическим меркам очень жестоко по отношению к индивиду, как и безусловное признание Гегелем за государством права распоряжаться жизнью граждан. С другой стороны, в поступательном процессе истории война должна была постепенно гуманизироваться за счет смены приоритетов: от материальных – к духовным.

Библиографический список

1. Гегель, Г.Ф.В. Философия права [Текст] / Г.Ф.В. Гегель; пер. Б.Г. Столпнера и М.И. Левиной.– М.: Мысль, 1990.– 524 с.
2. Гегель, Г.Ф.В. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа [Текст] / Г.Ф.В. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
3. Гулыга, А.В. Немецкая классическая философия [Текст] / А.В. Гулыга. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рольф, 2001. – 334 с.
4. Капто, А.С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы [Текст] / А.С. Капто.– М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
5. Козлов, Н. Философские и моральные оценки войны [Текст] / Н. Козлов.– М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
6. Крошенникова, Н.А., Жидкова, О.А. Учение Гегеля о государстве и праве [Текст] / Н.А. Крошенникова, О.А. Жидкова. – М.: Изд-во НОРМА-ИНФРА, 1998. – 245 с.
7. Лега, В.П. Лекции по истории западной философии. Философствование нового времени / Виктор Петрович Лега [Электронный ресурс] // URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/431802> (дата обращения: 17.03.2015).
8. Пионтковский, А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория [Текст] / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1963.– 468 с.
9. Рассел, Б. История западной философии [Текст] / Бертран Рассел.- 3-е изд., испр., научный редактор издания профессор Целищев В.В. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. – 367 с.
10. Краткий философский словарь под редакцией Розенталя М. и Юдина П. [Текст] / М. Розенталь и П. Юдин, 4-ое изд., доп. и испр. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. –704 с.

УДК 141.2 + 13 + 128
ББК Ю21 + Ю3(0)

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ **Н.А. БЕРДЯЕВА. ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ**

*А.А. Замотохина, ИЭТТ-260,
А.П. Шатохина, ИЭТТ-251,
Южно-Уральский
государственный университет*

Статья посвящена философии войны выдающегося мыслителя XX в. Н.А. Бердяева. Особое внимание уделено размышлениям философа о психологическом состоянии человека на войне, о сущности войны и патриотизме.

Ключевые слова: война-болезнь, этическое покаяние, духовное убийство, предательство, ответственность, вина, утрата нравственности, жестокость, испытание победой.

Наше юное поколение никогда не знало войны, мы не можем прочувствовать, как она проявляется, как ломает человека и что несёт за собой. Но благодаря людям, которые пережили её, мы можем, по крайней мере, представить, что же это на самом деле. Поэтому наиболее ценен для нас опыт осмысления войны современников военных эпох. В их число входят не только ветераны сражений, но и русские философы, в творческом наследии которых отразились духовные искания этих исторических периодов. Один из них – Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

Согласно Н.А. Бердяеву, война – это болезнь, реакция на зло, она проявляется только лишь через внутреннюю агрессию, которая выплёскивается и действует посредством воли человека. Так агрессия Гитлера изливалась наружу, уничтожая при этом всё на своём пути.

Война – это эпидемия, зародившаяся внутри и для борьбы с ней необходимо не внешнее, а лишь внутреннее воздействие и искоренение, это должно происходить духовно, в том числе и через творчество. Начиная творить, человек воспаряет духом, становится свободным и, следовательно, легко может отвернуться от войны. Если не начать бороться с такой опасной эпидемией с самого начала, то в результате, она будет заражать все большее количество людей. Возможно, «заболев» войной, человек перестает чувствовать, к чему она может привести и какие чудовищные осложнения может оставить, так как человеку свойственна враждебность, эмоции, стремление к разрушению, что показывает внутреннюю животную

человеческую природу. Чем дальше человек заходит, тем сложнее разорвать цепь, так процесс войны поглощает человека и превращает его в дикого зверя, несущего зло и распространяющего вирус болезни.

Мы привыкли считать, что ответственность за войну несут политики, между которыми сложилась конфликтная ситуация. С исторической точки зрения это так. Гитлер несёт ответственность за войну, именно этот человек поставил цель напасть на СССР и начал действовать, но как считает Н. Бердяев «мы все виноваты в войне, все ответственны за нее и не можем уйти от круговой поруки» [1, с. 178]. Важнейший мотив Бердяева – этическое покаяние, рассуждения об ответственности, что лежит на каждом, даже на тех, кто не участвовал в военных действиях, не убивал, а просто желал победы русскому народу, верил в его силы, принимал политику государства, поскольку все действия и поступки на войне являются духовным убийством.

Согласно Бердяеву, когда мы желаем победы своему народу, мы, следовательно, желаем смерти своего врага, поэтому мы не должны взваливать на другого человека, идущего в бой, убийство, которого хотим сами.

Человек, который желает наиболее лучшей жизни на земле, боится умереть больше, чем человек, верующий в бесконечную духовную жизнь. Бесконечная жизнь – возможность религиозного спасения. Духовные ценности и потребности превышают земные блага, они не даны человеку с рождения, они формируются в процессе работы человека над собой, своей душой [1, с. 189]. Во время войны некоторые бойцы, боясь умереть, шли в плен, думая, что спасают свои жизни. С точки зрения Бердяева, предательство – это ложный выбор между жизнью и смертью, поскольку предатель не знает, что лучшей жизни не будет, и не подозревает, что его ждет в погоне за спасением жизни.

Бердяев говорит, что мы все должны принять вину, потому что, так или иначе, мы все виновны в войне [1, с. 181]. Философ объясняет это так, что даже если человек физически не убивает, но желает победы своему народу, то он убивает духовно. Таким образом, получается, что все люди, неважно участвуют они или не участвуют в войне, все они виновны в одном лишь желании победы. Ведь «вина – это состояние человека, нарушившего нравственные нормы» [7].

На войне людям приходится убивать, взрывать, резать и это не может не повлечь за собой чувство вины. Как мы знаем, Николай Александрович был религиозным человеком, но также и патриотом. Он горячо переживал события на фронтах, желал побед Красной Армии, следовательно, считал себя духовно причастным к убийству, это его очень мучило, вносило диссонанс между мыслями и поступками. Для Н.А. Бердяева физическое убийство также не менее страшно, чем духовное, поскольку для философа

тело выступает в роли субстанции души, тело умрет, а душа снова переродится [1, с. 179].

Человеку свойственна враждебность, эмоции, стремление к разрушению, что показывает внутреннюю животную человеческую природу. Например, Гитлер, погубивший судьбы людей не только советского, но и германского народа, был опьянен амбициями, не знающими никаких моральных ограничений и гордыней. Это говорит о его страшной нечеловеческой сущности, что отчуждает его от всего человеческого.

Русской армии пришлось идти на войну и защищать родину от этого человека. Вряд ли солдаты хотели убивать, но им приходилось защищать свою родину. От безысходности приходится переживать сполна все чувства, которые раздирают душу молодого солдата; он не хочет убивать, но он вынужден это делать, и душа его полна муки и вины. Чтобы убивать в бою, надо умертвить свою душу, осуществить насилие над собой. Следовательно «...убийство – не физическое, а нравственное явление и оно... совершается духовно» [1, с. 181].

«Нравственность – это, прежде всего, внутренняя оценка человеком норм своего поведения и поступков, которые должны носить добрый характер» [7]. Противоположное нравственному – это вредное, безобразное, недопустимое, недостойное. На войне люди делают ужасные вещи во имя спасения своего народа. С одной стороны – это безнравственно, с другой – необходимо. Потому ради сохранения своей страны, своих близких человек готов на все жертвы и на любое убийство.

Бердяев утверждает, что война бессмысленна, что война – это всего лишь способ победы над врагом [1, с. 178]. Он убеждает нас в том, что война несет лишь разрушение, рушит жизни людей, уничтожает творческую свободу в людях. Но мы не можем избежать войны, ведь мы живем в насилии. Чтобы есть, человек убивает животных. Чтобы защитить свою страну, люди воюют. Мир невозможен без насилия, потому что мы живем в физической оболочке.

Спасение своего народа оправдывает все то, что делает человек на войне. Ведь он просто хочет спасти свой народ, свою семью от безжалостного и страшного молоха. На войне нравственность теряется в тот момент, когда человек уже желает убить. Это страшное испытание выпало на тех, кто защищал нашу страну. Ни одного солдата не спросили, хочет он или не хочет идти на верную смерть, солдаты просто шли на войну, спасать свой народ. От безысходности им приходилось убивать, потому что вставал выбор выживания: либо они, либо фашисты. Из всех сил молодые солдаты сражались за наши жизни и определяли дальнейшую судьбу россиян. Но нельзя осуждать русских солдат за то, что они убивали, что они потеряли свою нравственность. Нет, они наоборот доказали свою высокую нравственность, ведь они спасли нас всех. Поэтому, действительно,

убийство – это духовное преступление. А солдат защищает свою страну, ему *приходится* убивать.

Человек бывает насильником и убийцей чаще, чем он сам это подозревает [1, с. 180]. Считая советских пленных солдат недочеловеками, фашисты издевались и убивали их просто так. Но откуда такая жестокость? Жестокость – частый феномен, жалость и сожаление не присущи ей. Человек надевает маску и делает так, что окружающие видят того, кого они хотят видеть. Но как показала война, маска быстро исчезает, и человек предстаёт в своём облики. Ведь если бы не война, то вряд ли германские солдаты в обычной жизни стали уничтожать миллионы неповинных людей. Жестокость нацизма проявилась в массовом уничтожении народов – геноциде.

Гитлер говорил, что фюрер пришел спасти немецкий народ, который должен быть счастлив, потому что только он может привести нацию к процветанию и дать ей жизненное пространство. Но что знали о предстоящем немецкие солдаты? Они ожидали, что там, в СССР плодородные земли, где каждый из них получит солидный земельный надел и бесплатную рабочую силу, в качестве пленных славян, большинству это нравилось. А о том какую цену придется заплатить за это, они предпочитали не думать. Эти мечты и подталкивали солдат на жестокость, по отношению к другим, таким же людям.

Как писал Н. Бердяев, «война – явление гипнотической власти коллектива над личностью» [1, с.306]. Именно поэтому чудовищная жестокость немцев проявилась не только из-за того, что они были бессильны перед приказом вышестоящего, но и потому что, получив приказ, они верили, что это единственно правильное решение.

Еще один аспект понимания войны у Бердяева связан с тем, что не каждый человек может пройти испытание победой, ведь победа – это успех, закончившийся полным поражением противника, то есть у человека появляется большая вера в себя и это порождает новую цепь причинно-следственных связей. У индивида, который не выдерживает испытания, сила перерождается в насилие. Насилие может быть не только физическим, но и психическим. Так в первые годы ВОВ немецкие листовки с Яковом Джугашвили, сыном Сталина, и «пропуском в плен», были эффективным средством пропаганды плена: «следуйте примеру сына Сталина». Нетрудно предположить, что было бы с советским народом, если бы Германия одержала победу, если вспомнить какие пытки они совершали над людьми, ведь немецких солдат призывали проявлять господство над военнопленными.

Человек, который проходит испытание победой, обогащается духовно, нравственно и умственно. Ему присуще не насилие, а развитие своей духовности, своей личности, достижение целей путём демонстрации своей идеологии, создания лучших условий для развития. На примере СССР

можно сказать, что после победы народ, как жил на своей территории, так и остался жить, лишь власть кардинально изменила свою внешнюю политику и усилила свое влияние на мировой арене.

Таким образом, Н. А. Бердяев доказал, что война это вопиющее зло. Однако войну защитительную и освободительную можно считать не только оправданной, но и священной. Он убедительно показал, что любовь к Отечеству естественна для человека, не требует доказательств и представляет собой великую ценность. И задача каждого, пройдя испытания жестокостью, утратой нравственности, виной, искушением победой, не сломаться и остаться Человеком.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 333 с.
2. Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н.А. Бердяев. – Париж. YMCA-PRESS, 1952. – 278 с.
3. Волкогонова, О.Д. Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография [Текст] / О.Д. Волкогонова. – М. : Изд-во МГУ, 2001 . – 112 с.
4. Ворожейкина, Е.В., Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.) [Текст]/ Е.В. Ворожейкина. – Кострома, 2004. – 289 с.
5. Ковалев-Случевский, К. «"Русская идея"» кающегося аристократа», Н.А. Бердяев [Текст]/ Константин Ковалев-Случевский. – Гуманитарные науки. – № 3/2014 – 320 с.
6. Сидоренко, Н. С. Уральская консервативная периферия накануне и в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) 1913 г. [Текст] / Н.С. Сидоренко Н. С. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – С. 52.
7. Сперанский, А.В. Первая мировая война в контексте мифов и исторических параллелей [Текст] / А.В. Сперанский // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т.14.– №4.– С. 45–48.

УДК 141.2

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

*В.М. Чернявский, М.А. Голышев,
Южно-Уральский
государственный университет,
Мн-281*

В данной работе рассмотрены философские аспекты войны, ее метафизическая основа, диалектика, ее причины и последствия. Важное место занимает проблема человеческой личности и её индивидуальности во время войны. Анализ понятия войны, отношения к ней человечества и места личности на войне был произведен на основе работ Николая Александровича Бердяева «Судьба России», «Философия неравенства» и «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого».

Ключевые слова: война, Н. Бердяев, метафизика, человек, личность, общество.

В настоящее время в обыденном обществе существует лишь один взгляд на войну – резко отрицательный. Мало кто из людей задумывается о ее смысле, ее причинах. Каждый хотел бы избежать войны и это кажется очевидным. Но Николай Александрович Бердяев, оригинальный русский религиозный философ, имеет совершенно иной, метафизический взгляд на войну.

При написании данной работы за основу нами была взята задача рассмотрения двойственности войны, демонстрации того, что при всех социальных проблемах, война – это, в первую очередь, выражение метафизики.

При поверхностном рассмотрении война связана с физическим насилием, убийством, оружием – все это предметы материального мира. Но все материальное есть лишь отражение духовного мира. Война в узком смысле не есть причина – она является следствием внутреннего зла в обществе и в каждом отдельно взятом человеке. В своем произведении «Судьба России» Бердяев приводит сравнение войны с сыпью на теле человека. Мы не можем полностью избавиться от сыпи внешне, так как она является следствием внутренней болезни [1, с. 178].

Все современное человечество живет ненавистью и враждой. Возможно, кто-то думает, что не имеет к войне никакого отношения, но это не так. В какой-то степени каждый человек задействован в этом процессе. Мы принимаем нашу национальность, желаем победы своим, значит, все мы духовно убиваем и несем ответственность за убийство. Это убийство необходимо каждому из нас [1, с. 181]. Получается, что убийство – это не физическое, а нравственное явление и в первую очередь оно совершается духовно.

Война неизбежна, человечество не в силах существовать без нее. В борьбе между добром и злом сторонники добра начинают творить зло по отношению к сторонникам зла, получается порочный круг [3, с. 305], так как любое действие порождает противодействие.

Одна из самых важных идей о войне в работах Бердяева – это отождествление войны с движением [1, с. 185]. Всегда нам трудно расставаться с привычным строем жизни, поэтому любое движение само по себе уже болезненно. Но если человек не хочет оставаться в застое и покое, если человек хочет развития, то он вынужден смириться с жестокостью и болью начала движения. Буддизм является религией бездвижности, но в христианстве этого нет – прохождение человека через страдания считается неизбежным. Для христиан есть более высокие ценности, поэтому судьба христианских народов динамична, именно они творят историю. Эти люди больше верят в их будущее, а не в настоящее. Даже любовь иногда требует быть твердым и жестким, не бояться страдания борьбы за свою любовь. Человечество призвано идти вверх, а не останавливаться на месте.

Почему же люди охотно соглашались с результатами прошлых войн, завоеваний, распределений территории, но не согласны быть ответственными за новые? Борьба народов за повышение уровня жизни не может быть неподвижной [1, с. 197]. Все национальности и государства имеют свою судьбу, период зарождения и упадка, каждый из них должен сказать свое слово. Греция в свое время уступила место римлянам, позже Испания была великой страной, но истощила свои силы, и вряд ли уже будет играть мировую роль. Борьба народов есть борьба духовных сил, а не животных инстинктов [1, с. 200]. Но правдание любой страны и нации в мировой борьбе может быть лишь в том, что она принесет в мир большие ценности и поднимет человечество на более высокий уровень бытия. Оправдание может быть только динамическим, но никак не статическим [1, с. 202].

Бердяев рассматривает два разных взгляда на мир: частный и исторический [1, с. 203-210]. С позиции частного взгляда на жизнь, человека волнуют лишь его собственные радости, горести, его семейная жизнь. Но всякий человек есть человек исторический, принадлежащий какой-либо нации, культуре. И люди, которые привержены к историческому взгляду на жизнь – смотрят на нее с точки зрения ценности национальной государственности и исторических задач. Именно с исторического взгляда на жизнь война может быть оправдана, если видеть ту глубину бытия, на которой историческая и национальная судьба есть судьба собственная. Этот взгляд ценности ставит выше собственного блага.

Человека подстерегают две участи: или война, или наслаждение. Человек колеблется между ними и никак не может достигнуть третьего, высшего состояния. Окончание войн связано с изменением духовного состояния общества. Мы можем желать лишь внутреннего здоровья, а не здорового обличия. Так же и в отношении войны, мы можем желать лишь абсолютной жизни в любви, и стремиться к ней. Но пока мир находится в прежнем хаосе, злобе и вражде – достижение жизни в любви остается невозможным. Мировая война – это сложнейшее испытание для каждого человека, в котором выявляются все противоречия и человеческая глубина.

И из анализа работ Бердяева становится видно, что война, в первую очередь, – именно метафизическая проблема. Лишь углубленное мировоззрение может привести человека к осознанию своего исторического, а не только частного призвания.

В продолжение, хотелось бы рассмотреть человека как личность, как отдельный аспект и самостоятельную часть войны. Также как и двойственное толкование самой войны, Бердяев дает двойственное определение мотивам и поступкам самих людей, порождающих войну: «Люди проповедуют свободу, но в отношении опасных противников они принуждены применять насилие и отрицать их свободу. Люди борются со злом во имя добра и начинают творить зло в отношении к представителям зла. Люди и народ проникаются пацифической идеей уничтожения войны и для этого принуждены объявить войну сторонникам войны» [3, с. 306]. Пожалуй, лучшим примером такой двойственной трактовки действий человечества является военная деятельность христианской и католической церковью. Сторонники религии, главной заповедью которой является «Не убий!», ведут войны, завоевательные походы и убивают тысячи и миллионы людей. «Соблазн военной славы носит антихристианский характер. С войной связана потребность обоготворения цезарей, полководцев, вождей, обоготворение антихристов, что нужно отличать от почитания гениев и святых», – пишет Бердяев [3, с.307].

Проникая глубже в понятие самой войны, понимаешь, что она есть крайняя форма господства общества над личностью, власти коллектива над индивидом и у Н.А. Бердяева мы находим подтверждение этим мыслям. Философ считает, что человек как личность, отдельная и независимая, не может и не должен начинать войну, ибо война давно ушла от понятия рыцарской, могущей проявить определенные качества каждого человека, к понятию войны всеобщей, глобальной и тоталитарной, к понятию всеобщего зла. «Война есть великое зло, – пишет Бердяев, – вернее, она есть выявление зла, которое клочотало в глубине при внешнем мире. Но тоталитарная война становится тоталитарным злом» [3, с. 307].

В связи с этим, открывается еще один аспект войны – отношение к противнику. Диалектика войны ведет к тому, что врага перестают считать человеком, любые рамки и моральные нормы по отношению к нему снимаются, все становится дозволенным и разрешенным. Враг есть существо, наиболее превращенное в объект, т. е. экзистенциально наиболее разобщенное, т.к. воевать только и можно с объектом, с субъектом нельзя воевать. Но мы живем в мире объективации, в мире разобщенном, и потому в нем господствует война. Мир человечности, духовности, красоты, бессмертия есть иной мир, чем мир страхов, страдания, зла и войны.

«Нет основания оптимистически связывать силу в этом мире с правдой. Хотя ведение войн за освобождение и за правду может быть связано с настоящим духовным подъемом и может обнаруживать силу правды» [3, с.

308], – эти слова Н.А. Бердяева не только вновь указывают на его двойственное отношение к войне, но и отсылают к «русской идее». Действительно, ведь метафизическая проблема войны есть проблема «силы» и ее роли в условиях этого феноменального мира. Бердяев, как и Л.Н. Толстой обличает всякое величие нашего мира: власти, знатного рода, роскоши и богатства. Историческое величие слишком связано с ложью, со злобой, жестокостью, насилием и кровью. Ведь если человек находит в себе силы для войны, и даже для выигрыша, ему еще остается последнее испытание – испытание победы. Ведь зачастую именно после победы человек становится низок, опускается до уровня тех, против кого боролся и сражался, начинает совершать насилия и гонения [3, с. 309–310]. Для достижения действительной, истинной победы необходима сила не столько физическая, сколько моральная: «Победа предполагает силу, и нравственную силу. Но победа легко перерождает силу в насилие и уничтожает нравственный характер силы» [3, с. 309].

Н.А. Бердяев считает, что русская идея, то есть сама суть России и русского народа, заключается в единстве, соборности и общинности – это и есть одна из главных причин негибкости русского духа и многочисленных побед. Подобного мнения придерживается и Л.Н. Толстой, говоря в своем учении, что «не в силе Бог, а в правде», противопоставляя русскую идею идее немецкой, идеям Ницше и Гегеля. Мало быть сильным, и тем более, мало быть сильным поодиночке, важна сплоченность и общность, и не менее важно, во имя чего эта сплоченность создается. Ведь правда может возникать лишь в случае борьбы за правое, верное и нужное дело, в таком случае сплоченность русского народа будет иметь максимальную силу [3, с. 309–310].

Но даже в этом случае, каждая личность, каждый индивидуум, должен чувствовать, ощущать и увеличивать свою ответственность, ведь человек является убийцей и насильником не только на войне, но и намного чаще, порой даже не подозревая об этом.

Нельзя видеть насилие и убийство только в войне, когда весь наш мир покоится лишь на насилии и убийстве, война лишь выявляет и проецирует ненависть и вражду, и делом каждой личности является ответственность за свои действия, стремление сделать мир и в первую очередь себя лучше и добрее.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – Москва: Философское общество СССР, 1990. – 246 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия неравенства [Текст] / Н.А. Бердяев. – Москва: АСТ, 2006. – 59 с.

3. Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.

УДК 141.2 + 141.8
ББК ЮЗ(4Г)5-686

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ Ф.НИЦШЕ НА ГЕНЕЗИС НАЦИОНАЛ- СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

*М.И. Михеева, М.А. Бусыгина,
Южно-Уральский
государственный университет,
Ю-257*

Данная статья посвящена вопросу, влияния философии Ф. Ницше на развитие и становление националистической идеологии в Германии. Так как национализм является очень агрессивной идеологией, то вопрос о национализме, его корнях и сущности очень актуален в настоящее время, в том числе и в нашей стране. Авторами проведен подробный анализ философских идей Ницше и их интерпретации в трудах фашистских лидеров.

Ключевые слова: Ф. Ницше, А. Гитлер, национализм, сверхчеловек, фашизм, воля к власти.

Значение изучения национализма и его становления трудно переоценить, поскольку эта идеология сыграла ключевую роль в судьбе многих государств в XX веке. Именно под её влиянием было развязано несколько мировых войн, устроен геноцид еврейской нации. Учитывая, что данный вопрос и в современном мире поднимется все чаще, актуальность его изучения очевидна.

Целью данной статьи является рассмотрение философских идей Фридриха Ницше и их влияния на идеологию национал-социализма.

Власти нацистской Германии активно стремились создать впечатление того, что человеческая культура и цивилизация являются собой плоды творчества арийцев [5, с. 590]. Национализм и шовинизм буквально пронизывали все сферы общественной жизни Германии и даже религию. В стране в массы настойчиво внедрялись идеи о

превосходстве немецкой нации и ее культуры, доказывалось, что все человечество обязано признать в немецком народе своего учителя.

В российской и западной литературе нет единого мнения о степени влияния Ф. Ницше и его учения на идеологию национал-социализма. Поэтому существует две абсолютно противоположные точки зрения: Согласно первой – философия «реакционного антигуманистического теоретика» стала духовной предпосылкой германского национал-социализма; согласно второй – идеи Ницше были исковерканы и интерпретированы немецкими властями в необходимом для их деятельности свете [1, с. 280].

Идеологи фашизма постоянно ссылались на труды Ф. Ницше, провозгласив его творчество основой всей фашистской «философии». Так, А. Боймлер, официальный философ гитлеровского режима, прославлял мыслителя за «борьбу против знания», за «атаку на картезианство». По его мнению, Ницше – это поистине первый философ реализма, в основе которого лежит концепция «сверхчеловека» и господства инстинктов. [2, с. 48]. Для прояснения степени влияния идей Ф. Ницше на становление националистической идеологии обратимся к самим его идеям.

Социально-политическую историю Ф. Ницше характеризуют как борьбу двух разных волей к власти: воля к власти сильных (господ) – это инстинкт подъема и жизни, воля к власти рабов (толпы) – инстинкт упадка, смерти. Основаниями для такого разделения, считает философ, являются различные моральные и ценностные установки. Мораль есть орудие рабов против господ, нравственные и духовные установки слабых против сильных, оправдание господства стада над высшими видами. [10, с. 92–94]. На этой основе идеологи фашизма напрямую связали учение Ницше о сословной природе господ и рабов с понятием сильной и слабой расы и объясняли агрессивное и неприязненное отношение к другим расам и нациям [2, с. 131].

Однако у Ницше понятия «сильной» и «слабой расы» наделено иными значениями: сильная раса – это порода высших, властвующих людей, обладающих моралью господ, а слабая раса – это люди жизненно слабые, мелочные, обладающие рабской моралью, жаждой мелкого счастья [7, с. 215]. Моральная позиция самого Ницше была противоположна господствующей в обществе морали: во-первых, ценность жизни в биологическом ее смысле, во-вторых, свобода принадлежит тому, кто имеет силу, в-третьих, равенства между людьми не существует. Ницше считает, что справедливость основана на заслугах, равенство – это признак упадка, а жизнь – это высшее богатство и добро.

В главном труде А. Гитлера «Mein Kampf» активно использовалось понятие «сверхчеловека», но этого ли «сверхчеловека» имел в виду

Ницше? Сверхчеловек является представителем новой расы. Сверхчеловека связывают с переоценкой ценностей. Сверхчеловек – «необходимый человек завтрашнего дня и послезавтрашнего». Сам человек, личность и субъективность – это и есть степень воли к власти [5, с. 126].

Но сверхчеловек по Ницше – это результат духовного и культурного развития человека. Он представляет собой результат творческого процесса, это «мыслитель, художник, благороднейший интеллигент», само воплощение несравнимой ни с чем воли к жизни, а сама жизнь – это источник радости. Сила сверхчеловека – в сочетании его разума и мужества [6, с. 157].

С точки зрения идеологов фашизма мир развивается циклично и с определенной периодичностью новая раса сменяет вырождающуюся: «...творение не закончено, и человек явно близится к фазе трансформации. Старая человеческая порода уже вошла в стадию упадка. Каждые 700 лет люди поднимаются на новую ступень. Вся творческая сила сосредоточивается в новой расе, которая прогрессирует, в то время как старая исчезает... На планете произойдет переворот, которого вы, непосвященные, не в силах понять... Происходит нечто несравненно большее, чем явление новой религии... Близится к концу солнечный период, и уже заметны первые сигналы появления сверхчеловека» [3, с. 80].

Еще одна точка соприкосновения философии Ницше и национализма – тема «еврейства», которая имела для философа гораздо большее значение, чем принято считать. Созданный им образ еврея органично связан со всем комплексом его философских идей. Первопричиной декаданса и разрушающего нигилизма Ницше видел не иначе как в христианстве. Поэтому ответственность за появление христианства он возложил на еврейский народ, обвинив его в том, что именно евреи сотворили «рабскую мораль» и породили Христа [6, с. 315].

Однако в дальнейшем, когда немецкие евреи особенно успешно проявили себя в культуре, науке и промышленности, Ницше говорил о евреях как о создателях этики и морали, ведь стойкие нравственные принципы помогли евреям выжить [4, стр. 30–35]. Еще больше еврейский народ возвышает в глазах Ницше воля к жизни. В «Антихристе» он замечает, что «евреи – это самый замечательный народ мировой истории, потому что они, поставленные перед вопросом: быть или не быть, со внушающей ужас сознательностью предпочли быть какою бы то ни было ценою» [6, с. 649–650].

Гитлер же в своих трудах декларирует абсолютно иную точку зрения: «как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика» [5, с. 347]. В итоге мы можем увидеть, что фюрер всю еврейскую нацию (расу)

рассматривал не иначе, как воплощением той деградации (decadence), о которой писал Ницше, и которой они, по сути, заражают и остальные народы.

Таким образом, мы пришли к выводу о том что, несомненно, философия Фридриха Ницше оказала очень большое влияние на формирование и становление идеологии практически всех фашистских и крайне правых партий, движений и организаций в мире (в частности на германский фашизм). Большинство теоретиков фашизма очень хорошо знали работы Ницше и часто использовали его философские идеи за основу при разработке националистического мировоззрения, в жесткой пропаганде и активной агитации.

Но принципиальное значение имеет интерпретация идей философа – бунтаря и ниспровергателя, ведь именно тем и знаменит Ф. Ницше, что его суждения непоследовательны, а идеи многозначны. Этим и воспользовались нацисты. Вольно трактуя идеи Ф. Ницше, привнося в них шовинистическую составляющую, нацистские идеологи закрепляли свои человеконенавистнические установки авторитетом знаменитого философа.

Библиографический список

1. Бернадинер, Б.М. Ницшеанство в идеологии фашизма [Текст] / Б.М. Бернадинер. – М.: Гос. соц.-эк. изд., 1936. – С. 265–293.
2. Бернадинер, Б.М. Философия Ницше и фашизм [Текст] / Б.М. Бернадинер. – Л.; М.: Соцэкгиз, 1934.– С. 124–180.
3. Вайнштейн, И. Философия Ницше и фашизм [Текст] / И. Вайнштейн // Под знаменем марксизма. – 1935. – № 6. – С. 80.
4. Гейликман, Т. Ницше и еврейство [Текст] / Т. Глейкман // Книжки «Восхода». – 1903. – № 8. – С. 29–38.
5. Гитлер, А. Моя Борьба [Текст] / А. Гитлер. – Свитовид, 2003. – С. 740.
6. Ницше, Ф. Собрание сочинений в 2-х томах [Текст] / Ф. Ницше. – М.: Мысль. 1996. – С. 832.
7. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла [Текст] / Соч.: Пер. с нем.; Авт. вступ. ст. М. А. Блюменкранц. – М.; Харьков: ЭКСМО-Пресс: Фолио, 2000. – С. 1054.
8. Ницше, Ф. К генеалогии морали [Текст] / Ф. Ницше Соч.: В 2 т. // Пер. К. А. Свасьяна. – М., 1990. – С. 670.
9. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое: сборник [Текст] / Ф. Ницше; пер. с нем. Ю. М. Антоновского, В. А. Флеровой. – М.: АСТ, 2006. – С. 340.
10. Одуев, С.Ф. Фашизм и ницшеанство [Текст] / С. Ф. Одуев // Философские науки. – 1970. – № 3. – С.89–99.

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» В ОСМЫСЛЕНИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ФИЛОСОФОВ: ПРОБЛЕМАТИКА ВОЙНЫ В ИДЕЯХ АНДРЕ ГЛЮКСМАНА

*Д.М. Стельмах,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-251*

В предлагаемой работе рассматривается взгляд А. Глюксмана на проблему войны. Обозначаются критерии, указываются подходы, удовлетворяющие специфике его философского осмысления. Рассматриваются особенности его взглядов на проблему войны в целом, а так же взгляды А. Глюксмана на современные военные конфликты.

Ключевые слова: философствование, проблема войны, «философия войны», взгляды западно-европейских философов на проблему войны.

Говоря о современных философах, рассуждающих о проблемах войны, нельзя не обратиться к Андре Глюксману, современному французскому философу и писателю-эссеисту, известному своей склонностью к эпатажу общественного мнения [8–13].

В начале своей научной карьеры А. Глюксман написал трактат «Рассуждение о войне» (1967), где он ставит проблему войны не только как конкретно-политическую, а поднимает ее на уровень философского осмысления. В результате выделяются два существующих типа мировосприятия: война как система сопротивления, как революция, в противовес войне как абсолютному уничтожению. Современная история, по Глюксману, – противоборство этих позиций.

Согласно философии Глюксмана, суть социума – отношения господства – подчинения, поэтому общество и, необходимо присущее ему государство, воплощают тоталитаризм. Достижение в нем свободы невозможно. Во-первых, ее нет для членов общества, поскольку всегда есть «отсутствующий Господин», создавший это общество и придумавший для него законы. Во-вторых, общество несвободно как целое, поскольку оно, будучи «обществом равных», вводит для самого себя дисциплину – «ЭТОТ

всеобщий рациональный принцип порабощения». Под «обществом равных» Глюксман имеет в виду реализацию эгалитаристских идеалов, в основе которых лежит идея, предполагающая создание общества с равными политическими, экономическими и правовыми возможностями всех его членов. В-третьих, ввне такое общество также «излучает» несвободу, поскольку должно обеспечиваться экономически [1].

По мнению Глюксмана, революция не может изменить природу социума, а лишь служит для укрепления властных отношений. Поэтому главными виновниками разрастающегося тоталитаризма в мире, Глюксман считает создателей революционных теорий и относит к ним, прежде всего, Фихте, Гегеля, Ницше и Маркса. По Глюксману, эти люди в той же мере виновны в ужасах тоталитаризма, в коей связаны с происхождением идеалов равенства. При этом доминирование вектора насилия в современном обществе Глюксман связывает с коммунистическим проектом, полагая, что именно идеология в ее марксовом издании выступила предпосылкой всех тоталитарных режимов [5].

Оценивая вклад Маркса в дело порабощения человечества, Андре Глюксман пришел к выводу, что тот «предложил стратегическую схему дешифровки, а следовательно, и организации крупных конфликтов в современных обществах». Маркс, как полагает Глюксман, как и все «властители-мыслители» стартует следующим образом: «начинает с нуля», разрушая все предшествующее, и далее – «создает науку должного». Маркс сумел сформулировать «целостное решение проблем Французской революции», акцентировав внимание на проблемах того, «как должно быть организовано общество; каким способом люди, живущие в нем, могут быть свободными; как можно управлять "плебсом"». Данная схема Маркса, по Глюксману, базируется на гипотезе, в соответствии с которой «отношения власти по определению выводятся из отношений между вещами». Производительные силы, таким образом, оказываются ни чем иным, как «институтами производства власти», вокруг которых и разворачиваются конфликты современного общества.

Таким образом, историю Андре Глюксман видит как реализацию идей, выраженных в «текстах» великих авторитетов, созданных как «дискурс Властителя», то есть властителей всего информационного и культурного пространства, специально для достижения господства, подчиняющий себе историю.

Андре Глюксман обращает внимание на то, что любая система ценностей начинает действовать в обществе как стереотип удовлетворяющий человеку – это он называет «глупостью» [5]. Главной из таких глупостей Глюксман считает идею блага, на которой построены как левые, так и правые идеологии, и которая показала как свою историческую несостоятельность, так и теоретическую абсурдность [5]. А. Глюксман рассматривает социально-психологическую обусловленность

существования господствующих идеологий и возможность отдельного философа им противостоять, где образцом такого противостояния он считает Сократа [4].

Так же французский философ присоединяется к концепции негативного гуманизма, у истоков которой, согласно его идеям, стоял Декарт: это взгляд на человека не в лучших, а в худших его проявлениях – не идеал, а принятие ужаса реальности. Поэтому позитивная программа Глюксмана пессимистична: уклонение от борьбы и конфликта позволяет избежать катастрофы, реализовать гуманизм и сохранить единичное, но оно обречено на одиночество [5].

В 2006 году вышла актуальная и наиболее яркая работа А. Глюксмана, книга «Философия ненависти». Она заинтересовала читателей тем, что автор акцентирует внимание на проблеме ненависти, заполонившей мир. Акцент в книге делается на общепринятой точке зрения, согласно которой, дикая и необузданная агрессия – это дело прошлого, а ужасы потоков крови и безумия позади. Однако ж, по мысли Глюксмана, – это блажь и иллюзия: все то же насилие, все та же ненависть на наших улицах и в наших сердцах, только люди почему-то решили, что все изменилось.

Более того, в своей работе автор утверждает, что ненависть и насилие только ужесточились с веками, стали изощреннее и чудовищнее. Если еще в середине двадцатого столетия человечество пребывало в ужасе от осознания возможной перспективы ядерной войны, то теперь над человечеством нависла много более страшная опасность – люди-бомбы, смертники без страха и жалости [3]. И, что самое страшное, так это то, что из насилия, заполонившего мир, сделали шоу, при этом люди задумываются о нем только тогда, когда оно обрушивается непосредственно на них, касается каждого персонально, а до тех пор – это спектакль, развлечение, которое очень увлекательно наблюдать со стороны [3].

Нет ничего страшнее, чем отчуждение человека от окружающего мира, от действительности, так как тогда человек полностью растворяется в диктуемых ему условиях бытия, интегрируясь в существующую миросистему столь глубоко, что полностью растворяет свое «Я» в мире образов [6]. Человек растворяется в спектакле, сам становясь его органической частью спектакля. И именно поэтому человек вдвойне, а то и втройне ужасается, когда обнаруживает для себя, насколько этот мир поглощен злобой.

Глюксман считает, что наша страсть к насилию (и, в частности, к ядерному противостоянию) обусловлена биологическими факторами, не подлежащими нашему контролю, что виною всему мы сами, вернее, созданные нами социальные, политические и экономические обстоятельства.

«Стану ли я ненавидеть ненависть? – задается вопросом Андре Глюксман, подводя итог своим рассуждениям, и отвечает, – Ни на волос. Я

обнаружил ее, упертую и грубую, но прежде всего до смерти глупую в своей изначальной воле сравняться с Богом» [2].

Библиографический список

1. Глюксман, А. Кухарка и людоед [Текст] / Андре Глюксман. – Лондон, ORI, 1980. – 248 стр.
2. Глюксманн, А. Философия ненависти [Текст] / Андре Глюксман. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. – С. 13–44, 278.
3. Глюксман, А. Достоевский на Манхэттене [Текст] / Андре Глюксман. – М.: Издательство: У-Фактория, 2006. – 189 с.
4. Лингвистика и аксиология. Семиметрия смыслов и ценностей / Коллективная монография [Текст]. – М.: Тезурус, 2011. – С. 318.
5. Современный французский консерватизм: политическая теория и практика 80-х годов; автореферат и диссертация по философии [Электронный ресурс] // URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения 25.05.2015).
6. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Электронная Библиотека психологии личности [Электронный ресурс] // URL: <http://gumer.info> (дата обращения 25.05.2015).
7. UR: <http://inosmi.ru/russia/20091114/156539603.html> (дата обращения 25.05.2015).
8. URL: <http://encbook.ru> (дата обращения 25.05.2015).
9. URL: <http://ihtik.lib.ru> (дата обращения 25.05.2015).
10. URL: <http://infofolio.asf.ru> (дата обращения 25.05.2015).
11. URL: <http://philosophy.ru> (дата обращения 25.05.2015).
12. URL: [wiki.ru/encyclopedia/Глюксманн \(Glucksmann\) Андре/](http://wiki.ru/encyclopedia/Глюксманн_(Glucksmann)_Андре/) (дата обращения 25.05.2015).

УДК 141.2 + 141.315

ББК Ю25

«ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

***В.О. Беззубов,
Южно-Уральский
государственный университет,
Ю-257***

В представленной работе поднимается проблема войны: рассматриваются новые подходы к пониманию войны, методов ее ведения. Раскрыты философские категории «война», «цивилизация», «вооруженные силы», войны «ниш». Выявлена взаимосвязь между уровнем развития общества и методами ведения войны с точки зрения различных философов современности. Рассмотрена диалектика современных войн.

Ключевые слова: философия войны, вооруженные силы, цивилизация, «войны ниш», вооруженный конфликт, современное общество, диалектика войны.

В настоящее время человечество не может решить проблему войны и мира, однако сохраняется потребность осмыслить соотношение войны и современного общества, необходимость понимания проблемы войны с разных сторон, прогнозирования возможного развития ситуаций.

Сегодня критики обсуждают философское наследие Элвина Тоффлера «Война и антивоина». Тому, кто ознакомится с этой книгой, нетрудно определить, что суть войны есть насилие, ее постоянная, неотъемлемая часть, с постоянно меняющимся содержанием, целями, критериями и орудиями ее ведения.

В своей работе «Война и антивоина» Э. Тоффлер выявляет новый подход к войне и некоторые тенденции в развитии мира:

1. Интеграция, смешение наций приводит к созданию стран с разными этносами и расами, происходит утрата влияния на международные конфликты со стороны стран «арбитров», которые создают условия «игры» на мировой арене.

2. Нарастает напряжение между людьми в борьбе за ресурсы, которое можно определить известной формулировкой Т. Гоббса «война всех против всех».

3. Технологические достижения станут еще одним «яблоком раздора» между странами, что может в итоге привести к исчезновению человечества.

4. Наблюдаются признаки регресса культуры и социальной сферы не только в «черной Африке», а также и в «главном двигателе мировой демократии и прогресса» – США.

5. Переход к новой технологической эре станет эрой войны, подобно всем сменяющимся уровням социального развития.

Именно поэтому проблема войны и мира на современном этапе развития человечества становится крайне значимой, нуждающейся в серьезном осмыслении. И в нашей статье мы предполагаем рассмотреть взгляды и подходы к пониманию категории «война», и соответствие им видов войны как вооруженной борьбы и вооруженных сил, а также новую диалектику современных войн.

В настоящее время война стала невидимой, неосязаемой, все о ней слышат, все ее боятся, но не все видят, а тем временем государства рушатся, народы исчезают. Однако ответ на вопрос «кто и за что ведет сегодня войну?» вполне очевиден, ведь сегодня главным агрессором, инициатором войн являются Соединенные Штаты Америки. США применяют различного рода геополитические стратегии и технологии для устранения своих соперников. Сегодня одну из технологий мы ощущаем на себе, санкции введенные США и Европой в отношении России, как раз и являются рычагом ослабления нации. Таким образом, мы видим, что война на протяжении долгого времени не утратила своей сущности, актуальна и в настоящее время, и будет востребована в будущем.

Рассмотрение категории «войны» неразрывно связано с категорией «цивилизация», которую Э. Тоффлер раскрывает в концепте «смены волн». Согласно идеям философа, способы получения богатства напрямую связаны с уровнем развития цивилизации: Первая волна извлекает богатство из земледелия, Вторая волна – из промышленности, Третья волна – из знаний [6, с. 24–56].

Таким образом, согласно Э. Тоффлеру, цивилизации представляют собой следующее:

1. Все цивилизации сосуществуют друг с другом.
2. Они постоянно находятся в состоянии противостояния друг другу.
3. Каждая цивилизация из-за уровня своего развития обладает собственными специфическими методами ведения войны.

Современный израильский историк Мартин Ван Кревельд [2, 3] провел аналогию армий с типами «цивилизаций-волн», выявив закономерности в уровне подготовки армий и основных типов вооружений: армия «ракет», армия «танков», армия «ножей». Знания в войне доминируют перед массовостью, в тоже время демонстрируют парадокс, «ракеты» способны уничтожить «танки», но в то же время и «ракеты», и «танки» не могут противостоять «ножам».

Кревельд провел анализ современных войн XX и XXI вв. и сделал вывод: «современные государства, даже великие державы, имеющие самые мощные, современные и высокотехнологичные армии неизменно проигрывали войны неизмеримо более слабому, плохо организованному и технологически отсталому противнику. Примеры войн США во Вьетнаме, Ираке, Афганистане и так далее, есть ярчайше тому подтверждение» [2].

Данный парадокс в ведении войны привел к созданию войн «ниш», где войны «в нишах» – самостоятельные войны, но при этом части одной Большой войны.

Полковник Эдуард Месснер в своих высказываниях приводит еще одну разновидность войн – «мятежевойны», которые, по его мысли, являются частью стратегического замысла Большой войны [4, с. 156–173].

Подтверждение этому можно увидеть в вопросах современности, на которые никто из Западных политиков пока не может дать ответ:

- почему блок НАТО двигается в восточном направлении;
- почему США строят базы Национальной ПРО в Чехии и Польше;
- зачем войска США вошли в Югославию;
- зачем создавалось новое НАТОвское государство «независимое» Косово;
- зачем США поставляет оружие Грузии;
- зачем США стремится создать военные базы в космосе?

Ряд этих безответных вопросов наталкивает на следующее понимание политики:

1. На эти вопросы никто отвечать не собирается, но зато будут появляться новые вопросы.

2. Данные вопросы только лишь характеризуют национальную стратегию США, где Европа и НАТО лишь второстепенные игроки, с помощью которых США продвигает свои «ценности» в народы, государства через собственное превосходство в экономической, военной и политической сфере.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все эти доводы лишь – части Большой войны, где США ведут борьбу за свое выживание, пытаются достичь лидерства, грабя остальное человечество, взяв на себя право (и бремя) «арбитра» в разрешении международных конфликтов [7, с. 5–9].

Войны «ниш» носят политический характер, приобретая вид вооруженной борьбы, в силу чего они подвигают к решению новых задач, стоящих перед вооруженными силами государств, к быстрому, гибкому реагированию на возникающие опасности, к формированию способности армии к универсализации, быстрой смене фокуса с одного конфликта на другой. Государство теперь должно заботиться об уровне профессионализма, о составе специальных служб, сил специального назначения, которым теперь необходимо бороться с новыми угрозами и вести войну в «нишах».

Теперь перед силами специального назначения стоят новые задачи: искоренение войн, как вооруженной борьбы, до их абсолютной победы, благодаря ментальному, технологическому, силовому превосходству, знаниям в области ведения войн (в том числе и знания о «нишах» и «войн в нишах»), умению кооперироваться с другими вооруженными силами и структурами гражданского общества.

Таким образом, диалектика современных войн можно сформулировать как различие типов цивилизаций, порождающих межгосударственные, межнациональные и др. конфликты. Конфликты, в свою очередь, распадаются на уровни национальных государств, транснациональных компаний и организаций, стратегия которых

заключается в противостоянии другим, зачастую невооруженным способом. В итоге конфликты приобретают форму войны «ниш», где возникает война как вооруженное столкновение. При этом не исключено, что войны «ниш» не перерастут в более полномасштабное вооруженное столкновение между государствами и нациями.

Сегодня военные вооруженные конфликты между государствами, их объединениями и их вооруженными силами напрямую угрожают Российской Федерации:

1. Не исключено, что в период от 15 до 25 лет Россия может начать противостояние с Китаем на востоке.

2. На западе возможно столкновение с НАТО, если США попытаются заполучить имеющиеся у России ресурсы, либо начнет конфликт из-за сложившейся ситуации с Крымом или Южной Осетии.

3. Возможен конфликт, если США и Китай договорятся о разделе ресурсов Сибири и Дальнего Востока и нападут на Россию.

Все остальное, согласно прогнозам, выльется лишь в войны «ниш», локальные конфликты, которые будут решаться на уровне политических решений. Так как война уже давно ведется в ментальном (политическом, информационном, психологическом) пространстве, то и наша задача состоит в том, чтобы не только осознать и признать этот факт, но выработать соответствующую стратегию, противодействия и наступления. Кроме того, иерархичность войны требует иного подхода к таким категориям как «угрозы», «объекты нападения» (защиты), «оружие войны» и т.д., которые должны рассматриваться в зависимости от боевого пространства.

В целом же, следует понять, что в современных условиях война, как и в традиционном физическом пространстве, имеет свою стратегию и оперативное искусство применительно к действиям на суше, воде и в воздухе, точно так же и военные действия нуждаются в своих специфических стратегиях и оперативных концепциях в ментальном и духовном пространствах. И эти стратегии необходимо создавать или совершенствовать незамедлительно, потому что война в этих пространствах ведется полным ходом.

Библиографический список

1. Владимиров, А. Концептуальные основы национальной стратегии России. Политологический аспект [Текст] / А. Владимиров. – М.: «НАУКА» РАН, 2007 г. – 245 с.

2. Кревельд, Мартин ван Трансформация войны [Текст] / Мартин ван Кревельд. Пер. с англ. – М.: Альбина Бизнес Букс, 2005. – Серия «Военная мысль». – 320 с.

3. Кревельд, Мартин ван. Стенограмма лекции «Война и современное государство», прочитанной 18 сентября 2005 года в рамках проекта «Публичные лекции "Полит.ру"» [Электронный ресурс] // URL: <http://polit.ru/article/2006/09/26/kreveld/> (дата обращения 25.05.2015).

4. Месснер, Е.Э. Всемирная мятежевойна [Текст] / Е.Э. Месснер. – М.: Кучково поле, 2004. – 187 с.

5. Тоффлер, Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века [Текст] / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М.: АСТ: Транскнига, 2005. – 340 с.

6. Тоффлер, Э. Третья волна: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 245 с.

7. Хантингтон, П. Сэмюел. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка [Текст] / Хантингтон, П. – М.: Авенариус, 2001. – 210 с.

УДК 101.1:316

ПАТРИОТИЗМ, КАК МЕНТАЛЬНАЯ ЧЕРТА РОССИЙСКОГО НАРОДА

***В.М. Солодовникова,
Южно-Уральский государственный
университет,
Мн-229***

Статья посвящена проблеме патриотизма как характеристики ментальности россиян. Автор основывается на взглядах таких историков, философов, литераторов, как Л.Н. Толстой, И.М. Губерман, С. Джонсон, Ш. Монтескье и др. Рассматриваются определения понятия «патриотизм», категории «самопожертвование» как одно из проявлений патриотизма, «война» как квинтэссенция патриотизма, «патриотизм» как общая ценностная предпосылка философско-исторических размышлений о русской идее

философии В.В. Розанова, А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, специфика патриотизма в современной ментальности россиян.

Ключевые слова: патриотизм, ментальность, самопожертвование, война, героизм, «русская идея», нравственные ценности.

Как говорил известный британский писатель и публицист Джордж Оруэлл, – «каждое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, и более мудрым, чем последующее». Благодаря развитию научно-технического прогресса мы знаем намного больше, чем предшествующие поколения, мы пользуемся вещами, о которых не могли в то время и помыслить, например, искусственная сетчатка глаза, нейтронные микроскопы, роботы, Интернет и многое другое. Со сменой эпох, как известно, кардинально переосмысливается и наше понимание смысла жизни, основания нашей жизнедеятельности. И сейчас, когда происходит смена ценностных ориентиров и традиций, изменяются интересы, уровень и качество жизни, именно патриотизм становится тем «маяком», вокруг которого объединяются «здоровые» силы нашего общества. Именно патриотизм придает нам силы, вдохновляет и вносит смысл в деятельность людей, помогая им объединяться.

Проанализировав взгляды таких историков, философов, литераторов, как Л.Н. Толстой, И.М. Губерман, С. Джонсон, Ш. Монтескье и т.д., относительного данного понятия мы понимаем, что сущность патриотизма неоднозначна и многозначна. Это объясняется сложной природой данного явления, многоликостью форм его проявлений.

Приведем несколько определений понятия «патриотизм», которые наиболее часто встречаются:

- «любовь к родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям» [1];
- «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [2];
- «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [3];
- «любовь к отечеству, к родной земле, к своей культурной среде. С этими естественными основаниями патриотизма как природного чувства соединяется его нравственное значение как обязанности и добродетели. Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма, которая издревле имела и религиозное значение» [4];
- «эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов» [5].

Как можно заметить, в этих понятиях часто встречаются такие слова и словосочетания, как «любовь», «привязанность», «преданность», «готовность служить». Можно сделать вывод, что патриотизм – это свободное чувство, выраженное в привязанности индивида к семье, к дому, к месту, к друзьям, к языку, к культуре, к традициям, к которой нельзя принудить.

Несмотря на такое множество определений, с нашей точки зрения, наиболее значимый смысл данного понятия заключается в том, что это святое чувство, источник духовной силы, фактор, определяющий социальные, морально-психологические, нравственные и этические качества человека. И во все времена российскому народу, а затем и всем народам, проживающим на территории Советского Союза и России, было привито чувство патриотизма, которое представляет собой фундамент идеологии, сознания и бытия.

Как подчеркивают известные исследователи и писатели, Н.А. Бердяев, В. Франкл, К. Ламонт и др., смысл человеческого бытия – это максимальная взаимопомощь и содействие в решении задач, которые возникают в ходе развития общества и устранению тех противоречий, которые это развитие тормозят, где одним из способов разрешения таких противоречий является самопожертвование.

Самопожертвование представляет собой одно из проявлений патриотизма. Однако это не обязательно только жертвование жизнью, но и добровольное самоотречение от интересов, благ, возможностей во имя достижения высоких целей и жизни. Человек с установкой на самопожертвование обладает чрезмерной ответственностью перед другими, как, например, Франклин Рузвельт, пришедший к руководству страной в нелегкие 1930-е годы великой экономической депрессии. Как известно, он не только вывел страну из тяжелого социально-экономического кризиса, но и заложил фундамент будущего национального благополучия.

Следует подчеркнуть, что патриотизм может проявляться по-разному. Имея единую Родину, каждый любит ее по-своему. Анализируя развитие современного российского патриотизма, мы понимаем, что невозможно выявить основы его становления за пределами конкретного исторического контекста. В историческом плане патриотизм – это некий источник силы народа, его стойкости, нравственности, которые особенно могущественно и безгранично проявляются в самые тяжелые времена, например, в годы войн.

Война – это память, которую нельзя стереть, она вечна. Это беда, сплывающая народы в единое целое. В такие времена люди забывали о личных проблемах, неприязнях и обидах, объединялись и делали все, чтобы защитить страну от врагов, какими бы безжалостными и жестокими они не были.

История Российского государства богата доблестными примерами альтруистического служения народа своему Отечеству. Именно благодаря

верности народа осуществлялись разгром шведов под Полтавой, Альпийский и Швейцарский переходы войск Суворова, взятие ими крепости Измаил, самоотверженная оборона Севастополя, штурм Шипки, разгром фашистской армии в годы Великой Отечественной Войны, антитеррористические операции в Чеченской республике. Тем не менее, преданность Родине у Российского народа не ограничивалась словесными заверениями, а проявлялась в реальных делах и высоконравственных поступках, имеющих созидательное начало. Имеется множество примеров личного патриотизма и отваги отдельных людей, их готовность ринуться на смерть, чтобы защитить свои семьи, свой дом.

Ярким примером является сражение под Салтыковкой 11 (23) июля 1812 г. в районе Смоленска, когда Николааий Николаевич Раевский с двумя малолетними сыновьями встали во главе атакующей колонны и пошли вперед на противника превосходящего их силой. Русская пехота, ошеломленная героизмом и решительностью отца и детей, бросились на цепи французов и враг отступил [6].

Всем известен также массовый героизм народа в Крымской войне (1853–1856), где был проявлен блистательным героизм и бесстрашие. «Наши офицеры, – отмечал очевидец сражения под Балаклавой, – были впереди и подавали блистательный пример неустрашимости. Солдаты шли, не обращая внимания на артиллерийский и ружейный огонь [7].

Патриотизм, любовь к Родине, беспокойство, тревога и боль за нее затрагивает душу и проходит сквозь рассуждение многих признанных и авторитетных мыслителей России XX в., независимо от того, как именно каждый из них представлял себе и оценивал российский путь в истории. Патриотизм был самой общей ценностной предпосылкой более конкретных философско-исторических размышлений о русской идее.

Василий Васильевич Розанов, один из самых ярких и критически ориентированных авторов в русской философии, в сборнике «Мимолетное. 1915 год» писал: «Любить, верить и служить России – вот программа. Пусть это будет Ломоносовский путь» [8]. И никто из философов, вообще-то споривших с Розановым, не возражал ему именно в данном пункте.

А.Ф. Лосев, испытавший на себе превратности судьбы крупного, самобытного мыслителя, жившего в условиях советского режима, писал в 1941 г., что «любящий любит не потому, что любимое – высоко, велико, огромно. Родители любят детей, и дети любят родителей не за высшие добродетели, а потому что они друг другу родные. Благородный гражданин любит свою Родину также не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, выска, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны; мы знаем многие и томительные годы борьбы, недостатка, страданий. Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное: он с этим живет, с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам» [9].

Тот же мотив – ощущение слитности человека, ищущего свое Я и свою индивидуальность, с Родиной, ее судьбой, как бы мучительна и тяжела она ни была, развит в работе С.Н. Булгакова (1871–1944) «Моя родина»: «Нужно особое проникновение и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий» [10].

Преданность России, патриотизм свойствен и тем мыслителям, которые, подобно И.А. Ильину, были изгнаны с родной земли. В статье «О русской идее», опубликованной за рубежом в сборнике статей 1948–1954 гг., Ильин писал: «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле –продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь, подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений, ее творческую идею» [11].

Таким образом, патриотизм занимает своеобразное, и есть основания предполагать, – исключительное место среди явлений духовной жизни россиян. Патриотизм в России имеет целый ряд характерных особенностей, обусловленных неповторимостью ее исторического развития, самой судьбы русского народа, его культуры, образа жизни, менталитета, национального самосознания, богатством этносов, необъятностью территории, многообразием природы, климата и т.д.

Важной закономерностью исторического развития патриотизма в нашем Отечестве является его прерывистый характер: за небывало высоким, всеобщим подъемом, как правило, следует спад, депрессия и даже депатриотизация общества. Одна из главных причин этого – постоянная борьба с патриотизмом и патриотами России значительных сил, как внешних, так и внутренних, заинтересованных в ее ослаблении. Поэтому на протяжении последних столетий, и особенно последнего десятилетия российский патриотизм был вынужден отстаивать свое право на существование и выживание, что не может не восприниматься как парадоксальное явление, непостижимое для большинства стран мира. Ведь крайне важно, как говорил еще один из «великих Рузвельтов», – на этот раз Теодор Рузвельт, – чтобы человек готов был умереть за свою родину, но еще более важно то, чтобы он готов был прожить ради нее свою жизнь.

Так что же такое патриотизм сегодня, какое значение он имеет именно в настоящее время, и как в нас самих проявляется чувство патриотизма? Не взирая на некоторые расхождения во взглядах, думаю все сойдутся в одном, в главном – это любовь к родине, уважение к старшему поколению и память предков, остающихся живыми в сердцах потомков, это «честь» и

«гордость за родину», за тех ее представителей, которые служат примером всем остальным.

Библиографический список

1. Иллюстрированный энциклопедический словарь (малый): энциклопедия [Текст] / Ред.: В.И. Бородулин И.А. Ефрон. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1039 с.

2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов / гл. ред. С.П. Обнорский. 50000 слов. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. – XVIII. – 968 с.

3. Большая советская энциклопедия. – [Электронный ресурс] // URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=8252> (дата обращения 14.05.2015).

4. Педагогический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002.– 528 с.

Политология: энциклопедический словарь / М.: Издательство Московский коммерческий университет 1993 г. – 431 с.

5. Спецпроект православного журнала «Журнал о православной жизни Нескучный сад» – «Война 1812 года: Хроника Ровно 200 лет назад: Один день войны» [Электронный ресурс] // URL: <http://1812.nsad.ru/> (дата обращения 14.05.2015).

6. Россия в середине XIX в. Крымская война (1853–1856). Революционная ситуация 1859–1861 гг. и падение крепостного права [Текст] / Всемирная история. Энциклопедия. Том 6. // URL: <http://historic.ru/history/index.shtml> (дата обращения 14.05.2015).

7. Розанов, В. В. «Мимолетное». Авторский сборник [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Букинистическое издание, 1994. – с. 596.

8. Тахо-Годи, А. А. Лосев [Текст] / А. А.Тахо-Годи. – М.: Молодая гвардия, 2-е издание –2007. – 535 с. – (ЖЗЛ. Выпуск 1276).

9. Булгаков, С.. Моя родина. Статьи, очерки, письма. Русская идея [Текст] / С. Булгаков. – М., 1992 – С. 9.

10. Ильин, А. И. О русской идее / И.А. Ильин. 1948 // [Электронный ресурс] // URL: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=678> (дата обращения 14.05.2015).

11. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». – Красная звезда. – 2005. 31 августа. [Электронный ресурс] // URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата обращения 14.05.2015).

12. Лутовинов, В. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях [Текст] / В. Лутовинов. – М., 1998. – С. 34.

13. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество [Текст] / С.Н.Булгаков. Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей. 1909-1910. – М., 1991. – с. 325.

14. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? [Текст] / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья ; отв. ред. Е.М. Чехарин ; сост. М.А. Маслин. – М. : Наука (М.), 1990 . – 528 с.

УДК 141.2 + 159.923
ББК Ю313 + Ю937

ФЕНОМЕН ГЕРОИЗМА В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

*О.В. Иванова,
Южно-Уральский
государственный университет,
П-265*

В данной статье ставится задача рассмотреть феномен героизма человека. Рассмотреть взгляд на героизм, как с точки зрения философии, так и в аспекте близкой к ней психологии, а также раскрыть содержание самого понятия «героизм» и его структуру как феномена.

Данная статья является актуальной, поскольку, несмотря на то, что в настоящее время осмыслению феномена героизма уделяется всё больше внимания, исследования в данной области еще остаются немногочисленными.

В статье показана классификация героизма, а также взгляд на него с точки зрения психоанализа.

Что же такое героизм? Какой смысл несёт в себе это понятие? Согласно определению, данному в толковом словаре С.И. Ожегова, «героизм – это отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке» [3]. И героизм, несомненно, является феноменом, так как речь о нем идёт тогда, когда человек в определённых условиях преодолевает свои физические, психологические и эмоциональные способности.

В обыденном понимании героизм – это свершение выдающихся по своему общественному значению действий, требующих от человека личного мужества, стойкости, готовности к самопожертвованию. Ключевыми моментами героического поступка являются, во-первых, его общественная значимость, а во-вторых, исключительные личные качества героя.

Что же представляет собой героизм именно с точки зрения *философии*?

В своем восприятии героизма современный человек постоянно сталкивается с некими внутренними препятствиями (иронией, цинизмом, неверием в чужое благородство и пр.), задающими определенную тональность (актуальную или отсроченную) восприятия феномена. Но социально-философский взгляд на феномен героизма предполагает широкий круг проблематики. Это объясняется отображением области функционирования феномена в сферу целеполагания индивида как социального субъекта.

В философии феномен героизма рассматривается как система, которая состоит из двух взаимосвязанных компонентов: антропологического аспекта, где героизм предстает как качество человеческого духа, связанное с внутренней культурой человека, и общеэволюционного, где выявляется функционирование героизма в контексте его культурно-исторического процесса.

Данный феномен имеет непосредственное отношение к возникновению и функционированию когнитивного, ценностного и регулятивного смыслов, которые, согласно смысловой модели культуры, составляют ее онтологическое пространство. Кроме того, героическому началу присущи три основные функции по отношению к культуре – созидательная, защитная и духовного водительства.

Обращаясь к рассмотрению феномена героизма с точки зрения *психологии*, следует отметить, что в этой области научного знания данному феномену на настоящее время посвящено не так много исследований. Это связано с трудностью его экспериментального изучения: для проведения эксперимента было бы необходимо создать условия, представляющие реальную угрозу жизни испытуемого, что недопустимо. Но, тем не менее, к

данному времени уже существует классификация героизма, являющаяся заслугой психолога Синтии Пьюри. Она выделяет три типа героизма:

- Физический героизм – в ситуации, когда человек рискует жизнью или здоровьем ради высоких целей.
- Моральный героизм – когда человек идёт против устоявшихся и общепринятых правил.
- Витальный героизм – в преодолении человеком собственных страхов, фобий или других психических недостатков.

Также существует множество мнений относительно природы героизма и его предпосылок. Например, психолог Филипп Зимбардо полагает, что этот феномен объясняется не чертами характера человека, не его внутренними качествами, а, скорее, имеет больше отношения к среде, и, если создать нужные условия, многие будут вести себя как герои [2].

Согласно современным исследованиям, феномен героизма имеет свою структуру. Так Е. Сеницын этот феномен, изучая его на примерах подвигов лётчиков-истребителей Советского Союза во времена Великой Отечественной войны [4]. Основными достижениями автора являются построенная им модель героического поступка и представленная структура психических факторов, которые входят в понятие героизм.

Модель героического поступка Е. Сеницын представляет построенной по векторному принципу: вектор, который является показателем героизма человека, располагается в системе координат, осями в которой являются факторы этого феномена. Вклады этих факторов выступают в роли случайных проекций многомерного вектора героизма. Чем больше психической энергии приливает к какому-либо фактору героизма (например, к воле), тем больше величина проекции. Положение концов векторов, построенных по этим проекциям, даёт некоторую ограниченную область. Максимум вклада энергии в любой фактор героического поступка также нормирован к единице. Таким образом, например, воля и мужество у человека совершающего героический поступок должна быть не меньше чем значение 0,8. В максимальном случае герой имеет волю и мужество равные 1, а человек, не способный к героическому поступку уступает по факторам воли и мужества, например, в три раза, в результате получаем значение притока психической энергии к воле и мужеству в районе 0,3.

Выделенными факторами героизма, которые являются также и осями в системе координат для построения модели такого поступка, являются: мужество, отвага, бесстрашие и долг, воля, мышление, стремление к подвигу и превосходству, жажда изменить обычаи и традиции, склонность к риску и свободе поступка, стремление дать ответ на вызов обстоятельствам, сила духа, страсть к приключениям, а также страдание.

Поскольку в различных обстоятельствах вклады факторов героизма в психику случайно меняются, то меняется комбинация проекций вектора героизма на соответствующие оси и потому конец вектора героизма

случайным образом перемещается в психическом пространстве. При малых вкладах психической энергии в такие факторы, как мужество, отвага, бесстрашие, чувство долга, человек не способен выйти за пределы обычного поведения, чтобы совершить героический поступок, – полагает исследователь [4].

С точки зрения психоанализа феномен героизма рассматривается как иерархизированная совокупность индивидуально-психических и личностных характеристик. На первом, центральном уровне этой иерархии лежит наиболее стабильная часть таких характеристик, определяющая интенциональность героического поведения. Второй, средний уровень (так называемый «периферический») составляют характеристики, легко изменяющиеся под действием тех или иных факторов. И, наконец, третий, верхний уровень, представлен в достаточно широких пределах, и зависит от различных случайных факторов, являющихся строго индивидуальными.

Из данной иерархичности сделан вывод о том, что базовый уровень, являющийся своеобразным ядром данной структуры, представляет собой характеристики, генетически связанные с бессознательным. Они остаются неизменными и позволяют человеку мгновенно принимать решение в критических ситуациях и также быстро действовать в соответствии с принятым решением [1].

Т.С. Вершинина и Л.Т. Баранская в работе «Психологический феномен героического поведения: психоаналитический подход», размышляя о невозможности упразднить войны, указывают на то, что «...они, будучи сходны с катастрофами и революциями, срывают с людей маски, созданные позднейшими культурными наслоениями; и на арену выходит первобытный человек, таящийся в индивидуе до тех пор, пока разного рода провокациями не будет нанесён удар по системе нравственных ценностей человека» [1].

И действительно, героизм человека проявляется на войне так, как нигде более не проявляется, когда создаются провоцирующие условия для данного феномена. И тогда человек становится способен превозмочь практически любую силу.

Библиографический список

1. Баранская, Л. Т., Вершинина, Т. С. Психологический феномен героического поведения: психоаналитический подход [Текст] / Л. Т. Баранская, Т. С. Вершинина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология . – № 19 (278) . – 2012.
2. Зубцов, Ю. Героизм нашего времени [Текст] / Ю. Зубцов // PSYCHOLOGIES. – №72. – 2013.

3. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Героизм [Текст] // Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – Азбуковник, 1999.

4. Сеницын, Е. Александр Покрышкин – гений воздушной войны. Психология героизма [Текст] / Е. Сеницын. – Новосибирск: Изд. НГАХА, 2008.

УДК 94(470+571) «1941/1945»+141.2
ББК ТЗ(2)622-284.3

ЖЕНЩИНА И ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ

*Д.С. Гаврилова, С.В. Харисова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-251*

Статья посвящена осмыслению образа женщины на войне. Уделено особое внимание философскому, социальному и психологическому аспектам толкования данного образа, а также характерным особенностям поведения женщины в военных условиях. Проанализированы современные источники, в которых представлена женщина как героиня войны. Рассмотрены противоречия, характерные для данной темы.

Ключевые слова: философия, война, женщина, современный кинематограф, подвиги.

Сегодня, все больше выходит фильмов, посвященных военным действиям, а наши современники все чаще обращаются к произведениям художественной литературы военной тематики. И это указывает на то, что интерес к теме войны постоянно возрастает. «У войны не женское лицо», – эти слова, точно передающие безжалостную, противоестественную суть любой войны, давно ставшие крылатыми, содержат философский аспект, который рассматривался в произведениях художественной литературы С. Алексеевич, Б. Васильевым, В. Богомоловым, А. Фадеевым, Г. Николаевой и др.

Издавна сражения, битвы и подвиги считались уделом мужским. Женщинам предназначалось беречь домашний очаг, поднимать детей, создавать уют, нести нежность, покой, тепло и любовь. Но на протяжении истории известно немало случаев, когда женщины бесстрашно отправлялись на войну. Причём не только в качестве медицинского персонала, телефонисток, фотографов, поваров, портних, но и с оружием в руках. Казалось бы, зачем? Что их толкает на это? Каковы их внутренние переживания?

В истории женщины встречаются как женщины-жертвы – в поэме «Слово о полку Игореве», где плачущая Ярославна мысленно стремится к своему мужу [11], так и как женщины-герои, например наши народные героини 1812 года – партизанка Василиса Кожина и кавалерист-девица Надежда Дурова. Именно образ женщин-героев, женщин-солдат вызывал восхищение и уважение и это становилось событием невероятным, порождавшим массу рассказов, слухов и домыслов. Однако с развитием цивилизации стирались различия и в деятельности женщин и мужчин.

В период первой мировой войны, когда силы мужчин были на исходе, женщины устремились на защиту Отечества [4]. Отношение офицеров к женщинам в армии было двояким: с одной стороны, недоверие, скептицизм, настороженность; с другой – снисходительная опека и желание подтянуться, проявить себя с лучшей стороны, оказавшись в женском обществе; с третьей, с самой сильной стороны, – уважение. Подтверждением этого служат воспоминания полковника Г.Н. Чемоданова. В частности, он описывает панику, когда вся рота убежала в тыл, а на передовой остались «девять человек всего, и баба в их числе, телефонистка». «Ну и как она себя держала?» – спросил полковник у ротного, когда тот доложил обстановку. «Молодец баба, не меньше меня ругала и стыдила солдат», – был ответ [9].

После революции политика советского государства способствовала быстрому развитию эмансипации со всеми её последствиями. Идея мужского и женского равенства довела до полного игнорирования особенностей женского организма и психики, в результате чего участие женщин в наиболее тяжелом физическом труде и приобщение их к

традиционно мужским профессиям преподносились общественному мнению как величайшее достижение социализма, как освобождение женщины от «домашнего рабства» [7].

Наиболее быстро идеи эмансипации распространялись в молодежной среде. Призывы и лозунги, такие «Девушки – на трактор!», «Девушки – в авиацию!», «Девушки – на комсомольскую стройку!» подталкивали советских женщин к участию в грядущей войне – Великой Отечественной. И с ее началом сотни тысяч женщин устремились в армию, чувствуя, что способны наравне с мужчинами вынести все тяготы воинской службы. Они устремились туда, потому, что были воспитаны в любви к Родине, на героических символах недавнего революционного прошлого, но имевшие в большинстве своем книжно-романтические представления о войне.

Изучение темы участия женщин в войне фокусирует внимание на проблеме «совместимости» женщины и войны. Женщина считалась непригодной к мужским занятиям, в том числе и для войны, в первую очередь из-за своих психобиологических особенностей – слабости, меньшей устойчивости по отношению к стрессам, материнства. Здесь можно привести цитату Гегеля: «...если женщины находятся во главе правительства, государство находится в опасности, так как они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения. К женщинам образование приходит неведомыми путями, как бы в атмосфере представления, больше из жизни, чем посредством приобретения знаний, тогда как мужчина достигает своего положения только посредством завоеваний мысли и многих технических усилий ...» [2].

От женщины требовалось на войне скрыть все, даже самые святые чувства – материнские, чувство любви, заботы. Но не только проблема несоответствия женской природы, но и чисто мужское окружение, в котором приходилось обитать в течение длительного времени, создавало для женщин немало проблем. Чтобы научиться убивать, женщине надо научиться убивать собственную женственность, собственную душу. Кратко, но очень выразительно этот подход был сформулирован в книге Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо»: «Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания... Если мужчину война захватывала как действие, то женщина чувствовала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии; бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила мужской быт войны» [1]. О несоответствии женщины и войны высказывается снайпер Ю. Жукова: «Когда посмотришь на войну нашими, бабьими глазами, так она страшнее страшного» [2]. Все это только подтверждает, что женщина обладает более тонкой организацией, которая не соответствует войне в целом.

Также послевоенная психологическая реабилитация у женщин проходила сложнее, чем у мужчин. «Мужчина, он мог вынести, – вспоминает бывший снайпер Т.М. Степанова. – Он всё-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда всё могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего, тогда всё могла» [1]. Вернувшись с фронта, в кругу своих ровесниц они чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть.

Несмотря на боль, которую война причиняла женщине, женщина была проблеском воспоминаний о доме. Следовательно, существовала величайшая потребность душевного созерцания женщины. Это замечали и сами фронтовички. «Женщина на войне... Это что-то такое, о чем еще нет человеческих слов, – говорит бывшая санинструктор О.В. Корж. – Если мужчины видели женщину на передовой, у них лица другими становились, даже звук женского голоса их преображал» [1]. Можно сказать, что присутствие женщины на войне, особенно перед лицом опасности, вдохновляло мужчин, делало их более храбрыми, бесстрашными.

В современном мире образ женщины на войне пользуется популярностью среди режиссеров и писателей. Совсем недавно, 20 февраля 2015 года, вышел полнометражный художественный фильм «Батальонъ», посвящённый женским батальонам смерти, созданным в период Первой мировой войны. Продюсер Игорь Угольников задумал показать сюжет о доле женщин периода Первой мировой войны, когда впервые в истории женщины были объединены в воинское подразделение – женский батальон смерти Марии Бочкарёвой [7].

Действие происходит весной 1917-го года, где в окопах под Сморгонью, когда противостояние с немцами длилось уже не один год, вели свою пропаганду большевики. Российское офицерство фактически не могло решить, как действовать дальше, армия была на грани поражения. По приказу Временного правительства для поднятия боевого духа создаётся женский «батальон смерти» под командованием георгиевского кавалера Марии Бочкарёвой. В ряды этого батальона записывались, прежде всего, женщины-военнослужащие из фронтовых частей, но также и женщины из гражданского общества – как и простые работницы, так и знаменитые дворянки.

Солдаты женского батальона демонстрировали решительность, бесстрашие, несли дух победы и силы. Это отражается в словах их гимна: «Мы не хотим измены, стоим за свой очаг! Мы отреклись от жизни, у нас одна мечта: Служить своей Отчизне и победить врага». Своей службой «батальон смерти» подавал пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимал дух других частей.

Еще одним примером из кинематографа, где проявляется данная тема, является фильм режиссера Станислава Ростоцкого по одноименной повести Бориса Васильева «...А зори здесь тихие». В фильме показывается весь трагизм, драматизм, вся жестокость войны, но также смелость, отвага, самопожертвование и героизм слабых, как нам кажется, женщин. Этот фильм о подвиге не просто русского народа, а о подвиге женщин; о том, как хрупкие создания, которым издавна приписывались самые разнообразные слабости, сражались с немцами, не хуже мужчин отражая вражеский огонь.

В период Великой Отечественной Войны в армии служило 980 тысяч женщин [5], а просились на фронт еще больше. Не все они оказались на передовой; были и вспомогательные службы, где требовалось заменить ушедших на фронт мужчин, и службы «чисто женские». «Соединение» войны и женщины переворачивает все смыслы, заставляет изменить привычное восприятие реальности.

Сейчас женщина на войне осмысливается наравне с мужчиной и играет не меньшее значение. В настоящее время, например, девушкам нашей Родины решили дать «зеленый свет» на службу в армию. Многие в парламенте РФ считают, что такой ход заставит мужчин больше «стыдиться» и подвигнет их на более ответственное отношение к службе [6]. В последние годы значительно увеличилось число девушек, решивших вступить в ряды вооруженных сил России. По данным статистики, сегодня 10 процентов численности всего личного состава ВС РФ составляют женщины. Однако стоит напомнить, что слабый пол не призывают на армейскую службу без личного согласия.

Все же женщина на войне – не правило, а скорее исключение [10], ибо «у войны – не женское лицо».

Библиографический список

1. Алексиевич, С. У войны не женское лицо [Текст] / С. Алексиевич. – Время, 2007. – С. 176-177 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права [Текст] / Гегель Г. В. Ф. - §166
3. Жукова, Ю.К. Девушка со снайперской винтовкой [Текст] / Ю.К. Жукова М., 2006. – 145 с.
4. Кобзев, И. Женский батальон смерти . Памятники Отечества: Полное описание России [Текст] / И. Кобзев // Альманах. 33. – Удмуртия, 1995.– 150–153 с.
5. Мурманцева, В.С. Советские женщины в годы Великой Отечественной войны [Текст] / В.С. Мурманцева - М.,1974. – 154 с.
6. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России [Текст] / Е.С. Сенявская – М.: РОССПЭН, 1999.– 383 с.

7. Угольников, И. «О Батальоне» / «Лента.ру», 2015 [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/17/ugol/> (дата обращения 21.05.2015)

8. Чемоданов Г. Н. Последние дни старой армии [Текст] / Г. Н. Чемоданов – М.:Л., 1926. – 110 с.

9. URL: http://bookz.ru/authors/bez-avtora/slovo-o-_747/1-slovo-o-_747.html (дата обращения 21.05.2015).

10. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-102972-kak-popast-v-armiyu-zhenshchine> (дата обращения 21.05.2015).

УДК 141.2 + 37.035.6 + 94(470+571) «1941/1945»
ББК ТЗ(2)622 + Ч400.522

ОБОЖГЛА НАШЕ ДЕТСТВО ВОЙНА

*А.О. Главщикова, К. С. Локтионова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-251*

Данная статья посвящена изучению положения детей во время Великой Отечественной войны. Как прожили дети эти годы, что им пришлось пережить, – всё это мы попытались изложить в данной статье.

Колоссальные людские потери понесла наша страна во время войны. Общие потери приблизительно около 26,6 млн. человек, и более половины это мирное население, то есть дети, женщины и старики. Но именно детям было тяжелее всего. Представить всю глубину страданий этих людей нам

помогают архивы, воспоминания ветеранов, фото и видео документы.

Ключевые слова: дети войны, эвакуированные дети, концлагеря, сын полка, дети-сироты, политика властей, тимуровское движение.

*Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли!
В поле, в оккупации, в плену,
Продержались, выжили, смогли!*
В. Салий

«Война...», – какое же страшное это слово. Но еще страшнее звучит словосочетание «дети войны». Именно на их маленькие плечи легли совсем не детские невзгоды военных лет. Но многие не сломались под тяжестью этих бед, а наоборот стали сильнее духом, отважнее, выносливее. Они показали, как может любить маленькое детское сердце свою Родину и ненавидеть ее обидчиков. Они не знали родительской ласки, у них не было игрушек, они не играли во дворе. Эти дети были лишены детства, им пришлось рано повзрослеть. В это не верится, но это было. Было в истории нашей страны, было в судьбах ее маленьких граждан – самых обычных мальчишек и девчонок.

Сколько же потерь принесла нам война? Ни одну семью не обошла она стороной, у каждой есть своя история. А сколько же в то время осталось детей без родителей? Много, очень много.

Дети теряли родителей, братьев и сестер. Часто напуганные, они не один день сидели рядом с холодными телами погибших родных, ожидая решения своей участи. Хорошо, когда они попадали в детдом, чаще – их ждали концлагеря. Но многие боролись с фашизмом, и становились дочерьми и сыновьями полков.

Государства всеми силами пыталась помочь осиротевшим детям. С первых дней войны заботу об этих детях взяли на себя простые люди, которые были рядом в этот момент. Не редко детей забирали на воспитание домой. Местные власти пытались помочь в устройстве детей-сирот и детей, потерявших родителей, стремились не допустить детской безнадзорности. Государство, в свою очередь, реализовывало специальные законопроекты по усыновлению детей-сирот.

Несмотря на нехватку финансовых и людских ресурсов для обеспечения обороноспособности страны, государство никогда не бросало детей «на произвол судьбы» и как могло, облегчала их участь [5, с. 3].

В Челябинскую область во время войны было эвакуировано около 427 тысяч человек, среди них детей было около 35 тысяч.

Главная проблема, которая возникла на территории Челябинской области, да и не только в Челябинской области, а везде, куда эвакуировали такое количество людей, это было жилье. Нужно было где-то разместить всех людей, предоставить им места работы и пропитание.

Много детей, эвакуированных в Челябинскую область из других городов, попали в детские дома. Перевозили детей в холодных вагонах, иногда даже вместе со скотом. При перевозке детей не хватало белья, еды, мыла, одежды и обуви. Многие дети зимой приезжали в худых башмаках, в рваной одежде без белья.

Вот выписка из документа секретаря Челябинского обкома ВКП(б) о халатном отношении к детям:

«В Глядянском районе размещено 350 человек детей эвакуированных из Ленинграда. При приеме детей на ст. Курган оказалось 7 человек обмороженных, которых тотчас поместили в Курганскую больницу, у двух из них пришлось ампутировать ноги» [11]. После этого руководители требовали провести расследование и наказать виновных.

После окончания войны, многие дети вернулись к себе на родину, но некоторые из них вернулись потом обратно в Челябинск, потому что дома не осталось никого из родных и друзей. Тяжкие испытания, выпавшие на долю взрослых, прошедших застенки концлагерей, не обошли стороной и детей. Их не сравнишь с работой в поле или на заводе у станка.

Война отучила детей плакать, а смеяться они разучились. Фашисты стреляли в детей ради забавы. Им нравилось смотреть, как маленькие дети разбегаются в разные стороны или выбирали себе живую мишень, чтобы потренироваться в меткости. Ведь детей можно убивать, – рассуждали фашисты, – они еще слишком маленькие для тяжелых работ, а значит бесполезные. Хотя работа находила детей в лагерях. Например, выносить человеческий пепел из крематория и зашивать его в мешки. Заключение в лагерях дети даже были донорами для фашистских солдат.

Фашисты пригоняли в концлагеря тысячи детей. В основном это были еврейские дети, дети убитых солдат, дети-партизаны. Большинство из них погибали в газовых камерах [8, с. 1]. На захваченных территориях детей расстреливали вместе с родителями, сжигали в домах. Над ними издевались, хоронили заживо, сажали в тюрьмы, концентрационные лагеря, над ними производили различные опыты. Детей уничтожали самыми изощренными и особо мучительными способами [5, с. 1].

Мы никогда не узнаем точное число умерших детей в концлагерях. От них остались лишь горы маленьких ботинок и игрушек. И как после такого можно говорить о человечности. Это были не люди, а самые настоящие изверги, которые не видели страданий, они этого просто не замечали. Ведь у многих тоже были дети. Они даже и не задумывались о том, что если бы их дети оказались на месте пленных и над ними также бы издевались.

Одно из главных событий в Великой Отечественной войне – период блокады Ленинграда. Это время было очень трудное для всех, но сложнее всего было детям. Как объяснить им то, что происходит вокруг? Куда уехал папа? Почему нет еды? Почему страшно выходить на улицу?

Каждый ребенок пережил свою историю жизни в блокадном городе. Наравне со взрослыми они отстаивали город. Они тушили пожары, дежурили на вышках, носили воду. У многих блокадных детей родители умирали на их глазах. Дети не боялись взрывов, потому что привыкли к ним, а умирающие люди для них обычная картина. Но все они мечтали о том, что когда-нибудь проснувшись, они больше не услышат взрывы гранат и стоны умирающих людей, их разбудят мама и папа, они вкусно и сытно позавтракают и побегут играть с друзьями во дворе. И поэтому, преодолевая слабость от голода, в лютой мороз, под обстрелами и взрывами они пытались жить дальше [4, с. 4]. «Все для фронта, все для победы!» - под этим лозунгом жили не только взрослые, но и дети.

Война коснулась каждой семьи, забрав сильное мужское плечо, в лице отца или сына, брата или мужа, или всех сразу. И именно поэтому женщины и дети каждый день работали на колхозных полях, на заводах, отдавали последнее силы, чтобы хоть как-то облегчить жизнь солдат.

В первые дни войны резко сократились трудовые ресурсы в сельском хозяйстве. Для восполнения рабочей силы к работе привлекались женщины, подростки и старики. Труд на колхозных фермах в годы войны – подвиг, потому что война не оставила в деревнях трудоспособных мужчин, и все работы в полях легли на хрупкие плечи женщин и детей.

Пионеры и школьники сельских поселений работали в поле и на фермах, в обозе с хлебом и на заготовке кормов. Многие школы опустели, потому что школьники, не жалея ни сил ни времени, работали в полях. Какие только работы не делали сельские школьники. Они создавали посты по охране хлеба, проводили проверки в колхозах на готовность к полевым работам, ухаживали за скотом, протравливали зерно, проверяли его на всхожесть, делали щиты для снегозадержания [1, с. 54].

Трудно представить, как тяжело было детям в полях. У многих не было теплых вещей или обуви, босоногие они вспахивали огромные поля, а от холода обветривалось лицо. Силы были на исходе, но сдаваться было нельзя, нужно было дальше идти к победе.

В самом начале войны мужчины ушли на фронт, и тогда стало некому работать на заводах. И этот тяжелый труд упал на плечи подростков. В войну детей стали призывать на заводы, как взрослых в армию. Большинству было около 14–16 лет, но встречались и дети возраста около 11 лет, они помогали своим старшим товарищам.

Без отдыха дети трудились и на швейных фабриках, в обувных мастерских, брали заказы домой, лишь бы хоть как-нибудь помочь солдатам. Во многих городских школах страны были созданы детские

производственные мастерские, в которых изготавливали различную продукцию, в том числе и такую, которая шла для оборотных предприятий.

Также выросла численность детей, работавших на оборонных предприятиях. Тяжела была работа на заводе, многие взрослые не могли вытерпеть такие большие нагрузки и ужасные условия труда, а что тогда говорить о детях. Но, не смотря на всё невзгоды, дети продолжали трудиться не покладая рук.

Из-за всех тяжестей войны дети начали быстро взрослеть и заменили своим братьям и сестрам погибших родителей. Именно дети на войне помогали держаться на плаву, а в дальнейшем и восстановить хозяйство и поднять страну на ноги [6].

Во время войны взрослым было не до детей. Они целыми днями работали на заводах, пытались хоть как-то прокормить семью и помочь бойцам. Дети были предоставлены сами себе. Следили за младшими сестрами и братьями, помогали по дому, а кто был постарше, те шли на заводы и работали наравне со взрослыми. Удельный вес молодежи на заводах в г. Челябинск в то время составлял: около 40 процентов на ЧТЗ, 60 процентов на заводе «Калибр» и 80 процентов на заводе имени «Коллющенко».

«Юные руки ковали победу» этот лозунг показывает, какой вклад внесли в победу младшее поколение страны. Для страны каждая рабочая сила была бесценна. Чем быстрее шло производство, тем быстрее мы продвигались к победе. Так, например, годы Великой Отечественной на всю область, и Урал гремело имя Василия Гусева, его бригада много раз становилась победителем в областном соревновании фронтовых комсомольско-молодежных бригад Наркомата танковой промышленности. Переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомата танковой промышленности бригада Гусева до самой Победы не уступала никому. Оно осталось в бригаде на вечное хранение. Вот что вспоминает сам Василий: «Мое детство прошло в эти трудные годы, когда я в 1940 году окончил ФЗУ г. Ленинграда и с началом Великой Отечественной войны в 1941 году был эвакуирован в г. Челябинск с Кировским заводом для выполнения оборонных заказов по выпуску танков. Моя фронтовая бригада токарей подняла выработку до четырех норм, а затем, став лучшей на заводе стала выполнять около пяти норм ежемесячно. Более девяти раз мы выходили победителями в областном соревновании молодежных бригад и дважды завоевывали первенство во Всесоюзном соревновании. Работали, не считаясь со временем, а ведь нам было по 14–15 лет».

В годы войны в Челябинске было 7 училищ и 6 школ фабрично-заводских и ремесленных училищ. И уже в 1942 году было подготовлено и выпущено около 6 тысяч молодых специалистов. Они трудились на заводе, выпускали корпуса для снарядов, шины и другие детали. Многие подростки специально шли работать на заводы, чтобы помочь прокормить семью, ведь

на заводах они получали государственную поддержку. Им выдавали одежду, кормили 3 раза в день. Для того времени это был очень хороший вариант, чтобы не умереть с голоду. Питание, не смотря на трудности военного времени, было 3-х разовое. Когда садились за стол, каждый получал алюминиевую чашку и ложку. Хлеб выдавали учащимся – 700 граммов в сутки, а преподавателям – 600 граммов. Для сравнения, не считая того хлеба, который выдавали по карточкам, на зарплату рабочего, это примерно около 700 рублей, можно было купить 3 буханки хлеба или 20 килограмм картошки. Это очень мало для семьи, и тем более надо было прокормиться месяц. О мясе и рыбе можно было только мечтать, сладостей тоже не было. Очень редко выдавали сахар, в основном это был сахар-заменитель. Для того, чтобы хоть как-то восполнить запас витаминов варили хвою из шишек, иголок и веточек. В этом настое был витамин С, который хоть чуть-чуть прибавлял энергии маленьким исхудавшим детям.

И даже не смотря на такую поддержку со стороны государства подросткам, которые работали на заводе, было очень тяжело. Работали в холодном помещении, где руки порой примерзали к станку. От голода и большой физической нагрузки, дети падали в обморок и даже умирали, ведь работали они по 12–16 часов.

Но, не смотря на все невзгоды, школьники активно оказывали помощь фронту: собирали металлолом, в школьных мастерских изготавливали продукцию, которая шла для оборотных предприятий, отправляли посылки бойцам, выступали в госпиталях, чтобы развеселить и подбодрить дух раненых солдат, помогали семьям фронтовиков. Это был их посильный и очень важный вклад в Победу [7, с. 1].

Также в то время существовали Тимуровские движения. Дети помогали старикам, которые остались одни, семьям фронтовиков, собирали лекарственные растения, собирали посылки бойцам и сделали много других добрых дел. В одной лишь Челябинской области в 1942–1943 году 3138 тимуровских команд, объединявших 28 тысяч учащихся, помогали свыше 15 тысячам семей фронтовиков.

Самая знаменитая команда в Челябинской области, была команда бабушки Рычковой (бабушки Шуры) из Пласта. Из справки секретаря обкома ВЛКСМ о тимуровской команде А.П. Рычковой от 1 декабря 1943 года известно, что за время Отечественной войны тимуровская команда собрала 200 тонн металлического лома, собрали и сдали в фонд красной армии 81000 рублей, собрали и сдали на создание танкового корпуса 55000 рублей, собрали и послали 1304 индивидуальных посылок на Северо-западный фронт, вручили 1713 подарков раненым бойцам, собрали и послали для освобожденных районов 3000 вещей, оказывали помощь 570 семьям, приобрели 2 лошади для оказания систематической помощи семьям фронтовиков в подвозе топлива, корма для домашнего скота. Перечислять

их добрые дела можно до бесконечности. Более 300 благодарственных писем пришло в их адрес от бойцов и командиров Красной Армии [10].

Говорят, что детей на войне не бывает. И это на самом деле так. Разве может ребенок взять оружие и добровольно пойти на фронт? Нет, это уже не ребенок, это настоящий взрослый человек. Поэтому на войне дети работали и сражались «по-взрослому», как в действующей армии и тылу, так и в партизанских отрядах. Было обычным делом, когда дети прибавляли себе возраст, год или два, чтобы пойти на фронт. Многие из них ценой своей жизни собирали оставшиеся на поле боя патроны, пулеметы, гранаты, винтовки и передавали их партизанам. Многие занимались партизанской разведкой. Помогали пленным бежать из своих тюрем, находили фашистские гарнизоны и доставляли командованию ценные сведения, поджигали их склады с оружием и продовольствием.

На Великой Отечественной войне очень часто были дети, которые лишились родителей, поэтому и пошли на фронт. Это был лучший вариант для них, потому что если бы они оставались в городе то, либо умирали от голода, либо попадали в плен. Кроме того, фашисты забавлялись и кидали голодным детям кусок хлеба, а потом стреляли из автомата. Поэтому части Красной Армии, когда проходили по таким территориям, очень трепетно относились к этим детям и часто забирали их с собой [3, с. 3].

Подвиги детей на войне заслуживают не меньшего уважения, чем подвиги взрослых. За боевые заслуги многие были награждены медалями и орденами, а были даже те, кто был удостоен звания Героя Советского Союза, некоторые дети были награждены посмертно. Например, 14-летний Валя Котик был партизаном-разведчиком в отряде имени Кармелюка. Он – самый юный герой СССР. Валя Котик погиб в 1944 году, через 5 дней после того, как ему исполнилось 14 лет.

А что же происходило с психикой ребенка в то страшное время? Ведь каждый день дети видели трупы, и боялись оказаться на месте погибших.

Долгое время внутреннее состояние, детей, их чувства и переживания, отношение к противнику упрощались, считалось что дети, как и взрослые, должны были испытывать чувство патриотизма, ненависть к врагу, гордость за свою страну. Эти чувства были распространены и упрощались советской пропагандой. Но при этом не учитывались возрастные особенности детей. Ведь когда дети убегали на фронт, в них было чувство не только патриотизма, но и было чувство героизма, ненависти, они хотели придать общественную значимость своим поступкам.

Но самое страшное это, то какое влияние оказало война на еще неокрепшую психику детей. После окончания войны, потребовалось много времени, чтобы прийти в себя. Многие пытались, как можно быстрее забыть все эти страшные моменты, но у них это не получалось. У многих на всю жизнь остались нервные и психические заболевания. Поэтому сейчас уже

взрослые люди с неохотой и волнением рассказывают подробности того страшного времени [8, стр. 25–31].

В годы Великой Отечественной войны мировоззрение всех детей нашей страны было схоже. Все они были патриотами своей страны, и поэтому делали все, что было в их силах, для того, чтобы наша страна одержала победу. Само слово «фронт» вдохновляло ребят. И не смотря на все трудности, с которыми столкнулась наша страна во время войны, дети еще продолжали учиться. Многие школы, конечно, перестали работать, потому что мужчины ушли на фронт, а женщины выполняли их работу. Но остальная часть школ все же продолжала работать, хотя и не по полной программе. В основном занятия проходили в вечернее время, так как днем дети помогали взрослым. Учебников не было, а из-за нехватки бумаги писали на старых газетах между строчками.

Учебные программы военного времени, безусловно, изменились. В школах стали глубже изучать темы, связанные с военной тематикой: опасные вещества, военные карты, техника и терминология, сельское хозяйство. Учителя уделяли большое внимание патриотическому воспитанию школьников во время уроков и после них. Но дети продолжали заниматься и творчеством. Они ходили в кино, театр, участвовали в конкурсах художественной самодеятельности. Выступали в госпиталях, чтобы развеселить и подбодрить дух раненых солдат. Помогали писать письма домой, «аза это бойцы то кусочек хлеба дадут, то сахаром угостят» [9]. У этих «детей войны» не было детства, но в дальнейшем у многих было ещё хуже, т.к. потребовались многие годы, чтобы пережить эти страшные моменты.

Но благодаря таким отважным детям, в 1945 году мы одержали победу, которую столько лет ждали все: дети, женщины, солдаты на фронтах, старики, ведь война – это не только человеческие жертвы и потери в бою, это и нравственные потери. И теперь, когда уже столько лет прошло с того момента, как прекратились взрывы и наконец наступило мирное время, мы будем помнить те страшные годы, которые пережили люди. Мы будем гордиться нашими героями-детьми, которые даже не подозревали о своем героизме.

Библиографический список

1. Алещенко, Н. М. Во имя победы [Текст] / Н.М. Алещенко. – М.: Просвещение, 1985 г. – 160 с.
2. Бахарев, К. Банка варенья [Текст] / К. Бахарев // Российская газета-неделя. -2010. – № 5102. – 6 полоса.
3. Дети во время войны [Электронный ресурс] // URL: http://zmt001.ucoz.ru/index/deti_vo_vremja_vojny/0-7 (дата обращения 15.05.2015).

4. Дети и блокада [Электронный ресурс] // URL: <http://www.filipoc.ru/heroes/deti-vo-vremya-blokadyi-leningrada-> (дата обращения 15.05.2015).

5. Дети и подростки в годы Великой Отечественной Войны [Электронный ресурс] // URL: <http://studik.net/deti-i-podrostki-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-materialax-stavropolskogo-kraja/> (дата обращения 15.05.2015).

6. Егоров, Т.Г. Отражение Великой Отечественной войны в детском изобразительном творчестве [Текст] / Т.Г. Егоров // Советская педагогика. – 1943. – № 10.

7. Московские школы во время войны [Электронный ресурс] // URL: <http://prosvpress.livejournal.com/55282.html> (дата обращения 15.05.2015).

8. На войне дети, военное детство. Подвиги детей на войне [Электронный ресурс] // URL: <http://fb.ru/article/147078/na-voyne-deti-voennoe-detstvo-podvigi-detey-na-voyne> (дата обращения 15.05.2015).

9. Гос. учрежд. «Объединённый государственный архив Челябинской области» (ОГАЧО): Коллекция выставочно-экспозиционного зала.

10. Гос. учрежд. «Объединённый государственный архив Челябинской области» (ОГАЧО) // Ф. П-485. – Оп. 1. – Д. 996. – Л. 34–35.

11. Гос. учрежд. «Объединённый государственный архив Челябинской области» (ОГАЧО) // Ф. П-485.– Оп. 5. – Д. 221. – Л. 2.

УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Н.М. Кодулев
Южно-Уральский государственный
Университет,
Мн-229*

Статья посвящена анализу попыток фальсификации истории Великой Отечественной Войны в современном мире. Основной акцент сделан на контрастном сравнении трудностей и ужасов войны, которые пришлось преодолевать советским людям – с одной стороны, и циничности заявлений на этом фоне современных фальсификаторов истории, как на западе, так и на территории бывшего СССР – с другой стороны.

Ключевые слова: фальсификация, Великая Отечественная Война, нацизм, фашизм, СССР, справедливость.

*Безбоязненно глядеть в глаза действительности
и ее отражению – правде-истине, правде объективной
и, в то же время, сохранять и правду-справедливость,
правду субъективную – такова задача всей моей жизни.
Николай Михайловский*

В этом году в нашей стране широко отмечается семидесятилетие со дня окончания Великой Отечественной Войны. Прошло более полувека с той поры, когда Советские войска в 1945 г., захватив столицу Третьего Рейха – Берлин, принудили Германское верховное командование подписать Акт о безоговорочной капитуляции. С той поры, особенно в нашей стране, дата 9 мая, отмечается как День Победы². Эта же дата ознаменовала окончание Великой Отечественной Войны, начавшейся 22 июня 1941 г. и продолжавшейся 1418 дней и ночей.

Тогда, семьдесят лет назад, это был великий праздник, как для граждан Советского Союза, так и для многих людей в освобождённой советскими и союзными войсками Европе, для узников освобождённых концлагерей, тысяч военнопленных с обеих сторон, простых жителей пострадавших от войны. Главным было то, что самая страшная и разрушительная война в истории человечества подошла к концу. Для советского народа, выполнявшего в этой войне миссию освободителей, эта победа была не просто победой в войне, а именно торжеством справедливости и проявлением невиданной стойкости и силы духа.

После, казалось бы, фатального поражения 1941–1942 гг., что проявилось в потерях техники, авиации и личного состава, оставлении западных и южных промышленных и сельскохозяйственных районов страны, в невероятных условиях советский народ сумел переломить ход войны – заставил противника отступить на всех фронтах и уничтожил врага в его логове. За первые месяцы войны из-за больших потерь в технике и личном составе, ошибок допущенных командованием, плохо налаженного обеспечения и связи, тысячи военнослужащих РККА попадали в окружения, а затем в плен [1]. Промышленные предприятия и население экстренно эвакуировалось из крупных городов на восток страны. Солдаты сражались в нечеловеческих условиях против немецких танков и авиации, не имея

² Акт о безоговорочной капитуляции Германских вооружённых сил был подписан представителями Верховного командования Вермахта, верховного командования Западных союзников и Советского Союза. 7 мая в 02:41 (по средневропейскому времени) «Акт о капитуляции» был подписан в Реймсе начальником Оперативного штаба Верховного командования германской армии, генерал-полковником Альфредом Йодлем. Капитуляция нацистской Германии вступила в силу 8 мая в 23:01 (по средневропейскому времени). Однако, по требованию Сталина, 8 мая в пригороде Берлина Карлсхорст состоялась церемония вторичного подписания капитуляции. Дата официального объявления о подписании капитуляции (8 мая в Европе и Америке, 9 мая в СССР) стала праздноваться как День Победы соответственно в Европе и в СССР.

тяжелого вооружения, боеприпасов и продовольствия, уступая противнику в маневренности. Многие командиры, назначавшиеся в войска, после поражения кадровой армии на границе, были молодыми мальчишками, вчерашними выпускниками военных училищ, без боевого и командного опыта [1, 2]. Гуманитарные и эвакуационные конвои, как на море, так и на суше постоянно обстреливались и уничтожались немецкой авиацией и подводными лодками [3, 4]. Полевые госпитали были переполнены ранеными, врачам приходилось делать очень сложные операции, подвергаясь постоянным авианалетам и артиллерийским обстрелам [2]. В тылу, в форсированном темпе, разворачивались эвакуированные заводы и промышленные предприятия. На этих заводах, а так же в колхозах работали подростки и обессилившие женщины, проводившие своих отцов, мужей и сыновей на войну [3].

При этом советский оборонный комплекс выпускал первоклассную военную технику, которая в итоге превзошла германскую, обеспечив победу на фронтах войны [14]. На оккупированных территориях, германскими подразделениями СС и регулярными частями, сформированными из уголовников и националистов, проводились жестокие карательные рейды против мирного населения. Пленные солдаты и гражданское население, оказавшиеся в концлагерях погибало в результате пыток и нечеловеческих условиях существования [5, 6]. На главных направлениях, таких как Ленинградское, Ржевско-Вяземское (Московское), Сталинградское, где велись основные боевые действия, ежедневно гибли сотни солдат и офицеров. Против Советского Союза сражались не только немецкие войска, но также румынские, венгерские, итальянские, испанские, французские, хорватские подразделения. Само германское командование уже предвкушало скорую победу и готовилось к параду на Красной площади [2, 3].

Однако, несмотря на нечеловеческие условия и казавшуюся безысходность, враг был остановлен в битве под Сталинградом в 1942 г., а затем под Курском в 1943 г. После чего началось освобождение захваченной нацистами Европы. На улицах освобождённых городов Украины, Белоруссии, Югославии, Чехии и др. советские войска встречали радостные жители с букетами цветов. В самой немецкой армии, после Сталинграда, была подорвана воля к борьбе, а после битвы на Курско-Орловской дуге, окончательно сломлена вера в победу. На фронтах, немецкие, румынские и венгерские солдаты уже не хотели умирать и замерзать в далёкой и дикой, как они считали, России, ради несбыточных целей, преследуемых нацистским правительством.

Идеология фашизма и нацизма, воспетая и реализованная в Германии 30-х годов XX в., считается величайшим затуманивание массового рассудка, идеологией обмана и контроля над целыми нациями [6]. Именно после поражений нанесенных Советскими войсками армиям Вермахта на фронтах

Великой Отечественной, сознание у немецких солдат и их близких, европейской общественности стало постепенно меняться. Для них стали явью ужасы войны, ведь до нападения на СССР, германская военная машина, одерживала достаточно легкие победы. И лишь на Восточном фронте проходили крупнейшие и значимые сражения Второй Мировой войны, где Советская армия с 1942 г. постоянно вела наступление. Стало явью и то, что может существовать и иная правда, помимо идеологии высшей расы – правда торжества справедливости. Поэтому, значимость Победы состоит в том, что находясь на краю гибели и полного уничтожения, наш народ, неся огромные потери, приложил невероятные усилия, проявил чудеса героизма и силы доблести и духа, сплотившись, сумел сломить напор врага и положить конец его планам мирового господства.

В христианской религии, существует убеждение, относительно того, что одним из самых страшных грехов, является грех причинения намеренного зла другому человеку. Именно такое подобное греху преступление, совершила фашистская Германия, первой напав на нашу страну в июне 1941 г. Нацистская верхушка во главе с А. Гитлером преследовала планы, мирового господства, подчинения и уничтожения низших, как они считали народов (к таковым относились евреи и славяне, прежде всего), в угоду высшей арийской расы. К которой, согласно идеологии Третьего Рейха, относились германские народы. Численность низших народов предполагалось сократить до минимума, необходимого для обслуживания нужд господствующей расы, а их культуру, историю и язык навсегда уничтожить. Именно фашистская Германия, проводила геноцид евреев на оккупированных территориях, загоняла их в гетто и сжигала в крематориях, создавала концлагеря смерти, где в день умирали сотни военнопленных [5, 7]. Именно каратели из батальонов СС, и подразделений украинских и литовских националистов сжигали целые деревни вместе с их жителями на территории Польши, Белоруссии, Украины и Прибалтики. В это же время японский милитаризм, уничтожал миллионы граждан Китая и Кореи на Дальнем Востоке и в Азии [3, 6]. В итоге, вторжение в Советский Союз обернулось катастрофой для немецкого народа, семь миллионов немецких военнослужащих погибли на Восточном фронте [16]. Что же получил немецкий народ и вся Европа в итоге? Только смерть и разрушение, своих целей они так и не добились. Поэтому, с точки зрения морали и нравственности, победа Красной или Советской Армии в мае 1945 г, является неоспоримым торжеством справедливости.

Однако с течением времени и изменением геополитической конъюнктуры стало меняться и отношение в ряде западных стран к событиям и итогам именно Великой Отечественной войны [15]. В последнее время, особенно за последний год, из уст западных, проевропейски настроенных политиков и некоторых отечественных

публичных деятелей, стали звучать, подчас абсурдные заявления, с претензией на объективную оценку событий, касательно переоценки роли и вклада советского народа в общемировую победу над нацизмом и фашизмом [9, 10, 15].

Делаются откровенные заявления о том, что сталинский Советский Союз наравне с гитлеровской Германией, являясь тоталитарным режимом, напрямую причастен к развязыванию Второй Мировой Войны и соответственно Великой Отечественной войны. Само понятие «Великая Отечественная», опускается при трактовке фактов. Участие СССР в войне предложено рассматривать именно в рамках Второй Мировой. Нередко это делается с той целью, чтобы напомнить, что Советский Союз помимо войны с гитлеровскими войсками, принимал участие в войне с Финляндией в 1939 г., где выступил как нападающая сторона. Советские войска вошли, и как «уточняется», оккупировали территорию Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины, входивших в то время в состав Польши. Таким образом, Советский Союз выставляется агрессором. Упоминается так же участие советских войск в боях на озере Хасан и реке Халхин-Гол с японской Квантунской армией в 1938–1939 гг. Делается это для того, чтобы приравнять два режима – гитлеровский и сталинский, подчеркнуть их тождественность на почве тоталитаризма, развить идею об их милитаризме и обосновать свойственную режимам агрессию. Если в отношении гитлеровской Германии такие утверждения были сделаны по фактам её действительных преступлений, в том числе на Нюрнбергском процессе, где осудили многих нацистских преступников [8], в отношении Советского Союза и теперь его правопреемницы России, многие факты, действительно, грубо извращаются, а подчас просто конструируются в угоду политической необходимости.

Так, например, рассматривается не просто советский народ, добывавший победу, иногда вопреки, действиям своих партийных органов, а коммунистический строй, представлявший угрозу для стран Западной Европы, а в перспективе и всего мира [15]. На Западе вспоминают о том, что до войны, в советской постреволюционной России существовал орган Коминтерна, созданный по инициативе Л. Троцкого, действия которого были направлены на претворение в жизнь идей мировой революции. Предполагалось свергнуть капиталистический строй, в разных странах Европы, путём революционного восстания пролетариата – рабочего движения этих стран. Для этого, предполагалось использовать человеческий и материальный ресурсы Советской России, бывшей Российской Империи, после Гражданской войны и начавшегося голода, лежавшей в руинах.

Конечно, осуществление такого замысла было просто невозможно. Однако советская Россия из-за политики коммунизма, оказалась изолирована от стран центральной Европы, собственно, как и Германия, проигравшая Первую Мировую войну странам Антанты. На почве

изоляции, тогда и началось сближение двух стран. При этом не стоит забывать, что с приходом к власти И. Сталина, Л. Троцкий и его сподвижники были отстранены от власти, а идея мировой революции, была заменена на идею построения коммунизма в отдельно взятой стране, то есть СССР.

Сталин хорошо понимал, что участие в таких нечеловеческих экспериментах как Коминтерн не позволит, построить сильное государство. Однако идея «Красной чумы» в Европе, культивировалась на Западе до появления реальной угрозы в лице Третьего Рейха. Справедливости ради стоит отметить, что войдя на территорию Прибалтики и Западной Белоруссии, Советский Союз занял территории, ранее входившие в состав Российской Империи, но население на этих землях не уничтожалось, развитие территорий, городов, промышленности, происходило вровень с остальной территорией СССР, а иногда и с перевесом в пользу данных регионов. Уровень жизни был близок к уровню европейских стран.

Кроме того, война с Финляндией и раздел Польши явились попыткой создать буферные зоны между СССР и набиравшей мощь и увеличивавшей свои аппетиты нацистской Германией на случай неизбежной войны. Разгром же советскими войсками японской группировки войск в Монголии в 1939 г. позволил обеспечить безопасность дальневосточных границ на период Великой Отечественной Войны. При этом совершенно замалчиваются факты, подчас действительного предательства, крупными европейскими государствами, такими как Франция и Великобритании, своих союзников Польши и Чехословакии, которые по факту были отданы в виде откупа в угоду германским интересам.

Таким образом, Западные страны подталкивали Гитлера к походу на Восток. Именно этим, по мнению большинства, отечественных историков, обусловлена задержка открытия союзниками Второго Фронта. Вплоть, до победы советских войск под Сталинградом, когда окончательно стало ясно, на чьей стороне теперь перевес в войне. Тем не менее, Советский Союз в настоящее время выставляется агрессором, напавшим на Германию [9].

Советская армия из освободительной, позиционируется как армия, состоящая из насильников и убийц, проявляя жестокость при штурме европейских городов. Однако именно благодаря действиям и решениям Советского командования, подчас в ущерб собственным интересам, освобождались европейские и прибалтийские города без применения тяжёлой артиллерии и авиации, с расчетом на сохранение исторических построек и инфраструктуры. Тысячи воинов-освободителей остались лежать в чужой – польской, чешской, немецкой и др. – землях, отдав свои жизни за освобождение Европы от по-настоящему нацистского ига и тирании. Именно советские войска освободили концлагерь смерти Освенцим, находившийся на территории Польши, а так же другие лагеря, располагавшиеся в Польше и на территории Прибалтики. При этом в

некоторых странах бывшего Советского Союза, которые в настоящее время попали в зависимость от Европы и Соединенных Штатов, и где по-прежнему проживает большое количество ветеранов и их потомков, теперь запрещена не только советская и российская символика (как якобы символика оккупантов), но и символы победы (например, георгиевская ленточка), символом же европейской победы был выбран красный мак.

Актам вандализма подвергаются памятники советским воинам, отдавшим жизни, за свободу и право людей на жизнь без войны, места их массовых братских захоронений, оскверняется их память. В таких странах, как Украина, Литва, Латвия, Эстония и др., с попустительства центральных властей, воздаются почести бывшим военным преступникам, ветеранам СС и карателям из числа местных националистов. Проводятся факельные шествия с нацистской символикой, под националистические лозунги, призывающие к убийствам и насилию, уничтожаются памятники советской эпохи, с не согласными достаточно жестоко расправляются. Вновь, культивируется идея исключительного права превосходства одних над другими, создаются специальные лагеря для подготовки вооруженных банд формирований из числа тех же националистов и радикалов. Кроме того, главы европейских государств и часть политической элиты, в сложной геополитической ситуации вынуждены игнорировать празднование Дня Победы именно 9 мая.

Вот некоторые примеры недавних заявлений политических лидеров, стран Европы и бывшего СССР, касательно роли Советского Союза во Второй Мировой войне. Премьер-министр Украины Арсений Яценюк, находясь с визитом в Германии, в интервью немецкому каналу ARD 7 января 2015 года заявил следующее: «Российская агрессия на Украине – это нарушение мирового порядка и порядка в Европе. Мы все прекрасно помним о наступлении советских войск на Украину и Германию. Этого нужно избежать. И ни у кого нет права переписывать результаты Второй мировой войны» [9].

В данном случае, наступление советских войск в ходе освободительной стадии войны с периода 1944 по 1945 гг. приравнивается украинским премьером к акту агрессии. В вину так же ставится якобы агрессия Советского союза в отношении Украины, которая во время войны, являлась частью советской оккупированной территории.

Далее, министр иностранных дел Польши Гжегож Схетына в своем интервью радиостанции «Polskieradio» заявил, что концлагерь Аушвиц-Биркенау, он же Освенцим, 27 января 1945 г. был освобожден этническими украинцами. Такой вывод он сделал, на основании названия фронта, солдаты которого освобождали концлагерь. Вот его слова: «А, может, лучше сказать, пан журналист, что это был 1-й Украинский фронт, и это украинцы освобождали, потому что в тот январский день они там были и они открывали ворота концлагеря?» [10].

При этом стоит отметить, что Советское командование называло фронты согласно, направлению на котором велись боевые действия. В Германской военной терминологии фронту, например, соответствовало название объединённой группы армий: Центр, Север, Юг, Северная Украина и т. д. Очевидно, что заявление видного политического деятеля страны подается целенаправленно в ином ключе, исключительно в угоду политическим интересам настоящей действительности.

С какой целью проводятся данные акции, делаются подобные заявления? С большей вероятностью, подобные пропагандистские приемы применяются, странами запада для оказания именно влияния и воздействия на Россию, как на страну, которая проводит независимую политику на мировой арене, для создания эффекта демонстративной изоляции, несмотря на то, что приходится переступать через нормы морали и справедливости. Тем самым оскверняется память о людях, благодаря которым сегодня Европа может, как раз таки проводить свою независимую политику, развивая при этом принципы демократии и гражданских свобод. Однако же демократия при тотальной вседозволенности, попустительстве нормам морали становится первым шагом на пути к фашизму.

Тем не менее, в пору торжества советского оружия и силы духа на Восточном фронте в самые тяжелые годы войны, лидеры и политические деятели союзных государств с нескрываемым, искренним восторгом, отдавали должное мужеству советских солдат, сражающихся с грозным и превосходящим их врагом.

Вот, как в свойственной ему манере, характеризовал действия советских войск премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в своих выступлениях 1943–1944 гг.: «...Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанёс Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире... Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством Русского манёвра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов... Кроме советских армий не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине... Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...» [13].

Президент США Ф. Рузвельт, 6 мая 1942 г., в телеграмме генералу Д. Макартуру пишет следующее: «...С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств объединённых наций вместе взятых...» [13].

Вот слова госсекретаря США (1933–1944 гг.) К. Хелла: «...Только героическое сопротивление Советского Союза спасло союзников от позорного сепаратного мира с Германией...» [13].

И даже в нацистских СМИ, полностью подконтрольных пропаганде Геббельса, не могли не отметить стойкость русских солдат. «Фелькишербеобахтер» от 29 июня 1941 г.: «...Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падет мертвым в рукопашной схватке...» [13].

Такие заявления от союзников, и врагов, людей живших в военную эпоху, принимавших ответственные государственные решения, не понаслышке знавших о войне, гораздо искреннее и ценнее, чем заявления нынешних, слабовольных политиков, готовых подороже продать себя, в зависимости от политической и собственной выгоды.

И в этой связи радуется то, что в руководстве нашей страны, на самом высшем уровне, понимают важность сохранения, для будущих поколений, памяти о подвиге наших предков, а так же осознают необходимость пресечения возможных попыток фальсификации и переписывания истории.

27 апреля 2015 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем выступлении перед участниками заседания Совета законодателей в Санкт-Петербурге, заявил следующее: «Особую тревогу вызывают попытки исказить значение Победы, выдать черное за белое, из освободителей сделать оккупантов, а из нацистских пособников – борцов за свободу..... К сожалению, самые святые вещи подчас становятся объектом спекуляции. ...Конечно, все это не ново, мы не первый раз это видим и слышим, мы уже не раз сталкивались с избирательным подходом к истории в угоду политической конъюнктуре. Но сейчас эти процессы приобрели форму настоящей агрессивной кампании» [11].

В другом своём заявлении, на семинаре-совещании с руководителями субъектов Федерации, накануне празднования 70-летия Победы, Президент отметил: «Вы знаете, до каких абсурдных и позорных заявлений дошли некоторые наши оппоненты ради политических амбиций, ради того, чтобы сдержать Россию, в конечном итоге изменить историю. ...Мы должны, конечно, этому противостоять, противостоять потоку этой наглой лжи, фальсификаций, подтасовок, искажения исторических фактов» [12].

С течением времени, как о Второй Мировой Войне, так и о Великой Отечественной, будут открываться все новые, ранее неизвестные факты, но должна оставаться одна непреложная истина, а именно вклад людей: как советских солдат, так и солдат союзников, членов антифашистского подполья, партизанских отрядов и сопротивления в победу над мировым злом, настоящей чумой двадцатого века – фашизмом. Этот факт, действительно является торжеством истиной справедливости, дарующей жизнь на земле и чистое небо над головой.

Библиографический список

1. Рокоссовский, К.К. Солдатский долг [Текст] / К.К. Рокоссовский. – М.: Вече, 2015. – 400 с.
2. Михин, П.А. «Артиллеристы, Сталин дал приказ!» [Текст] / П.А. Михин. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 345 с.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах) [Текст]. – М.: Воениздат, 1960–1965. – 1067 с.
4. Пикуль, В.С. Реквием каравану PQ-17 [Текст] / В.С. Пикуль. – М.: АСТ, 2010. – 508 с.
5. Воробьев, К. Убиты под Москвой: повести [Текст] / К. Воробьев. – М.: Вече, 2010. – 288 с.
6. Адамович, А. Каратели: роман [Текст] / А. Адамович. – СПб.: ООО Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. – 287 с.
7. Гроссман, В. Жизнь и судьба: роман [Текст] / В. Гроссман. – М.: Астрель, 2012. – 780 с.
8. URL: <http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/> (дата обращения 23.05.2015).
9. URL: <http://lenta.ru/news/2015/01/08/yatsenyuk/> (дата обращения 23.05.2015).
10. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/21/osventsim-site.html> (дата обращения 23.05.2015).
11. URL: <http://www.pnp.ru/news/detail/82379> (дата обращения 23.05.2015).
12. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/01/29/n_6871549.shtml (дата обращения 23.05.2015).
13. URL: <http://www.notum.info/blogs/velikaya-perepis-istorii> (дата обращения 23.05.2015).
14. Оружие победы (2010-2011) // Документальный сериал, Россия. – 32 выпуска по 12 мин Режиссер: Константин Давыдкин // URL: <http://www.zomoby.ru/watch/oruzhie-pobedy> (дата обращения 23.05.2015).
15. URL: <http://riss.ru/analytics/1063/> (дата обращения 23.05.2015).
16. URL: <http://0gnev.livejournal.com/154335.html> (дата обращения 23.05.2015).

УДК 821.161.1-31 + 141.2

**ТЕМА ВОЙНЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.П. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»)**

*О.С. Бегешева,
Южно-Уральский*

В данной статье рассматриваются особенности изображения войны в произведениях писателей-постмодернистов на примере романа М.П. Шишкина «Письмовник», сравнивается образ войны в постмодернистской прозе и в русской классической литературе.

Ключевые слова: война, постмодернизм, М.П. Шишкин, «Письмовник», русская классическая литература, философия.

Война всегда сопровождала человечество на всём пути его развития. Многие писатели, учёные, философы пытались объяснить феномен войны, понять причины её появления. Русская литература знает большое число произведений, посвящённых проблеме войны. К ним относятся романы Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, повести В. Быкова, Б.Л. Васильева, стихи К.М. Симонова и А.Т. Твардовского. Во всех этих произведениях война является частью внешнего мира, она повсюду окружает человека и подвергает его страшным испытаниям: герои сталкиваются с проблемами нравственного выбора, преданности, дружбы, семьи, любви. Но какой предстаёт война в творчестве современных писателей-постмодернистов, и какова её роль в произведениях?

Данную проблему мы решили рассмотреть на примере романа «Письмовник» русского писателя-постмодерниста М.П. Шишкина. Для анализа творчества этого автора вначале следует сказать о его биографии.

М.П. Шишкин родился в 1961 году в городе Москва. Работал в журнале «Ровесник», преподавал немецкий и английский языки. С 1995 года писатель живёт в Швейцарии, Цюрихе. М. Шишкин является автором многих произведений, к числу которых принадлежат рассказы «Урок каллиграфии», «Спасённый язык», романы «Взятие Измаила» и «Венерин волос». М. Шишкин является лауреатом премий Дома культуры народов мира в Берлине, «Русский Букер» (2000), «Национальный бестселлер» (2005). Его последний роман «Письмовник», написанный в 2010 году, был отмечен премией «Большая книга».

Сюжет данного произведения достаточно прост. Главные герои – Владимир и Александра – оказываются в разных временах и пространствах и пишут друг другу письма. Он находится на войне в Китае в период с 1898 по 1901 год, она живёт в советскую эпоху. Герои описывают произошедшие с ними события, размышления, жизненные уроки, анализируют свои мысли и чувства. На протяжении всего повествования мы видим, как герои меняются, развиваются, и в конце каждый из них приходит к выводу о смысле собственной жизни и назначении смерти.

Рассматривая проблему войны в данном произведении, следует обратить внимание на особенности постмодернизма как литературного направления.

Постмодернизм зародился после Второй Мировой войны. Характерной чертой авторов-постмодернистов является стремление выйти за рамки реальности, туда, где нет времени и физических границ. Данное литературное направление опирается на следующее утверждение из индийской философии: «Мир, окружающий нас, не существует, он существует в нашем воображении, мир настоящий, реальный, скрыт от нас за завесой иллюзорных представлений». Поэтому постмодернисты постоянно находятся в поиске этого настоящего совершенного бытия, которое соединяло бы в себе предметы из реального мира, идеи, мысли, воспоминания, игру воображения и внутренние переживания. В романе М. Шишкина таким «совершенным бытием» является внутренний мир героев, который отражается в письмах. Внешний мир – не настоящая реальность, он представляет собой лишь проекцию того, что происходит в самом человеке.

Данная особенность представляет собой основное отличие прозы постмодернистов от произведений писателей-классиков. Война в «Письмовнике» – это не внешняя сила, с которой сталкивается герой, а отражение внутренней борьбы персонажа с самим собой. Владимир не принимает реальную жизнь: он не может простить мать, которая вышла замуж за ненавистного ему человека, смириться с мыслью о неизбежности смерти. В своих рассуждениях герой пытается разрешить эти проблемы, найти истинную природу окружающего мира, способную дать ему внутренний покой. Для этого он обращается то к воспоминаниям, то к литературному творчеству, веря, что после физической смерти, он продолжит существовать в словах. Но столкновения с жизнью разрушают все его теории: его борьба с окружающим реальным миром оказывается бессмысленной.

«Как радоваться настоящему, если оно ненужно и никчёмно? И от всего тошнит – от обоев, от потолка, от занавесок, от города за окном, от всего этого *не я*. Тошнит от самого себя, такого же *не я*, как и всё остальное. Тошнит от куцега, убогого прошлого, состоящего из глупости и унижений. И особенно тошнит от будущего... зачем всё? Что я сам выбрал? Плоть? Время? Место? Ничего я не выбирал, никуда меня не звали» [1, с. 214–215].

Наступление эпохи постмодернизма знаменует собой коренное изменение взглядов, разрушение традиций. В русской классической литературе войну в большинстве случаев рассматривали с позиции идеологии христианского вероучения: герои проходили через традиционные этапы «вина – наказание – покаяние». На протяжении описываемых военных действий персонаж совершенствовался, проходил через испытания, проявлял героизм, менял свои убеждения. Так происходило, например, с Андреем Болконским в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

На примере произведения М. Шишкина нельзя сказать, что постмодернизм полностью отказался от данной концепции. Ведь война в «Письмовнике» – это не только отражение внутреннего состояния героя. Повсеместная жестокость, смерть, горе, нищета заставляют его по-новому взглянуть на жизнь, возвращают к вечным ценностям, открывают глаза на истинную природу вещей. Испытания пробуждают в герое его лучшие черты. Например, в истории с пропавшей пилоткой Владимир решает выполнить грязную работу вместо того, чтобы воровать чужую. Он восхищается мужеством и стойкостью простых людей, обретает настоящего друга. По словам Владимира, «нужно было здесь оказаться, чтобы научиться понимать простые вещи» [1, с. 15].

Если рассматривать войну как границу между жизнью и смертью, можно назвать её переходом из реальности в вечную жизнь. Переход этот сопровождается жестокими испытаниями, борьбой, болью, страхом за близких людей. Возможно, в этом заключается одна из главных философских мыслей произведения: чтобы достичь Истины, вечной жизни, необходимо пройти через страдания. Испытаниями, постоянной борьбой герой искупает ошибки, совершённые в реальном мире, духовно очищается и перерождается для совершенной жизни.

Данная мысль сходна с основными идеями христианства, следовательно, она сближает литературу постмодернизма с классическими произведениями.

Но необходимо отметить важное отличие между этими двумя направлениями. В произведениях писателей-постмодернистов отсутствует идеология. Автор не показывает «как надо» и «как не надо» поступать. М. Шишкин описывает обычного юношу, который сбегает на войну, будучи не в силах справиться с жизненными проблемами. Возможно, это малодушный поступок. Но для постмодернизма нет понятий «храбрость», «трусость», «героизм», «слабость». Данное литературное направление призвано «погрузить» нас во внутренний мир человека, не связанного запретами и условностями реального мира.

Таким образом, мы видим, что война, представленная в постмодернистском произведении, в отличие от войны в классической русской литературе является отражением внутренней борьбы персонажа с самим собой. Кроме того, постмодернистское произведение лишено какой-либо идеологии, автор показывает душевные переживания самого обычного человека. Но война в постмодернизме имеет и общие черты с войной, представленной в классической русской литературе. Она изменяет героя, наставляет его на правильный путь, позволяет искупить совершённые ошибки. Данный факт может свидетельствовать о том, что постмодернизм не изменяет коренным образом всю систему литературы, он лишь меняет форму произведения, предлагает нам взглянуть на события с другой точки

зрения. Постмодернизм сохраняет духовные ценности русской литературы, приспособлявая их к условиям современности.

Библиографический список

1. Лашова, С.Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.01.01 [Текст] / С.Н. Лашова. – Пермь, 2012. – 20 с.

2. Макеев, В.М. «Война» как концепт русской литературы [Текст] / Учёные записки Орловского государственного университета. – № 2 (58). – 2014.

3. Постмодернизм в литературе / Готовые домашние задания, литература+сочинения, 11 класс (серия «Ленивым детям и трудолюбивым родителям») [Текст]. – СПб.: «Издательство Тригон», 2005. – 320 с.

4. Шишкин, М.П. Письмовник [Текст] / М.П. Шишкин. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 412, [4] с.

5. Культура постмодернизма: основные черты и тенденции развития [Электронный ресурс] // URL: <http://volium.ru/articles/dostoprimechatelnosti/muzei-i-vystavochnye-zaly/kultura-postmodernizma-osnovnye-cherty-i-tendencii-razvitiya-15.php> (дата обращения 15.04.2015).

6. Тульчинский, Г.Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы [Электронный ресурс] / Г.Л. Тульчинский // URL: <http://hpsy.ru/public/x3131.htm> (дата обращения 19.04.2015).

УДК 94(470) «1941/1945» + 791.31

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

*М.К. Гагарина, М.В. Чиннова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ИЭТТ-251*

Статья посвящена философскому осмыслению воплощения военной тематики в современном кинематографе. Рассмотрены российский и голливудский подходы к созданию фильмов о Второй мировой войне, выявлены

тенденции конструирования образов войны на примере кинофильмов К. Тарантино «Бесславные ублюдки» и А. Малюкова «Мы из будущего».

Ключевые слова: западный и российский кинематограф, образы Второй мировой войны, фашизм, патриотизм, экзистенция.

Вторая мировая война явилась самой разрушительной в истории человечества. Для нашего народа она стала Великой Отечественной, поскольку противостояние фашизму в 1941–1945 гг. сопровождалось неисчислимыми жертвами. В связи с этим для советского общества Великая Отечественная война стала не только самым значительным событием в истории, но и главной темой кинематографа, начиная с послевоенных лет. Фильмы отечественных режиссеров выполняли очень важную социальную функцию связи поколений. Они несли трагедийный пафос борьбы за Родину, формируя в сознании новых поколений героический образ войны, гордость за своих предков.

В период перестройки национальный кинематограф был разрушен, в Россию пришло американское кино, занявшее доминирующее положение на российских экранах. Созданные по законам коммерческой индустрии фильмы Голливуда – далекие от исторической правды, но в то же время зрелищные, остросюжетные и высоко технологичные. Именно поэтому их просмотр так захватывает молодых неискушенных зрителей.

В настоящее время в условиях резкого охлаждения взаимоотношений между Западом и Россией, когда происходит формирование новой российской идентичности, воспитательная функция российского кино становится вновь востребованной, т.к. после двух десятилетий дегероизации и деромантизации советской эпохи, ее идеалов и символов, выросло поколение, мало знающее о реальных военных событиях, рассматривающее мир через призму собственных интересов. В связи с этим, философское осмысление воплощения военной тематики в современном западном и российском кинематографе своевременно и актуально.

Поэтому целью нашей статьи является рассмотреть конструирование образа войны в западном и российском кинематографе на примере кинолент К. Тарантино «Бесславные ублюдки» и А. Малюкова «Мы из будущего».

В данный момент фильмы о второй мировой войне являются логическим продолжением никогда не прерывавшегося противостояния двух миров – двух идеологий. Отличительной особенностью западного кино о войне является во многом пренебрежительное отношение к истории. В условиях глобализации сценаристы и режиссеры Голливуда все мощнее и крепче формируют новое видение исторических событий в мировом общественном сознании [4, с. 2], фальсифицируется вклад России в победу над фашизмом, необоснованно преувеличенно говорится о заслугах армий союзников.

Именно голливудские мастера создали систему привлекательных признаков войны на экране. История в подобных фильмах настолько состоит из вымысла и привязана к сценарию, что в сознании подрастающего поколения формируется «параллельная реальность», где войны заканчиваются, не успев начаться. А в некоторых случаях фильмы сняты так правдоподобно, что молодежь убеждена в том, что вторая мировая война закончилась в связи с ликвидацией Гитлера в одном из кинотеатров Парижа отрядом американских евреев, героически принесших себя в жертву во имя вселенской победы над фашизмом (примером этому и является фильм «Бесславные ублюдки» режиссера К. Тарантино).

Если учесть, что более половины транслируемых по европейскому телевидению фильмов произведены Голливудом, а 60 процентов каналов распространения видеопродукции в Европе принадлежит американским медиакорпорациям, то можно сделать вывод, что практически большая часть мира смотрит на мировую историю глазами США, а «голливудская» трактовка исторических событий, искажающая историческую реальность, воспринимается как учебник [1, с. 3].

Отдельным сегментом фильмов про войну является образ солдата. Любой западный фильм показывает американского солдата эталоном мужественности, несущим демократию в самые потаенные уголки нашей планеты, и в то же время пытается исказить образ русского человека, принизить, преувеличивая его недостатки и слабости. «Русский Иван» имеет отталкивающий внешний и внутренний облик: пьяный, неряшливый, недалекий умом и агрессивный, он жаждет еще выпить водки и расстрелять всех «не красных». Напротив, в советских, а позднее российских фильмах образ русского солдата построен на основе культурной памяти и не имеет темной стороны. Фильмы отечественного кинематографа пытаются напомнить зрителю о трагедии великого народа, о гибели целого поколения ради светлого будущего, нашего будущего.

В условиях глобального информационного поля, при наличии множества информационных потоков неискушенный зритель перестает ориентироваться, не способен сформировать объективное мнение в силу собственного исторического и социального невежества. Именно поэтому фильм «Бесславные ублюдки» К. Тарантино совершил переворот в истории кинематографа о войне.

В то же время, в российском кино 1990-х постоянно звучал голос критиков либерального толка о том, что образы военной эпохи в фильмах советского периода трактуются однообразно и трафаретно. В результате, под предлогом поиска «альтернативы», в национальном киноискусстве произошла десакрализация военной темы, отношение к которой всегда было священным. В результате действия двух этих векторов произошла печальная вещь: российская молодежь, в значительной степени

ориентированная на западную кинопродукцию, стала воспринимать войну по лекалам иностранных стратегов.

В настоящее время в российском кинематографе количество фильмов с военно-патриотическим содержанием неуклонно растет. Активное обращение к данной тематике обусловлено значением событий Великой Отечественной войны для большинства российских семей. Память о войне – самый крепкий, «цементирующий материал», на котором сегодня восстанавливается российская коллективная идентичность [1, с. 9].

Сегодня победа народов Советского Союза в войне во многом является единственным значимым эпизодом совместной истории, по поводу которого существует общая позитивная оценка, своим величием перекрывающая все существующие в обществе разногласия. В данном случае речь идет о символе, который выступает для общества в целом важнейшим элементом коллективной идентификации, мерилom, задающим определенный критерий оценки прошедшего и во многом – настоящего.

Одним из современных наиболее удачных экранизаций военной темы стал фантастический фильм «Мы из будущего», снятый Андреем Малюковым в 2008 году.

Главные герои – наши современники, это четверо молодых ребят, делающих бизнес на поиске и продаже орденов и медалей времен Великой Отечественной войны. «Черных археологов» не интересует, какой ценой заслужены эти награды, как погибали деды и прадеды за спасение Родины – их заботят только деньги от продажи реликвий. Примечательно, что в свободное время герои интересуются историей, но не собственной страны, а Третьего Рейха: один зачитывается мемуарами немецкого генерала, другой не скрывает своего восхищения Гитлером, мечтает найти немецкий пистолет. Между раскопками все четверо слушают немецкие песни времен войны. И никто из ребят в своих разговорах не вспоминает о патриотизме, о подвиге, о Родине: не принято и нет потребности.

Борман, Спирт, Череп, Чуха – обычные парни, ни положительные, ни отрицательные. Таких как они сегодня много, привыкших действовать по принципу «бери от жизни все», следовать своим интересам, ни в чем не сомневаться. И вдруг они оказываются в прошлом, попадают в самое пекло Великой Отечественной войны, где жизнь идет по другим законам. Парням страшно, они пытаются избежать столкновения с военной реальностью, но ситуация требует их участия. В процессе боевых действий к героям приходит прозрение, они начинают осознавать, что такое жизнь и смерть, любовь и ненависть, что такое патриотизм и фашизм.

Пройдя вместе со своими предками испытание боем, юноши по-другому стали видеть и чувствовать. Осознав цену победы советских солдат над фашистской Германией, они изменились и изменили отношение к нацизму, который вновь активизируется на постсоветском пространстве.

По мысли авторов фильма, честь и достоинство на войне важнее собственной жизни. Для человека лучше умереть, но сохранить свою честь. Право на жизнь получает лишь тот, для кого сама жизнь не является самым ценным. Если ради своей жизни человек готов поступить безнравственно, то он не имеет права на жизнь. Только те люди могут измениться в лучшую сторону, для которых такое понятие как честь имеет значение [5, с. 6]. Главный показатель фильма – это его достоверность с точки зрения атмосферы войны, исключительная точность с точки зрения психологической справедливости. Для советских солдат понятие «Родина» было священным, Родина-мать для бойцов была важнее жизни.

Ещё одна очень важная проблема, которую поднял режиссер этого фильма – черствость души современников, что отличает современную молодежь от молодежи военных лет. Лидер этих ребят в разговоре с девушкой-санинструктором чётко обозначает главное отличие молодежи военных лет от современной: «У вас есть душа, сердце».

Последний кадр, когда герой-скинхед пытается стереть со своего плеча свастику, выглядит не назидательным, но логичным. Наши герои по-другому взглянули на реальность после возвращения из своеобразного экзистенциального путешествия.

Согласно режиссерскому замыслу, именно в экстремальной ситуации, в период боев раскрывается экзистенция каждого из героев – и, казалось бы, абсолютно далекие от реалий войны вначале, все ребята оказываются готовы к подвигу и самопожертвованию в бою. В «момент истины» из пришельцев не нашлось предателей, все оказались достойными. Следовательно, нет «потерянных» людей и поколений, а есть преемственность дел и судеб от предков к потомкам. Думается, что это и есть основная идея фильма.

Библиографический список

1. См.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.kodeks.ru/document/901781482> (дата обращения 27.05.2015); Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/188373/#100> (дата обращения 27.05.2015).

2. Гудков, Л. Негативная идентичность [Текст] / Л. Гудков // Сборник статей. – М., 2014. – 179.

3. История Фонда поддержки патриотического кино, 2004 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriotfilm.ru/rus/fund.html> (дата обращения 27.05.2015).

4. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, 2003 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.>

dstm71.ru/documents/youth/federal-regulations/ 244/ (дата обращения 27.05.2015).

5. Кононов, В., Ивлетшин, Д. Кинематограф как оружие [Электронный ресурс]//URL:http://wv2.vrazvedka.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=66:--&catid=88888895&Itemid=88888898 (дата обращения 27.05.2015).

6. Куренной, В. Зрителю нужно объяснять, за что умирают герои [Текст] / В. Куренной // Огонек. – 2014. – № 10.

7. Куренной, В. Философия фильма: упражнения в анализе [Текст] / В. Куренной. – М., 2009. – 147 с.

8. Сокуров, А. «Мы из прошлого» [Текст] / А. Сокуров // Аргументы и факты. – 2014. – №27.

УДК 37.035.6 + 791.52

ББК Ч400.522 + Ц374.3(2)6-7

КИНОЛЯПЫ В ФИЛЬМАХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ИСКАЖЕНИЕ ПРОШЛОГО

*С.С. Ларионова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ФЖ-203*

Статья посвящена изучению проблемы киноляпов в художественных фильмах, посвященных Великой Отечественной войне. В работе поднимается вопрос о серьезности, казалось бы, мелких ошибок. В статье рассмотрены определения таких понятий как «киноляп», «анахронизм», «батальный фильм», а также представлена классификация киноляпов. На основе теории в эмпирической части представлен анализ наиболее популярных фильмов военной тематики на наличие технических или логических ошибок.

Ключевые слова: кинематограф, кино, военные фильмы, киноляп, война.

Кинематограф занимает значительную часть современной культуры во многих странах. Вид искусства, появившийся чуть более 100 лет назад,

получил колоссальное техническое развитие и, что уже неудивительно, – экономическое. Теперь кино – это высокоприбыльный бизнес, кинокомпании штампуют фильмы различных жанров один за другим. Ежегодно на экраны выходит около четырех сотен полнометражного кино, в целом же, по данным 2008 года киноиндустрией было выпущено 4266 единиц продукции, причем, по словам социологов, данные цифры остаются актуальными и для 2014 года [5]. Понятно, что при таком масштабном производстве невозможно не допускать какие-либо ошибки, и самая распространенная из них – киноляпы.

Киноляп – это техническая или логическая ошибка при съёмках или монтаже фильма/мультфильма, которая, будучи замеченной, нарушает естественность происходящего на экране. Ляпы могут быть допущены как случайно, так и намеренно [2].

Актуальность нашей работы мы видим в следующем: фильмы военной тематики – отражение прошлого, памяти народа, которая путем фактических ошибок искажает подлинный исторический процесс. Сегодня молодежь уже не имеет реального представления о том, что такое война. Что же в таком случае останется следующему поколению? В этой связи крайне важно в батальных фильмах максимально сохранить историческую точность.

Сегодня поиском и обличением кинематографических недочетов занимаются профессионалы, которых больше увлекает не сюжет, а точность «картинки». Именно эти люди создали некоторую классификацию киноляпов [3].

Название	Описание
Фактическая ошибка	Воспроизведение сюжета с нарушением фактической информации, логики, искажённая трактовка истории, законов природы, языка.
Анахронизм	Подвид фактической ошибки: вещь, не соответствующая описываемому времени; более ранняя или поздняя.
Ошибка в географии	Подвид фактической ошибки: расхождение между реальной географией места действия (если действие происходит в реальном месте) и сюжетом, либо неразрешимое несоответствие между двумя или более отображениями одной и той же

Прокол сюжета, или концептуальный ляп	местности в фильме. «Вплетённая» в сюжет фактическая ошибка: если её исправить, развалится весь сюжет. Нелогичности в развитии сюжета.
Ошибка связности сюжета	Внезапное появление, исчезновение и перестановка объектов, составляющих антураж сцены. Несуразности во времени, в очередности событий, появлении героев в кадре. При использовании компьютерного моделирования для спецэффектов – заметные расхождения между снятым на натуре и смоделированным элементом одной сцены. Относится к наиболее распространённым ошибкам.
Засветка	Технический персонал, кинематографическое оборудование, посторонние люди или предметы, случайно попавшие в кадр.
Явная постановочность сцены	Ошибки, при которых становится ясно, что сцена нереальна и поставлена искусственно. В том числе эпизоды, где видно, что актёров дублирует каскадёр, видимые следы предыдущих дублей.
Несинхронность звука и видео	Для шумовых эффектов – типичная ошибка звукооператора или шумовика. Для речи – как правило, связано с тем, что при съёмке актёры говорят одно, а при озвучивании замысел меняется. В советском кинематографе нередко связано с требованиями цензуры.

Нас же интересуют фактические ошибки, а именно – анахронизмы.

В словаре Ушакова анахронизмы – это ошибочное приурочение события одной эпохи к другой, нарушение хронологического правдоподобия [4]. Чаще всего данные ошибки возникают в исторических фильмах, но сильнее всего они заметны в фильмах военной тематики.

Военный фильм или батальный фильм – исторический художественный фильм, реконструирующий события реально происходившей войны или сражения, амуницию, оружие, приёмы и организацию боя. В центре художественной композиции батального фильма обычно находится сцена главного сражения, съёмки которого сочетают широкие панорамные планы с крупными планами героев фильма. Батальные фильмы – одни из самых затратных жанров в кинематографе, поскольку часто требуют привлечения или изготовления военной техники, разрушения декораций, больших костюмированных массовок, сложных компьютерных эффектов [3]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что ошибки – парахронизмы – связаны, в первую очередь, с финансовыми затратами. Часто производители кино стараются сэкономить на военной технике, ведь для широкой аудитории такие ошибки останутся незаметными, и только единицы способны обличить плута-режиссера.

Далее представлены результаты нашего анализа наиболее известных военных фильмов, в которых допущены фактические ошибки.

В фильме Резо Чхеидзе «Отец солдата» (1967 г.) немцы ходят с АК-47, а советские солдаты с погонами, несмотря на то, что действие фильма разворачивается в 1942 году, в то время как погоны ввели лишь в 1943 г.

«Жаворонок» Никита Курихин и Леонид Менакер (1964 г.) тоже знаменит своим ляпом: в разных эпизодах с изображением танка Т-34 показывают то Т-34, то Т34-85.

И даже в культовом фильме Леонида Быкова «В бой идут одни старики» (1973 г.) роль советских истребителей в фильме исполняют учебно-тренировочные самолёты Як-18, роль Мессершмитта – чехословацкий спортивно-пилотажный Злин Z-326 Акробат. Настоящие истребители времён Второй Мировой появляются только на вставках с кинохроникой.

В фильме «Сталинград» Фёдора Бондарчука (2013 г.) Т-55 изображает Т-IV mod. Ausf.H, но эти танки сошли с конвейера в апреле 1943 года, в то время как Сталинградская битва закончилась 2 февраля 1943.

В «Московской саге» режиссера Дмитрия Барщевского (2004 г.) немецкий танк Т-6 «Тигр» расстреливает советский госпиталь, в то время как, судя по фильму, ещё только начало войны, и на дворе лето 1941 г. На самом деле «Тигры» появились в вермахте только на рубеже 1942-1943 и на советском фронте в боевых действиях до Курской битвы почти не участвовали.

«На безымянной высоте» режиссера Вячеслава Никифорова (2004 г.) в начале фильма пулеметчик с колокольни стреляет из пулемета

Калашникова ПК. Кроме этого, и советские, и немецкие танки изображают Т-72 с ночным инфракрасным прожектором «Луна». А ведь действие фильма происходит в 1944 году.

В фильме «Спасти или уничтожить» режиссера Владимира Фатьянова (2013 г) время действия – июль 1941 г., а между тем в штабе армии на стене висит портрет Сталина в мундире с погонами и орденами, напомним, что погоны ввели в 1943 году.

Итак, в данной работе представлены самые грубые ошибки, которых, к сожалению, с каждым годом становится все больше. Анахронизмы – Ахиллесова пята батальных фильмов. Ее наличие способствует формированию ложного представления об истории вооружения армии. Таким образом, искажается представление о военной истории, и, как следствие, мы не можем говорить об истинном патриотизме и знании доблестной истории народа, потому что подкованность в данном вопросе дает человеку более насыщенную и полную картину прошлого.

Решение проблемы анахронизмов зависит, в первую очередь, от тех, кто занимается созданием военных фильмов. Эти люди должны понимать, как важно точно преподнести не только сами исторические события, но и их составляющие (оружие и амуницию) для сохранения нашей коллективной памяти.

Библиографический список

1. Академик (словари) [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/209202> (дата обращения 17.05.2015).
2. Киноляпы: энциклопедия от А до Я [Электронный ресурс] // URL:<http://kinoerr.com/monstr2.htm> (дата обращения 17.05.2015).
3. Киноляпы: энциклопедия от А до Я [Электронный ресурс] // URL: <http://kinoerr.com/monstr7.htm> (дата обращения 17.05.2015).
4. Мир слов Ушакова [Электронный ресурс] // URL: http://www.mirsllovushakova.ru/show_termin/45952/ (дата обращения 17.05.2015).
5. Официальный сайт кинокомпании «Screen Australia». <http://www.screenaustralia.gov.au/gtp/acompfilms.html> (дата обращения 17.05.2015).

ФОТОГРАФИЯ И ВОЙНА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*А.В. Пеннер,
Южно-Уральский
государственный университет,
КТУР-310*

Данная статья посвящена осмыслению образов Великой Отечественной войны в современном медийном пространстве. Фотография – род артефактов, запечатлевших героев, сражения, знаменательные события, переживает кризис. Во-первых, фотография разрезается на фрагменты, которыми субъект манипулирует по собственному усмотрению. Во-вторых, фрагменты фото и целые фотографии помещаются в чужие и чуждые контексты. Возникает «игра контекстов», в которую вовлечены и фотографы, и пользователи Интернет, и все те, кто знакомится с историей СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фотография, подмена, контекст, патриотическое воспитание.

Великая Отечественная война – одно из крупнейших, переломных и знаковых событий в мировой истории. Советский Союз, вынужденный вступить в войну летом 1941 года, принял на себя сильнейший удар. Нет ничего удивительного в том, что ВОВ осталась и еще надолго останется в памяти народа. Встречи с ветеранами, музейные экскурсии, школьные уроки, семейное воспитание – все это немногочисленные каналы трансляции знаний о масштабном событии.

К сожалению, не любой канал трансляции функционирует без сбоев. Дисфункция канала трансляции непосредственно связана с умышленным или неумышленным искажением знания о прошлом (фальсификация информации, подделка артефакта и т. д.). Однако дисфункция канала трансляции исторического знания связана не только с фальсификацией. Этот тезис необходимо проиллюстрировать. Иллюстрацией обозначенного положения может служить фотоматериал, стремительно и бесконтрольно возникающий на просторах Интернет. Великая Отечественная война и фотография неотделимы друг от друга. Всем известно, что фотография – один из каналов трансляции, аккумуляции, генерации памяти народа [1]. В том числе, фотоматериал позволяет познакомиться с военными событиями, героями сражений, техникой, отдельными регионами. Для

современной молодежи и в современной системе образования артефакты прошлого приобретают особую важность. Ознакомление учащихся с фотоматериалом – один из замечательных дидактических и воспитательных приемов.

Но как возможно патриотическое воспитание в связи с дисфункцией канала трансляции знаний о Великой Отечественной войне (и иных исторических событий)? Ответ на этот вопрос не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Кажется, фотография – артефакт, точно воспроизводящий увиденное человеком. При более внимательном рассмотрении этого положения, оказывается, что это не так. Посредником во взаимодействии субъекта и действительности выступает объектив. Немаловажны выбор ракурса, освещение и т. д. Все это известно. Фальсификация возможна в результате фотомонтажа. Монтаж, прочно связанный, в числе прочего, и с искажением изображения, позволяет не только изменить форму или цвет фотографии, но и превратить фото в некоторую совокупность единиц, дискретных по своей природе. Фотоколлаж – наиболее примитивная и яркая иллюстрация «конструирования» фотографии (мы утверждаем, что в конце XX – начале XXI столетия фотография стала объектом конструирования) [1]. Артефакты различных эпох, регионов вступают друг с другом в игру, возникая в едином поле, вторгаясь в сознание воспринимающего субъекта. При этом эклектизм в условиях современного медийного пространства есть не только смешение различных стилей, но и смешение реалий.

Модульность фотографии – условие возможной фальсификации прошлого. В том числе, фотографии военных лет используются для создания коллажей. Дисфункция канала трансляции знаний о Великой Отечественной войне непосредственно связана и с иной проблемой. Для упрощения дела назовем ее «игрой контекстов» [3, с. 269]. Как будто демонстрируя свою власть, субъект изымает знак из исторического контекста и помещает в иной. Иной контекст становится чужеродной средой. Для того чтобы знак прижился в почве, в новых условиях, требуется время. Чужая среда далеко не всегда принимает и может принять тот или иной знак. Тем не менее, субъект играет контекстами и знаками. Проиллюстрируем выраженную мысль примерами. На одном из «щитов», используемых, как правило, для размещения рекламы, представлен фрагмент фотографии отдыхающих советских солдат. Надпись гласит: «Ночевать на сырой земле 5 лет... Попробуй ты!». Надпись, что не трудно заметить, диссонирует с изображением. Молодому поколению брошен вызов. Однако этот случай далеко не самый показательный. На одном горизонтально ориентированном плакате, прикрепленном к забору, было написано «9 мая. День великой победы». Стандартное сообщение само по себе не вызывает никакого диссонанса. Однако в сочетании с фрагментом фотографии, на которой запечатлены немецкие солдаты, сообщение

вызывает отторжение. Сходное содержание и у плаката, совмещающего репродукции двух фотографий – советских ветеранов в парадной форме и немецких солдат, рвущихся в бой. Фрагмент фотографии при этом тот же самый, что и в предыдущем примере.

«Игра контекстами» не есть «прерогатива» фотографов. Возможностями искажения прошлого обладает любой пользователь Интернет, умеющий работать с графическими программами. Более того, «игра контекстами» не есть только игра с фотоматериалом. В действительности, в условиях современной эклектики, военную символику тоже встраивают в чуждые ей контексты. Например, популярной сегодня является серия периодических изданий «ДеАгостини» «Ордена СССР». Ордена – это не только предметы коллекционирования, но и предметы широкой торговли. Цена ордена «Победа» была чуть выше, в сравнении с ценами на иные ордена. На различных Интернет-форумах появлялись сообщения типа «Ура! Наконец-то дали "Победу"!». То же происходит и с гвардейской лентой, давно уже ставшей предметом купли-продажи. В Интернете есть множество фотографий, запечатлевших помещение военного символа в чуждый ему контекст: прикрепленная к джинсам, завязанная на голове собаки, обволакивающая шею кота, использованная в оформлении дешевой обуви, – георгиевская лента тиражируется, «омассовляется», попадая в чуждые знаковые среды.

Таким образом, Великая Отечественная война в современном медийном пространстве – это не только историческое событие, о котором помнят и должны помнить, но и предмет многочисленных фальсификаций. Фотографии времен войны тоже стали объектами искажения. Фрагменты и целые снимки изымаются из родных контекстов, сред, и вставляются в другие, чужеродные. В результате возникает межзнаковая напряженность [2, с. 311], дисгармония. Однако эта дисгармония воспринимается далеко не всеми, постепенно становясь нормой. Борьба против этой новой «нормы» – подлинная цель современного образования и воспитания.

Библиографический список

1. Барт, Р. Camera lucida [Электронный ресурс] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/camera/01.php (дата обращения 18.05.2015).
2. Барт, Р. Риторика образа: Семиотика и поэтика [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с. – С. 297–319.
3. Лотман, Ю.М. О природе искусства: Статьи по семиотике культуры и искусства [Текст] / Ю.М. Лотман. – С-Пб.: Академический проект, 2002. – 543 с. – С. 265–272.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

*Е.Д. Скурлатова,
Южно-Уральский
государственный университет,
ФЖ-203*

В данной статье рассмотрены различные аспекты философии войны в виртуальных играх, а также само отражение философии в компьютерных играх. Проанализирована особенность трактовки философии в виртуальной реальности и выявлены точки соприкосновения сферы философии и компьютерных игр. Показано, что трактовка войны с точки зрения философии неоднозначна.

Ключевые слова: Философия, философия войны, компьютерные игры, Assassin's Creed, Правда о девятой роте, Rome Total War – Alexander, Air Conflicts, The Lord of the Rings: War in the North, The Elder Scrolls V: Skyrim, The Witcher.

Практически все игры, начиная с прошлого века и заканчивая современными, основаны на войнах или на разнообразных военных конфликтах. Отношение к войне, понимание её всегда были разнообразны. Это во многом зависит от религии, социума, конкретной исторической ситуации, воспитания и некоторых других причин.

В компьютерных играх трактовка войны тоже представлена весьма разнообразно. И достаточно часто это зависит от того какого персонажа вы выберете в свои виртуальные прототипы. Выступаете вы в роли захватчика или защитника. Обычно игр, в которых можно выступить в роли пацифиста, очень мало и можно это сделать только в рамках ключевого военного сюжета. Например, в игре Metal Gear Solid V: Ground Zeroes существует лишь одно специальное достижение под названием «Пацифист», получить которое можно, не используя оружие, или ограничив себя в этом при прохождении сюжетной линии. Однако мало в каких играх представлена сфера философии. У компьютерных игр, как правило, иные задачи. Разумеется, встречаются работы с хорошо проработанными культурными и историческими пластами и там возможно «отыскать» философию среди сюжета и героев. И, конечно же, эту философию нельзя назвать классической.

Одной из таких игры является *Assasin's Creed*.

Кратко о сюжете: Действие игры разворачивается в 2012 г. и во времена Третьего крестового похода (1191 г.). Бармена Дезмонда Майлза, главного героя, похищает корпорация «Абстерго», которая с помощью Анимуса, машины для извлечения генетической памяти, хочет найти артефакт Частицы или Яблоки Эдема. В курс дела Дезмонда вводят учёный Уоррен Видик и его ассистентка Люси Стиллман. Они рассказывают ему, что он является потомком ассасина Альтаира ибн-Ла-Ахада, который обнаружил артефакт, и через него хотят узнать местонахождение вещи. Дезмонд с помощью машины путешествует по памяти своего предка и вместе с ним мы наблюдаем за развитием истории. Во время игры за ассасина из города Масиафа мы узнаём, что думают ассасины и наши современники о войне.

Среди ассасинов в ходу такие символические фразы-приветствия: «Мир над тобой!», «Покоя и мира!». Они придерживаются такого мнения, что смерть нескольких человек во спасение тысяч не самая большая жертва. Как правило, жертвами ассасинов становятся люди высокого положения, которые своими действиями разжигают или поддерживают огонь войны. Можно сказать, что ассасины видели войну так же, как, например, видел её русский философ Николай Александрович Бердяев, который писал: «Война есть зло, но она лишь результат большего зла лежащего в его основе» [1, 2].

Таким образом, продолжая данную аналогию, отметим, что члены ордена ассасинов стремились уничтожить хотя бы частично то, что по их мнению, было тем самым «большим злом», что не давало утихнуть Третьему Крестовому походу, а именно – они убивали лидеров европейских войск. Главный герой и его братья по ордену придерживаются идеи «меньшего зла». В пользу идеи «меньшего зла» выступает и само кредо ассасинов, нарушение которого строго карается: «Не убивай невиновных, всегда будь незаметным, не подвергай опасности братство» (первая часть кредо «Не убивай невиновных»). Кроме того они стремятся установить мир не только между людьми, но и в самих себе. Так, например, уже в самом начале игры звучит фраза, которая стала широко известна именно благодаря игре: «Ничто не истинно, всё дозволено». Таковы последние слова Хассана ибн Саббаха, Горного Старца. И важно то, что в данной игре эта фраза трактуется не как призыв к вседозволенности и анархии, о чём конкретно говорит глава братства главному герою, а как призыв к объективному анализу всего, что тебя окружает, т.к. он основан на идее того, что у каждого свой жизненный путь и своя истина.

Н.А. Бердяев писал: «Мы все виноваты в войне, все ответственны за нее и не можем уйти от круговой поруки. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться» [1, 3]. И в игре – во время войны между христианами из Европы и мусульманами из Азии, а также не прямое участие в ней ордена ассасинов, показало истинный характер, как Альтаира, так и его учителя Аль-Муалима. Альтаир был самонадеянным и самодовольным,

но позже, разгадав все загадки своей судьбы и пройдя все испытания, он стал лучше, чем был прежде. Также в конечном итоге именно из-за войны удалось раскрыть истинную сущность духовного лидера ордена ассасинов Аль-Муалима – властность и желание безраздельно править новым государством, которое могло появиться на «святой земле».

Еще одна игра, которую нам бы хотелось включить в свой анализ, – *The Elder Scrolls V: Skyrim* (*Древние свитки 5: Скайрим*). Страна-разработчик – США (Bethesda Game Studios). Это мультиплатформенная (предназначенная как для персональных компьютеров, так и для игровых консолей) компьютерная ролевая игра с открытым миром, вышедшая 11 ноября 2011 года.

Основная сюжетная линия игры связана с появлением в Скайрине могущественного злого дракона Алдуина; на главного героя – Драконорожденного, как он потом узнает, – возложена задача остановить возвращение драконов и победить Алдуина. Место действия: земля под названием Скайрим, весьма похожая на Скандинавию времён викингов.

Помимо основной сюжетной линии в данной игре существуют множество побочных веток. Одна из таких веток повествует о гражданской войне в Скайрине. Две противоборствующие стороны – Имперский легион, представляющий интересы Империи в Скайрине, находящийся под командованием генерала Туллия, и Братья Бури – группа нордов во главе с Ульффриком Буревестником, ярлом Виндхельма (ярл – представитель высшего сословия, доверенное лицо конунга, занимающийся управлением на местах), устроили мятеж против Империи, вследствие чего в Скайрине началась Гражданская война. Братья Бури выступают за отделение Скайрима от остальной Империи. Дабы заявить о себе всему Скайриму, Ульффрик убивает верховного короля Скайрима Торуга, но вскоре попадает в сети имперцев, а после бежит из плена. В зависимости от выбора стороны кардинально меняется предлагаемое мировоззрение, при этом игрок может соблюдать и нейтралитет.

В этой игре в целом хорошо изображена гражданская война как явление, где нет абсолютно правых и абсолютно виноватых. Однако особо внимательные игроки могут обратить внимание на несколько обличающих фактов по отношению к Братьям Бури. Так по ходу прохождения основной сюжетной линии главный герой пробирается в посольство расы Высоких эльфов, которая давно пытается разрушить Империю и изменить политический центр в свою пользу. В этом посольстве главный герой находит документы, утверждающие, что Ульффрик Буревестник тайный агент высоких эльфов, их пешка, которая в последнее время «не выходит на контакт» и не выполняет ранее озвученных приказов. Вдобавок к этому ярл Ульффрик убивает конунга (верховного правителя) Скайрима в бою нечестным способом. Кроме того Братья Бури проводят националистическую политику под классическим лозунгом «Скайрим для

нордов!». Однако и имперская система не идеальна. Игра начинается с того, что главного героя в повозке везут на казнь в крепость Хелген для казни по недоказанному обвинению.

Эта гражданская война особо видна в негативном свете, если герой сохраняет нейтралитет. Когда всеобщая угроза уничтожения встаёт перед Скайримом в полный рост, главному герою приходится устанавливать перемирие между враждующими сторонами и в их диалоге между собой игрок через свою виртуальную копию осознаёт, насколько это пагубный конфликт. Прежде всего, его уже нельзя разрешить мирным путём – его подогревают всё новые жертвы. Это замечает даже далёкий от политики представитель ордена монахов Арнгейм (лидер Седобородых): «Мир? Сомневаюсь. Они на некоторое время сложили оружие, но только чтобы набраться сил для нового кровопролития ... Знаешь как в древности норды называли войну? «Бесконечная пора»... Так и выходит».

На самом совете о заключении перемирия споры начинаются с самых мелочей, вроде условий проведения переговоров, состава делегаций и тому подобного. Позже ярл Ульффрик произносит: «Мы здесь только для того чтобы дать возможность Довакину (одно из имён главного героя) справиться с драконами. Не более того. Я считаю, что сам факт переговоров с Империей – это уже широкий жест», что лишний раз доказывает тупик в попытке найти мирный выход из данного конфликта. К чему предводитель противоборствующей стороны добавляет: «Хочу прояснить одну вещь. Этот совет созвал не я. Лично я считаю, что это пустая трата времени». Позже диалог между главами сторон конфликта продолжился в том же резко негативном духе по отношению друг к другу. Ярл Ульффрик: «Что до тебя Туллий (генерал Имперского легиона), я вижу, что говорить с Империей по-прежнему бесполезно. Скайрим больше никогда не склонится перед твоей лживой Империей». Генерал Туллий: «Ты всегда был глупцом, Ульффрик. В дипломатии ты также слаб, как и на поле боя». И весьма точно данную ситуацию характеризует фраза одного из нейтральных участников совета: «Довольно! Неужели вы настолько слепы? Вы сидите тут и спорите... ни о чём. Алдуин (главное зло) вернулся. Он уже пожирает души ваши павших товарищей. Он становится сильнее с каждым солдатом, погибшим на вашей бессмысленной войне!»

Однако в контексте рассмотренного информационного материала может возникнуть небезосновательный вопрос: надо ли вообще соединять какую бы то ни было философию с компьютерными играми? Действительно ли, существует это совмещение? И приходится констатировать: да, оно существует. Иногда разработчики идут на это осознанно, используют философию как один из способов донесения своей идеи до аудитории. Иногда появление философии в играх происходит неосознанно. Создатели, передавая весь дух определённой эпохи, её культурный и исторический пласт, вместе с ними захватывают и философские грани реальности.

В завершении можно ещё раз отметить, что трактовка категории войны в компьютерных играх современности весьма разнообразна и неоднозначна. Многое здесь зависит от реалий прошлого и общепризнанного взгляда на исторические события, а также от идеологии страны разработчика. Главное, о чем стоит опять упомянуть, практически ни в одной из компьютерных игр большего или меньшего масштаба, кроме нескольких, количество которых можно пересчитать по пальцам, не смотрят на войну с точки зрения пацифистов, что определённо даёт повод для размышления. Кроме того, очень часто военные действия представлены как «правое дело во имя высшей цели», а это означает идеализацию войны, и не всегда она изображена как вынужденная необходимость с ужасающими жертвами и последствиями.

И, пожалуй, еще стоит сказать о том, что игры являются действительно сильным инструментом влияния на сознание и мировоззрение людей. А так как в компьютерных играх, особенно если они основаны на реальных событиях, зачастую факты искажаются и игроки не всегда обладают достаточным количеством знаний, чтобы увидеть искажения, «мировоззренческий эффект» (а значит и философское значение) виртуальных игр приобретает особое значение.

Библиографический список

1. Брацун, Е.В. Русская философская мысль о войне [Электронный ресурс] // URL: <http://www.proza.ru/2012/07/21/1558> (дата обращения 24.04.2015).
2. Бердяев, Н.А. Философия неравенства [Текст] / Н.А. Бердяев. – Москва: АСТ, 2006. – 59 с.
3. Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1993. – 383 с.
4. Информация об игре «Assassin's Creed». Справка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.assassins-creed.ru/page-15-ob-igre.html> (дата обращения 24.04.2015).
5. Кузьменко, А. Assassin's Creed [Электронный ресурс] // URL: http://www.igromania.ru/articles/56136/Assassins_Creed.htm (дата обращения 24.04.2015).
6. Информация об игре «The Elder Scrolls: Skyrim». Справка [Электронный ресурс] // URL: <http://elderscrolls.net/skyrim/> (дата обращения 24.04.2015).

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ В ВИДЕОИГРАХ

*Р.К. Фазлытдинов, А.А. Карнаев,
Южно-Уральский
государственный университет,
ФЖ-203*

Статья посвящена философскому осмыслению войны в видеоиграх. В ней рассмотрены базовые механизмы проникновения игровых практик в жизнь общества, отражены основные особенности изображения войны в виртуальном мире, показано, что виртуальные игры могут формировать у игроков легковесное отношения к войне.

Ключевые слова: видеоигра, виртуальная реальность, война, геймификация, игра, игрок.

Актуальность темы предлагаемой статьи обусловлена тем, что мы живём в век компьютерных технологий, которые развиваются с каждым днём. Вместе с ними развивается и индустрия виртуальных игр, в том числе и игр с военным сюжетом, разработчики которых с каждым годом стремятся сделать их всё более реалистичными. В настоящее время люди, с детства привыкшие к компьютеру, активно используют его не только в качестве рабочего инструмента, но и как средство развлечения. Широкий выпуск гаджетов позволяет людям играть везде и в любое время, тем самым всё больше погружаться в виртуальную реальность.

К вопросу о природе игры и о её связи с социумом обращались различные исследователи, такие как Й. Хёйзинга, Г. Маркузе, Э. Финк и др. Однако феномен «видеоигры», в силу его недавнего появления, до конца еще не изучен, и в том числе видеоигры с военной тематикой. Как правило, человек во время игры в очередной «шутер» (от англ. shoot-стрелять) не отдаёт себе отчёта как, почему и зачем он воюет. Но именно эти вопросы являются основополагающими во всём военном процессе, даже если он лишь виртуальный. В нашей работы мы постарались раскрыть особенности отражения войны в видеоиграх.

Проникновение игры в жизнь. На сегодняшний день видеоигры – это неотъемлемая часть жизни большого числа людей различных возрастных категорий, они незаметно проникают в нашу реальность, вместе с тем, и сами они всё больше наполняются жизнью. Более того, в последнее время многие научные деятели говорят о процессе геймификации (игрофикации) жизни человека. Своё определение данному процессу дал А. Ветушинский:

«Геймификация – процесс проникновения видеоигр, отдельных процедур и практик, им свойственных, во всевозможные сферы жизни – от нашей обычной жизни до науки и бизнеса» [1]. Иное определение предлагает К. Мартынов, по которому геймификация – это «перенос игровых моделей в мотивацию людей для того, чтобы они что-то делали в реальном мире». В качестве примера он приводит приложение на телефоне, которое утром заставляя своего пользователя сделать пробежку, иначе его в этом приложении съедят «зомби», а при слишком медленном беге из телефона начнут доноситься их устрашающие голоса [8].

Также, наряду с «геймификацией», существует понятие «играизация», которое вводит С.А. Кравченко. Ученый понимает под данным феноменом «внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять социальные роли, адаптироваться к «обществу в действии» [5, с. 143–144]. Ещё одним понятием, очень схожим с вышеописанными, оперирует в своих работах Л.Т. Ретюнских. Она вводит термин «играизация» и определяет его как «процесс проникновения игровых элементов в иные сферы человеческой реальности» [9, с. 61–69]. Анализируя эти определения, можно заключить, что термины «геймификация», «играизация» и «играизация», хотя и имеют различные смысловые оттенки, обозначают в сущности одно и то же явление.

К процессу игры можно относиться по-разному. С одной стороны, «геймификация» открывает новые горизонты, например, в обучении или коммуникации. Но с другой стороны, – члены общества зачастую уходят от реальности, всё больше времени посвящая виртуальному миру. Специалисты утверждают, что игра вообще может поработить человека, то есть вызвать игровую зависимость. Человек в данном состоянии уже не отличает реального от виртуального. Но в таком случае, по мнению Л.Т. Ретюнских, игра уже перестаёт быть игрой, «так как лишается своей важнейшей характеристики, существования в удвоенной реальности – в области настоящего, из которой человек может выйти в любой момент» [9, с. 61–69].

Геймификация внедряется во многие сферы жизни общества: семейные отношения, работу, политику, искусство и т. д. Данный процесс сопровождается появлением множества приложений и видеоигр. В связи со своим широким распространением, видеоигры в современном мире становятся предметом изучения многих исследователей. То, что в России называют философией видеоигр, в Европе и США именуется «Game studies». При этом «Game studies» – это академическая дисциплина, занимающаяся изучением видеоигр [1].

Война в игре. Видеоигры широко распространены, т.к. в них совершенно любой человек может позволить себе быть тем, кем он пожелает, или тем,

кем он всегда мечтал быть. Виртуальная игра даёт человеку возможность решить какую-либо задачу, принять определённое решение, побывать в ситуации риска и т.д. Но при этом, сидя в своём кресле, игрок всегда остаётся в безопасности [3]. Этим, во многом, можно объяснить высокую популярность видеоигр с военной тематикой. Такая игра делает возможным для игрока погрузиться в атмосферу войны, почувствовать себя в роли солдата на поле битвы или же ощутить себя военачальником, ведущим свои войска вперёд. Но в условиях виртуальной войны, в отличие от реальной, у игрока всегда есть возможность «сохраниться», восстановить «запас жизни», пройти миссию заново, в независимости от того, сколько раз он погиб под виртуальными пулями, прежде чем дошёл до конца. Отсюда следует, что война виртуальная, в отличие от реальной, зачастую лишается эмоционально-духовного накала. Чувство долга, присущее воину, теряет свою значимость. Редкий игрок, проводя своё время за очередной видеоигрой, моделирующей военный конфликт, задумывается о сущности войны, её основных идеях или пути к её познанию хотя и это возможно.

Так А.Е. Снесарев назвал комплекс умозаключений того или иного индивида относительно войны и всего, что с ней связано, военным мирозерцанием, а философию войны, в свою очередь, квалифицировал как переработанное («обнаученное») военное мирозерцание [11, с. 108–109]. Он указывал на то, что авторы трудов о войне ставили себе цель ответить на глубокие философские вопросы: «Каким началом, положительным или отрицательным, предстаёт война в жизни людей?», «Война – это явление естественное или искусственное, вечное или временное?» и др. [11, с. 112].

Казалось бы, в играх с военным сюжетом нет ничего плохого, ведь люди играют, в основном, ради удовольствия, и нет смысла искать ответы на вечные вопросы, если игрок сел провести несколько часов за игрой. Однако проблема в том, что игроки не должны переносить своего отношения к виртуальной войне на войну реальную, но они часто делают это.

Например, обязательным элементом любой войны, не только реальной, но и виртуальной, является моделирование образа врага, который впоследствии закрепляется в сознании игрока. Как правило, в видеоиграх все персонажи вымышленные, в том числе и подразумеваемый враг. Но случается и так, что разработчик намеренно на место противника помещает реального человека.

Так, на выставке Electronic Entertainment Expo в 2003 году в Лос-Анджелесе 19-летний Джесс Петрилла представил общественности трёхмерный шутер «Охота на Саддама». В нём игроку предлагалось «стать участником борьбы против иракского диктатора». В борьбе игроку дается возможность использовать самые разнообразные средства по своему усмотрению. Кульминацией игры является свержение статуи диктатора и выход с ним один на один [7, с. 19–20]. Данный пример показывает, как в

современности с помощью видеоигр, моделирующих определённый образ врага, может вестись идеологическая война, склоняющая общественное сознание к нужному для политического субъекта образу мыслей. И таких игр очень много.

Стратегическая составляющая в играх с военным сюжетом вовлекается в боевые действия достаточно редко. Зачастую всё, что нужно сделать игроку для победы над противником – это «переключать» его компьютерной мышью, что формирует у пользователя, в отсутствие полноценного знания и реального военного опыта, легковесное отношение к войне.

Сама философия войны в виртуальной реальности подразумевает, что борьба идёт не просто так, а за что-то. В роли «чего-то» в видеоиграх обычно выступают либо абстрактные очки, которые начисляются за уничтожение врагов, либо контрольные точки, которые необходимо пройти для продолжения сюжетной линии [4].

В онлайн-играх, от того, сколько врагов игрок сумеет уничтожить в пределах одного игрового отрезка, зависит его положение в рейтинге. Это стимулирует участника игры к выбору агрессивной и жесткой модели поведения, достижению доминирования любой ценой, вне рефлексии на этот счет. Поэтому видеоиграм с военным сюжетом безусловно присуще насилие, поскольку обязательным итогом любой игры должна быть победа одной стороны и, соответственно, поражение другой. Однако справедливости ради стоит отметить, что такой итог всегда связан с любым соревнованием, любым конфликтом, ведь даже совершенно абстрактные игры, такие как шахматы, являются своеобразной формой военного конфликта [6].

Войну с игрой сравнил нидерландский философ Й. Хёйзинга в своём трактате *Homo Ludens* («Человек играющий», 1938). В начале главы «Игра и ратное дело» философ формулирует мысль, что оба понятия «сражение» и «игра» нередко сливаются. По его мнению, любая «схватка», ограниченная условиями или нормами, имеет формальные признаки игры. Хёйзинга пишет: «Сражение как одна из функций культуры, всегда предполагает наличие ограничительных правил, требует, до известной степени, признания за собой некоторых качеств игры. И в относительно развитые времена война иной раз всё еще принимает вполне игровые формы». В качестве примера мыслитель приводит рыцарский турнир. Он называет данный элемент средневековой культуры «сражением напоказ», другими словами – игрой, несмотря на то, что на этапе зарождения таких турниров случались и смертельные исходы [12, с. 133–134].

Хёйзинга говорит также о том, что война может быть помещена в агональную (состязательную) сферу жизни общества. Причём, по его убеждению, сам агон (от др.-греч. «борьба» или «состязание») неизменен в своём игровом характере. Философ считает, что в противостояниях из-за голода, страха, религиозных убеждений, жажды крови, – состязательный

элемент не получает своего развития. По его мнению, феномен войны возникает только тогда, когда «особое, патетическое настроение охватывающей всех враждебности делается отличным от распри между отдельными людьми». Согласно Хейзинге, война может быть возвышена до святого дела и впоследствии помещена в сферу чести. Именно чувство чести и связанный с ней дух состязания и должны вдохновлять людей в борьбе с равным противником [12, с. 141]. Следовательно, связь войны и игры очевидна.

Война, как и любая игра, являясь, как мы уже отметили, в какой-то степени состязанием, игрой, должна быть ограничена определёнными правилами, признаваемыми обеими сторонами конфликта. Но в видеоиграх с военным сюжетом ограничения на ведение боя накладываются редко, и зачастую игра превращается в «виртуальный тир». По предложению Международного Комитета Красного Креста (МККК), по аналогии с реальной жизнью, в играх с военной тематикой должны быть предусмотрены виртуальные последствия поступков и решений игрока, принимаемых на протяжении игрового процесса. МККК считает, что: игроков «следует премировать за соблюдение права вооружённых конфликтов, а за серьёзные нарушения права, т.е. военные преступления, должны предусматривать виртуальные наказания. Этот элемент уже включен в ряд видеоигр, моделирующих ситуации конфликта» [2].

Беспокойство МККК основано на том, что геймеры в процессе игры начинают легкомысленно относиться к нарушениям права вооружённых конфликтов. Существует опасность того, что игроки станут считать такие нарушения приемлемыми и в реальности.

Ник Робинсон, доцент политологии в Университете Лидса, в одной из своих статей касается вопроса реалистичности игр с военной тематикой, он приводит пример игры «12 сентября», созданной уругвайцем Гонзало Фраска, в которой критикуются способы борьбы против терроризма в США. Суть «геймплея» (игрового процесса) такова: игрок должен бороться с террористами, оккупировавшими город, путём установки бомб. При этом в городе находятся и мирные жители. Как бы игрок не старался, гибель мирных граждан неминуема. Посыл этой игры, по мнению автора, состоит в том, что война с террором не может быть выиграна путём военных действий, которые будут лишь производить эскалацию насилия [10].

Таким образом, видеоигры с военной тематикой занимают значительное место в жизни современного человека. Обращение к виртуальным военным играм кому-то помогает просто развлечься, скоротать время, а кому-то сбросить агрессию. Но в любом случае разработчики игр могут использовать параметры сетевого продукта для продвижения своих идей в подсознание и сознание пользователя.

Реальная война всегда трагична, влечет за собой невероятное количество жертв, страшные разрушения, голод, эпидемии и ещё очень много других

бедствий. Но, несмотря на то, что графическое оформление войны в видеоиграх со временем становится всё более реалистичным, разработчикам пока так и не удаётся перенести ужасы реальной войны в виртуальную сферу. Вследствие чего видеоигры формируют у населения легкомысленное отношение и к военным действиям непосредственно, и к самой сути военного конфликта. Нам представляется, что видеоигры о войне оправдают своё существование лишь в том случае, если они будут способны донести до игрока мысль о страшных последствиях любой войны, ставить игроков перед этическими и, шире, философскими вопросами.

Библиографический список

1. Ветушинский, А.С. Геймификация всей страны, какие задачи и для чего решает философия видеоигр: интервью с А.С. Ветушинским; записал А. Коняев [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Лента.ру» интернет-газета [Офиц. сайт]. 03.01.14 // URL: <http://lenta.ru/articles/2014/01/03/gamification/> (дата обращения 15.05.2015).

2. Видеоигры и право войны [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста [Офиц. сайт]. 27.09.13 // URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/film/2013/09-28-ihl-video-games.htm> (дата обращения 15.05.2015).

3. Восканян, М. В. Философия игры и реальность [Электронный ресурс] // Изборский клуб – Институт динамического консерватизма [Офиц. сайт] // URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/363/> (дата обращения 15.05.2015).

4. Казунов, В. Starhawk-бета-впечатления [Электронный ресурс] // Gametech [Офиц. сайт] 11.01.12 // URL: <http://www.gametech.ru/articles/257/> (дата обращения 15.05.2015).

5. Кравченко, С.А. Играизация российского общества [Текст] / С.А. Кравченко // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6.

6. Кузнецов, И. Насилие в играх неизбежно – как его грамотно использовать? [Электронный ресурс] // Теории и практики [Офиц. сайт]. 16. 02. 11 // URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/1287-nasilie-v-igrakh-neizbezhno--kak-ego-gramotno-ispolzovat> (дата обращения 15.05.2015).

7. Макаренкова, В. Видеоигры в информационной и психологической борьбе [Текст] / В. Макаренкова // Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 2.

8. Мартынов, К.К. Game Studies: Как изучают видеоигры: интервью с К.К. Мартыновым; записала А. Козыревская [Электронный ресурс] // Редакционно-издательский дом «ПостНаука» [Офиц. сайт]. 05.02.15 // URL: <http://postnauka.ru/talks/41340> (дата обращения 15.05.2015).

9. Ретюнских, Л.Т. Игра и игроизация в поле субъективного выбора [Текст] / Л.Т. Ретюнских // Развитие личности. – 2005. – № 3. – С. 61–69.

10. Robinson, N. Realistic war games have collateral damage of their own [Электронный ресурс] // An independent source of news and views «The Conversation»[Официальный сайт]. 14. 10. 13 // URL: <http://theconversation.com/realistic-war-games-have-collateral-damage-of-their-own-18976> (дата обращения 15.05.2015).

11. Снесарев, А.Е. Философия войны [Текст] / А.Е. Снесарев // Антология отечественной военно-политической мысли – М.: Фин. контроль, 2003. – 286 с.

12. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий [Текст] / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Гредновская Е.В.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧЕЛОВЕК ВЗЫСКУЮЩИЙ	
<i>Белова Л.И., Бестужева А.А.</i> Специфика освещения религиозно-философской мысли в современных неоязыческих журналах	6
ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ	
<i>Гредновская Е.В., Первушина Е.О.</i> Философия кино: между Мамардашвили и Сокуровым	16
ЧЕЛОВЕК ПОЛИСНЫЙ	
<i>Баркова В.В., Сидорова У.В.</i> Роль философского постижения социальной реальности в саморазвитии личности	33
<i>Куличков И.Л.</i> Всестороннее развитие личности: миф или реальность	42
ЧЕЛОВЕК ПРАКТИЧЕСКИЙ	
<i>Устьянцев А.А.</i> У. Джемс о деятельности заинтересованного субъекта	51
<i>Вишев И.В.</i> Иммутология: политологический аспект	58
ЧЕЛОВЕК ТВОРЧЕСКИЙ	
<i>Соломко Д.В.</i> Образ театрального действия в контексте философии культуры	70
ЧЕЛОВЕК ВИРТУАЛЬНЫЙ	
<i>Григорьева Л.М., Цейслер В.Э.</i> Онтологическое обоснование сущности техники М. Хайдеггером	76
<i>Гредновская Е.В., Дыдров А.А.</i> Мир www: новые формы философского знания	82
ПРОБА ПЕРА	
<i>Вейс А.А.</i> Поиск целостности в иллюзорном мире	94
<i>Чадченко А.В.</i> Необходимость этичной экономики в России: внедрение нового направления «Эко-Эко»	98

Кондрашук Р.А. Перемены глазами элина (к методологической проблеме кризиса Афинского полиса IV в. до н.э.)	103
Никишина Д.Ю., Изергина С.В. Гераклит Эфесский. Взгляд на войну через призму диалектики	107
Понятенко Е.В., Семенова Д.А. Конфуций: творчество, посвященное войне	111
Мякишева А.В., Сухих А.Е. Мысли о войне в творчестве Н. Макиавелли	115
Никифорова А.А., Валлиулина А.Х. Учение Гегеля о войне.....	121
Замотохина А.А., Шатохина А.П. Философия войны Н.Б. Бердяева. Человек на войне	125
Чернявский В.М., Голышев М.А. Метафизические основания войны в творчестве Н.А. Бердяева	130
Михеева М.И., Бусыгина М.А. Влияние философии Ф. Ницше на генезис национал-социалистической идеологии	134
Стельмах Д.М. «Философия войны» в осмыслении западно-европейских философов: проблематика войны А. Глюксмана.....	138
Беззубов В.О. Философия войны в современном мире.....	142
Солодовникова В.М. Патриотизм как ментальная черта российского народа	146
Иванова О.В. Феномен героизма в философии и психологии.....	152
Гаврилова Д.С., Харисова С.В. Женщина и образ женщины на войне	156
Главщикова А.О., Локтионова К.С. Обожгла наше детство война: дети и война	161
Кодулев Н.М. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны	169
Бегишева О.С. Тема войны в постмодернистской прозе (на примере романа М.П. Шишкина «Письмовник».....	178
Гагарина М.К., Чиннова М.В. Конструирование образов войны в современном кинематографе	182

<i>Ларионова С.С.</i> Киноляпы в фильмах о Великой Отечественной Войне как искажение прошлого	187
<i>Пеннер А.В.</i> Фотография и война: использование военной тематики в современном медийном пространстве	191
<i>Скурлатова Е.Д.</i> Философия войны и ее воплощение в компьютерных играх.....	194
<i>Фазлытдинов Р.К., Карнаев А.А.</i> Философия войны в видеоиграх.....	199